1952.

№ 868.

№ 1958 049

1949

58372

S
<36629120330018
<36629120330018
Bayer. Staatsbibliothek
E

P.o. rel. 8155 L. (1

7 183/1777
К 584 сс
Первая Русская платная народная библіотека
88-1
К.74
50

СОБРАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

ИВАНА КОЗЛОВА.

19781
8959

Часть первая.

RIGAS PILSETAS 3. BIBLIOTEKA

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства.

1833.

12

Русская Публичная Народная Библиотека

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С.-Петербургъ 4-го Октября 1832 года.

Ценсоръ В. Семеновъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

Kozlov

Изданіе книгопродавца *Смирдина.*

FgT/79/6701

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Чернецъ, Кіевская повѣсть . . . . . 1.

Къ другу В. А. Ж. . . . . 33.

Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая . . . . . 55.

Безумная, Русская повѣсть . . . . . 115.

Венгерскій лѣсъ, Баллада. . . . . 149.

Невѣста Абидосская, Турецкая повѣсть . . . . . 177.

ЧЕРНЕЦЪ,

КІЕВСКАЯ ПОВѢСТЬ.

RIGAS PILSETAS 3. BIBLIOTĒKA

Прекрасный другъ минувшихъ, свѣтлыхъ дней,
Надежный другъ дней мрачныхъ и тяжёлыхъ,
Вина всѣхъ думъ и грустныхъ, и весёлыхъ,
Моя жена и мать моихъ дѣтей!
Вотъ пѣснь моя, которой звукъ унылой,
Бывало, въ часъ безсонницы ночной,
Какою-то невидимою силой
Меня плѣнялъ и духъ тревожилъ мой!
О, сколько разъ я плакалъ надъ струнами,
Когда я пѣлъ страданье Чернеца,
И скорбь душѝ, обманутой мечтами,
И пылъ страстей, волнующихъ сердца̀!
Моя душа сжилась съ его душою:
Я съ нимъ бродилъ во тмѣ чужихъ лѣсовъ;
Съ его родныхъ Днѣпровскихъ береговъ
Мнѣ вѣяло знакомою тоскою.
Быть можетъ, мнѣ такъ сладко не мечтать;
Быть можетъ, мнѣ такъ стройно не пѣвать!—
Какъ мой Чернецъ, всѣ страсти молодыя
Въ грудѝ моей давно я схоронилъ;
И я, какъ онъ, всѣ радости земныя
Небесною надеждой замѣнилъ.

Не зрѣть мнѣ дня съ зарями золотыми,
Ни розъ весны, ни сердцу милыхъ лицъ!
И въ цвѣтѣ лѣтъ ужъ я между живыми
Тѣнь хладная безчувственныхъ гробницъ.
Но я стремлю, встревоженъ тяжкой мглою,
Мятежный рой сердечныхъ думъ моихъ
На двухъ дѣтей, взлелѣянныхъ тобою,
И на тебя, почти милѣй мнѣ ихъ.
Я въ васъ живу, — и сладко мнѣ мечтанье!
Всегда со мной мое очарованье.
Такъ въ тёмну ночь цвѣтокъ, краса полей,
Свой запахъ льётъ, незримый для очей.

Санктпетербургъ,
17 Сентября, 1824 года.

RIGAS PILSĒTAS 3. BIBLIOTĒKA

ЧЕРНЕЦЪ.

I.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкой
Въ крутыхъ брегахъ кипитъ, шумитъ,
У рощи на горѣ высокой
Обитель иноковъ стоитъ;
Вокругъ нея стѣна съ зубцами,
Четыре башни по угламъ,
И по срединѣ Божій храмъ
Съ позолочёными главами;
Рядъ келій, тёмный переходъ,
Часовня у святыхъ воротъ
Съ Чудотворящею Иконой,
И подлѣ ключь воды студёной
Журчитъ цѣлительной струёй
Подъ тѣнью липы вѣковой.

II.

Вечерній мракъ въ туманномъ полѣ;
Заря ужъ гаснетъ въ небесахъ;
Не слышно пѣсенъ на лугахъ;
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ;
Ни рогъ въ лѣсу не затрубитъ,
Никто не прóйдетъ, — лишь порою
Чуть колокольчикъ прозвѣнитъ
Вдали̇ дорóгой столбовою;
И на Днѣпрѣ у рыбаковъ
Ужъ нѣтъ на лодкахъ огоньковъ;
Взошелъ и мѣсяцъ полуночный,
И звѣзды яркія горятъ;
Поляны, рощи, вóды спятъ;
Пробилъ на башнѣ часъ урочный;
Обитель въ сонъ погружена;
Повсюду миръ и тишина.
Въ далёкой кельѣ лучь лампадный
Едва блеститъ; и въ кельѣ той
Кончаетъ вѣкъ свой безотрадный
Чернецъ, страдалецъ молодой.
Утраты, страсти и печали
Свой знакъ ужасный начертали

На пасмурномъ его челѣ;
Гроза въ сердечной глубинѣ;
Судьба его покрыла тмою:
Откуда онъ, и кто такой?
Не знаютъ. Но въ враждѣ съ собой,
Онъ мучимъ тайной роковою.
Разъ ночью, въ бурю онъ пришолъ;
Съ тѣхъ поръ въ обители остался,
Жизнь иноковъ печально вёлъ,
Дичился всѣхъ, отъ всѣхъ скрывался;
Его видъ чудный всѣхъ страшилъ,
Чернецъ ни съ кѣмъ не говорилъ:
Но въ глубинѣ души унылой
Ужасное замѣтно было.
Въ торжественный молитвы часъ
И онъ пѣвалъ хвалебный гласъ. . .
Но часто вопли тяжкой муки
Святые прерывали звуки!
Бывало, онъ, во тмѣ ночей,
Покоя въ кельѣ не находитъ,
И въ длинной мантіи своей
Между могилъ, какъ призракъ, бродитъ; —
Теперь недвижимъ, ждётъ конца:
Недугъ терзаетъ Чернеца.

III.

Предъ нимъ, со взоромъ умиленья,
Держалъ Игуменъ Крестъ спасенья. —
И тяжко страждущій вздыхалъ:
Онъ пламенѣлъ, онъ трепеталъ,
Онъ дважды тихо приподнялся,
Онъ дважды рѣчь начать старался;
Казалось, нѣкій грозный сонъ
Воспоминать страшился онъ,
И робко, дико озирался.
Чернецъ, Чернецъ, уже ли ты
Всё помнишь прежнія мечты!...
Но превозмогъ онъ страхъ могилы;
Зажглися, гаснущія, силы;
Онъ старца зá руку схватилъ,
И такъ страдалецъ говорилъ:

IV.

«Отецъ! Межъ васъ пришлецъ угрюмый,
Быть можетъ, я моей тоской
Смущалъ спасительныя думы
И миръ Обители святой.

Вотъ тайна: дней моихъ весною
Ужъ я всё горе жизни зналъ;
Я взросъ бездомнымъ сиротою,
Родимой ласки не видалъ;
Веселья дѣтства пролетали,
Едва касаясь до меня;
Когда ровесники играли,
Уже задумывался я;
Огонь и чистый, и прекрасной
Въ грудѝ младой пылалъ напрасно:
Мнѣ было не́ кого любить!
Увы! я долженъ былъ таить,
Страшась холоднаго презрѣнья
Отъ непривѣтливыхъ людей,
И се́рдца пылкаго волненья,
И первый жаръ душѝ моей!
Уныло разцвѣтала младость;
Смотрѣлъ я съ дикостью на свѣтъ;
Не зналъ я, что такое радость;
Отъ самыхъ отроческихъ лѣтъ
Ни съ кѣмъ любви не раздѣляя,
Жилъ нелюдимо въ тишинѣ, —
И жизнь суровая, простая
Отрадною казалась мнѣ.

Любилъ я по лѣсамъ скитаться,
День цѣлый за звѣрьми гоняться,
Широкій Днѣпръ переплывать,
Любилъ опасностью играть,
Надъ жизнью дерзостно смѣяться;
Мнѣ было не́ чего терять,
Мнѣ было не́ съ кѣмъ разставаться.

V.

Но вскорѣ съ Невскихъ береговъ
Покрытый воинъ сѣдинами
Пріѣхалъ вѣкъ дожить межъ нами,
Подъ тѣнью отческихъ дубровъ.
Онъ жилъ въ селѣ своемъ съ женою,
И съ ними дочь въ семнадцать лѣтъ...
О, старецъ! Гробъ передо мною....
Во взорахъ тмится Божій свѣтъ!...
Ея давно ужъ въ мірѣ нѣтъ...
Но ею всё живу одною....
Она одна въ моихъ мечтахъ,
И на землѣ, и въ небесахъ!....
Отецъ святой, теперь напрасно
О ней тебѣ подробно знать!
Я не хочу ея назвать!....
Молися только о несчастной!

Случайно насъ судьба свела;
Ея красы меня плѣнили;
Она мнѣ сердце отдала, —
И мать съ отцомъ насъ обручили.
Уже налой съ вѣнцами ждалъ;
Всё горе прежнее въ забвеньи, —
И я въ сердечномъ упоеньи,
Дивясь, Творца благословлялъ.
Давно ль, печально увядая,
Была мнѣ въ тягость жизнь младая?
Давно ли духъ томился мой,
Убитый хладною тоской?
И вдругъ дано мнѣ Небесами
И жить, и чувствовать вполнѣ,
И плакать сладкими слезами,
И видѣть радость не во снѣ!
Съ какой невинностью святою
Она, пылающей, душою,
Лила блаженство на меня!
И кто изъ смертныхъ подъ луною
Такъ могъ любить её, какъ я?
Сбылося въ ней мое мечтанье,
Весь тайный міръ души моей, —
И я, любви ея созданье,
И я воскресъ любовью къ ней!

VI.

Но снова рокъ ожесточился;
Я снова обреченъ бѣдамъ.
Какой-то вдругъ, на гибель намъ,
Далёкій родственникъ явился;
Онъ Польскихъ войскъ хорунжій былъ;
Злодѣй, онъ чести измѣнилъ!
Онъ прежде самъ коварно льстился
Съ ней въ бракъ насильственно вступить,
Хотѣлъ ограбить, притѣснить, —
И пре́зренъ былъ, — и только мщенья
Искалъ, съ улыбкой примиренья.
О, мой отецъ! Сердечный жаръ
Благихъ Небесъ высокій даръ.
Нѣтъ, не горитъ Огонь Священной
Въ душѣ, порокомъ омраченной.
Не видно звѣздъ въ туманной мглѣ:
Любовь Святое на землѣ.
Ему ль любить!... Но, ахъ, судьбою
Намъ съ нашей матерью родною
Была разлука суждена!
Она незапно сражена
Недугомъ тяжкимъ... мы рыдали;
Мы одръ съ молитвой окружали;

Насталъ неизбѣжимый часъ:
Родная скрылася отъ насъ.
Еще теперь передъ очами,
Какъ въ страшную разлуки ночь
Теплѣйшей вѣры со слезами
Свою рыдающую дочь
Земная мать благословляла,
И, взявъ дрожащею рукой
Пречистой Дѣвы ликъ святой,
Её Небесной поручала.
Съ кончиной матери, смѣлѣй
Сталъ мстить неистовый злодѣй;
Онъ клевѣталъ; уловкой злою
Онъ слабой овладѣлъ душою, —
И старецъ слову измѣнилъ:
Желанный бракъ разрушенъ былъ.
Обмануть низкой клевѣтою,
Онъ мнилъ, безжалостный отецъ,
Что узы пламенныхъ сердецъ
Могъ разорвать; и дочь младая,
Его колѣна обнимая,
Вотще лила потоки слёзъ;
Но я ни гнѣва, ни угрозъ,
Ни мщенья ихъ не убоялся,

Презрѣлъ злодѣя, дочь увёзъ,
И съ нею тайно обвѣнчался.

VII.

Быть можетъ, ты, отецъ святой,
Меня за дерзость обвиняешь;
Но, старецъ праведный, не знаешь,
Не зналъ ты страсти роковой.
Ты видишь сердца трепетанья,
И смертный хладъ, и жаръ дыханья,
И блѣдный ликъ, и мутный взоръ,
Мое безумье, мой позоръ,
И грѣхъ, и кровь — вотъ пламень страстный!
Моей любви вотъ слѣдъ ужасный!
Но будь мой рокъ еще страшнѣй:
Она была... была моей!
О, какъ мы съ нею жизнь дѣлили!
Какъ, утѣсненные судьбой,
Найдя въ себѣ весь міръ земной,
Другъ друга пламенно любили!
Живою нѣжностью мила,
Въ тоскѣ задумчивой милѣе,
На радость мнѣ она цвѣла;
При ней душа была свѣтлѣе.

Промчался годъ прелестнымъ сномъ,
Ужъ мнилъ я скоро быть отцомъ;
Мы сладко въ будущемъ мечтали,
И оба вмѣстѣ уповали:
Родитель гнѣвный намъ проститъ.
Но злоба алчная не спитъ:
Въ опасный часъ къ намъ вѣсть несётся,
Что вся надежда отнята,
Что дочь отцомъ ужъ проклята....
Обманъ ужасный удаётся —
Злодѣй несчастную убилъ:
Я мать съ младенцемъ схоронилъ.
И я... Творецъ!.. надъ той могилой,
Гдѣ лёгъ мой сынъ съ подругой милой,
Стоялъ, — и живъ!...

Отецъ святой!
Какъ было, что потомъ со мною,
Не знаю: вдругъ какой-то тмою
Былъ омраченъ разсудокъ мой;
Лишь помню, что, большой дорóгой
И день, и ночь скитаясь, я
Упалъ; когда жъ вошелъ въ себя,
Лежалъ ужъ въ хижинѣ убогой,

Безъ чувства бѣдъ моихъ, безъ силъ;
Я жизнь страданьемъ пережилъ,
И въ сердцѣ замерло волненье;
Не скорбь, но страхъ и удивленье
Являло томное лицо;
Въ душѣ всё прежнее уснуло;
Но невзначай въ глаза мелькнуло
Моё вѣнчальное кольцо...

. . . . . .

VIII.

Я бросилъ край нашъ опустѣлой;
Одинъ, въ отчаяньи, въ слезахъ,
Блуждалъ, съ душой осиротѣлой,
Въ далёкихъ дебряхъ и лѣсахъ.
Мой стонъ, мой вопль, мои укоры
Ущелья мрачныя и горы
Внимали съ ужасомъ семь лѣтъ.
Угрюмый, скорбный, одичалой
Терзался я мечтой бывалой;
Рыдалъ о томъ, чего ужъ нѣтъ.
Ночная тѣнь, потокъ нагорной,
И бури свистъ, и вѣтровъ вой
Сливались втайнѣ съ думой чёрной,
Съ неуполимою тоской;

И горе было наслажденьемъ,
Святымъ остаткомъ прежнихъ дней;
Казалось мнѣ, моимъ мученьемъ
Я не совсѣмъ разстался съ ней.

IX.

Гдѣ сердце любитъ, гдѣ страдаетъ,
И Милосердый Богъ нашъ тамъ:
Онъ крестъ даётъ, и Онъ же намъ
Въ крестѣ надежду посылаетъ.
Чрезъ семь тяжелыхъ, грозныхъ лѣтъ
Блеснулъ и мнѣ отрадный свѣтъ.
Однажды я, ночной порою,
Сидѣлъ уныло надъ рѣкою;
И неба огнезвѣздный сводъ,
И тихое луны мерцанье,
И говоръ листьевъ, и плесканье,
Луной осеребренныхъ, водъ,
Невольно душу всё плѣняло,
Всё въ міръ блаженства увлекало
Своей таинственной красой,
Проснулся духъ мой сокрушенной:
«Творецъ всего! Младенецъ мой
«Съ моей подругой незабвенной
«Живутъ въ Странѣ Твоей Святой;

58372

«И, можетъ быть, я буду съ ними,
«И тамъ они навѣкъ моими!...»
Любви понятны чудеса:
Съ какимъ-то тайнымъ ожиданьемъ
Дрожало сердце упованьемъ;
Я поднялъ взоръ на небеса,
Дерзалъ ихъ вопрошать слезами....
И, мнилось, мнѣ въ отвѣтъ былъ данъ
Сей безмятежный океанъ,
Съ его нетлѣнными звѣздами.
Съ тѣхъ поръ я въ бѣдствіи самомъ
Нашелъ, отецъ мой, утѣшенье,
И тяжкимъ уповалъ крестомъ
Съ ней выстрадать соединенье.
Еще, бывало, слёзы лью,
Но ихъ надежда услаждала,
И горесть тихая смѣняла
Печаль суровую мою.
Забылъ я, Вѣрой пламенѣя,
Мое несчастье и злодѣя:
Она съ младенцемъ въ небесахъ
Мечталась сердцу въ райскихъ снахъ.
Я къ ней душою возносился, —
И мысль однимъ была полна:

Желалъ быть чистымъ, какъ она;
И съ жизнью радостно простился;
Но умереть хотѣлось мнѣ
Въ моей родимой сторонѣ.
Я сталъ скучать въ горахъ чужбины:
На рощи наши, на долины
Хотѣлъ послѣдній бросить взглядъ,
Увидѣть край, весь ею полный,
И сельскій домикъ нашъ, и садъ,
И синія Днѣпровски волны,
И церковь на холмѣ, гдѣ спитъ
Въ тѣни берёзъ ихъ пепелъ милой,
И какъ надъ тихою могилой
Заря вечерняя горитъ.

X.

Ахъ, что сбылось съ моей душою,
Когда въ святой красѣ своей
Вдругъ видъ открылся предо мною
Родимыхъ Кіевскихъ полей!
Они, какъ прежде, зеленѣли,
Волнами также Днѣпръ шумѣлъ,
Всё тотъ же лѣсъ вдали темнѣлъ,
На жнивахъ тѣ же пѣсни пѣли,
И также всё въ странѣ родной,

А нѣтъ лишь тамъ ея одной!
Вездѣ знакомыя долины,
Ручьи, пригорки и равнины
Въ прелестной, милой тишинѣ
Со всѣхъ сторонъ являлись мнѣ
Съ моими свѣтлыми годами;
Но съ отравленною душой,
На родинѣ пришлецъ чужой,
Я ихъ привѣтствовалъ слезами
И безотрадною тоской.
Я шелъ; день къ вечеру склонялся;
И скоро сельскій Божій храмъ
Предсталъ испуганнымъ очамъ;
И внѣ себя я приближался
Къ могилѣ той, гдѣ сынъ, жена. . .
Вся жизнь моя погребена.
Я чуть ступалъ, какъ бы страшился
Прервать ихъ непробудный сонъ;
Въ груди стѣснялъ мой тяжкій стонъ,
Чтобъ ихъ покой не возмутился;
Страстямъ встревоженнымъ своимъ
Не смѣлъ вдаваться духъ унылой;
Казалось мнѣ, надъ ихъ могилой
Дышалъ я воздухомъ святымъ.

Творилось дивное со мною,
И я съ Надеждой неземною
Колѣна тихо приклонилъ,
Молился, плакалъ и любилъ. . .
Вдругъ слышу шорохъ за кустами;
Гляжу, что жъ взоръ встрѣчаетъ мой?
Жнеца съ подругой молодой,
И возъ, накладенный снопами;
И вижу я, между сноповъ
Сидитъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ
Младенецъ съ алыми щеками.
Невольно я затрепеталъ:
«Я всё имѣлъ, всё потерялъ.
«Намъ не́ дали жить другъ для друга.
«Въ сырой землѣ моя подруга,
«И не въ цвѣтахъ младенецъ мой;
«Его червь точитъ гробовой.»
Въ слезахъ тогда къ нимъ на могилу
Безъ памяти бросаюсь я;
Горѣло сердце у меня;
Тоска души̇ убила силу;
Цѣлуя дёрнъ, я разрывалъ
Руками жадными моими
Ту землю, гдѣ я лёгъ бы съ ними;

Въ безумствѣ дикомъ я роптал;
Мнѣ что-то страшное мечталось;
Едва дышалъ я; въ мутной тмѣ
Сливалось всё, какъ въ тяжкомъ снѣ;
Ужъ чувство жизни пресѣкалось,
И я лежалъ между гробовъ
Мертвѣй холодныхъ мертвецовъ.
Но свѣжій воздухъ, влажность ночи
Страдальца вновь животворятъ;
Вздохнула грудь, открылись очи,
Кругòмъ бродилъ мой томный взглядъ:
Всё было тихо, скрыто мглою,
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть свѣтилъ,
И лишь могильною травою
Полночный вѣтеръ шевелилъ.

XI.

Я всталъ, и скорыми шагами
Пошелъ съ потупленной главой
Черезъ поляну; за кустами
Вилась дорóга подъ горой;
Почти безъ памяти, безъ цѣли,
Я шелъ куда глазà глядѣли:
Изъ-за кустовъ на встрѣчу мнѣ
Несётся кто-то на конѣ.

Не знаю самъ, какой судьбою. . . .
Но вдругъ . . . . я вижу предъ собою,
При блескѣ трепетномъ луны,
Убійцу сына и жены.
Отецъ, то встрѣча роковая!
Я шелъ, весь міръ позабывая;
Не думалъ я его искать,
Я не хотѣлъ ему отмщать;
Но онъ, виновникъ разлученья,
Онъ тамъ, гдѣ милые въ гробахъ,
Когда еще въ моихъ очахъ
Дрожали слёзы изступленья. . .
То знаетъ совѣсть, видитъ Богъ;
Хотѣлъ простить, простить не могъ.
Я измѣнилъ святой надеждѣ,
Я вспомнилъ всё, что было прежде, —
И за узду схватилъ коня:
«Злодѣй, узналъ ли ты меня?»
Онъ робко смотритъ, онъ дивится,
Онъ саблю обнажить стремится;
Увы! со мною былъ кинжалъ. . . .
И онъ въ крови съ коня упалъ.

Тогда еще не разсвѣтало;

Я внѣ себя иду назадъ;
И рощи, и поля̀ молчатъ,
Передъ зарёю всё дремало,
Лишь нёсся гулъ издалека̀,
Какъ конь скакалъ безъ сѣдока.
Безчувственно я удалялся.
Всё, что сбылось, казалось мнѣ,
Какъ что-то страшное во снѣ.
Вдругъ звонъ къ Заутренѣ раздался...
Огнями свѣтлый храмъ сіялъ,
А небо вѣчными звѣздами,
И лунный свѣтъ осеребрялъ
Могилы тихія съ крестами;
Призывный колоколъ звенѣлъ;
А я стоялъ, а я смотрѣлъ,
Я въ свѣтлый храмъ итти не смѣлъ....
«О чемъ теперь, и какъ молиться?
Чего мнѣ ждать у Олтарей?
Мнѣ ль уповать навѣки съ ней
Въ святой любви соединиться?
Какъ непорочность сочетать
Убійцы съ буйными страстями?
Какъ въ Небѣ Ангела обнять
Окровавленными руками?»

XII.

Въ Обитель вашу я вступилъ,
Искалъ я слёзъ и покаянья;
Увы, я, грѣшный, погубилъ
Святыя сердца упованья!
Бывало, бѣдствіе мое
Я Вѣрой услаждалъ всечасно;
Теперь — до гроба жить ужасно!
За гробомъ — вѣчность безъ нее!
Я мнилъ, отецъ мой, между вами
Небесный гнѣвъ смягчить слезами;
Я мнилъ, что постъ, молитва, трудъ
Винѣ прощенье обретутъ;
Но и въ Обители спасенья
Я слышу бурь знакомый шумъ;
Проснулись прежнія волненья,
И сердце полно прежнихъ думъ.
Вездѣ, отчаяньемъ томимый,
Я вижу ликъ неотразимый;
Она въ умѣ, она въ рѣчахъ,
Она въ моленьи на устахъ;
Къ ней сердце пылкое стремится,
Но тѣнь священную боится
На лонѣ мира возмутить.

О, вѣрь, необагренный кровью,
Дышалъ я чистою любовью,
Умѣлъ земное позабыть:
Я въ Небесахъ съ ней думалъ жить!
Теперь, какъ гибельнымъ ударомъ
И тамъ я съ нею разлученъ,
Опять горю безумнымъ жаромъ,
Тоскою дикой омраченъ.
Здѣсь, на соломѣ, въ кельѣ хладной,
Не предъ Крестомъ я слёзы лью;
Я вяну, мучуся, люблю,
Въ печали сохну безотрадной;
Весь ядъ, всё бѣшенство страстей
Кипятъ опять въ груди моей,
И, жертва буйнаго страданья,
Мои преступныя рыданья
Тревожатъ таинство ночей.

XIII.

Вчера — бьётъ полночь — страхъ могилы
Послѣднія разрушилъ силы —
И предъ Иконою Святой
Съ непостижимою тоской

Я изливалъ мои страданья;
Я Милосердаго молилъ,
Чтобъ грѣхъ кровавый мнѣ простилъ,
Чтобъ принялъ слёзы покаянья.
Вдругъ что-то, свыше осѣня,
Какъ будто душу озарило
И тайной святостью страшило,
Отецъ мой, грѣшнаго меня.
Лампада лучь дрожащій, блѣдной
Бросала томно въ кельѣ бѣдной.
Покрыта бѣлой пеленой,
Она предстала предо мной,
И черныя горѣли очи
Ярчѣе звѣздъ осенней ночи.
О, нѣтъ, то былъ не призракъ сна
И не обманъ воображенья!
Святой отецъ, къ чему сомнѣнья!
Съ нея слетѣла пелена,
И то была, повѣрь . . . . она!
Она, прелестная, младая!
Ея улыбка неземная!
И кудри тёмныя съ чела
На грудь лилейную бѣжали,
И, мнилось мнѣ, ея уста

Былое, милое шептали;
Всё та жъ любовь въ ея очахъ,
И нашъ младенецъ на рукахъ.
«Она!... Прощенъ я Небесами!»
И слёзы хлынули ручьями.
Я внѣ себя бросаюсь къ ней,
Схватилъ, прижалъ къ груди моей...
Но сердце у нея не бьётся,
Молчитъ плѣнительная тѣнь;
Неумолимая несётся
Опять въ таинственную сѣнь:
И руки жадныя дрожали,
И только воздухъ обнимали;
Мечтой обмануты, онѣ
Къ груди прижалися однѣ.
«Ужель отринуты моленья?
Ужель ты вѣстникъ отверженья?
Или, въ ужасный, смертный часъ,
Моя всё вѣрная подруга,
Хотѣла ты въ послѣдній разъ
Взглянуть на гибнущаго друга?»....
И съ ложа на колѣна палъ
Чернецъ; и замеръ голосъ муки;
Взоръ оживился, засверкалъ;

Къ чему-то вдругъ простеръ онъ руки,
Какъ изступленный закричалъ:
«Ты здѣсь опять!... конецъ разлуки!
Зовёшь!... моя!.. всегда!.. вездѣ!..
О, какъ свѣтла̀!.. къ нему!.. къ тебѣ!...»—

XIV.

Два дни, двѣ ночи онъ томился,
И горько плакалъ, и молился;
На третью ночь отецъ святой
Обитель мирную сзываетъ;
Послѣдній часъ уже летаетъ
Надъ юной, грѣшною главой.
И въ келью брата со свѣчами
Соборомъ иноки вошли,
И бѣлый саванъ принесли...
И гробъ досчатый за дверями.
Печаленъ былъ ихъ томный гласъ,
За упокой души̇ молящихъ;
Печаленъ видъ ихъ чёрныхъ рясъ,
При тускломъ блескѣ свѣчь горящихъ.
Прочитана святымъ отцомъ
Отходная надъ Чернецомъ.

Когда жъ минута роковая
Пресѣкла горестный удѣлъ,
Онъ, тлѣнный прахъ благословляя,
Ударить въ колоколъ велѣлъ....
И звонъ трекратно раздаётся
Надъ полуночною волной,
И объ усопшемъ вѣсть несётся
Далёко зыбкою рѣкой.
Въ пещеру вѣщій звонъ домчался,
Гдѣ схимникъ Праведный спасался:
«Покойникъ!» старецъ прошепталъ,
Открылъ налой, и чётки взялъ.
У рыбаковъ сонъ безмятежной
Имъ прерванъ въ хижинѣ прибрежной.
Грудной младенецъ сталъ кричать;
Его крестить съ просонья мать;
Творить молитву начинаетъ,
И тихо колыбель качаетъ, —
И передъ тлѣющимъ огнёмъ
Опять уснула крѣпкимъ сномъ.
И черезъ поле той порою
Шелъ путникъ съ милою женою;
Они свой ужасъ въ тёмну ночь
Весёлой пѣснью гнали прочь:

Они, лишь звоны раздалися, —
Перекрестились, обнялися,
Пошли грустнѣй рука съ рукой...
И звукъ утихъ во тмѣ ночной.

КЪ ДРУГУ

В. А. Ж.

КЪ ДРУГУ

В. А. Ж.

(По возвращеніи его изъ путешествія.)

Опять ты здѣсь! опять судьбою
Дано мнѣ вмѣстѣ быть съ тобою!
И взоръ, хотя потухшій, мой
Ужъ взоровъ друга не встрѣчаетъ;
Но сердцу внятный голосъ твой
Глубоко въ душу проникаетъ.
О! долго въ дальней сторонѣ
Ты зажился, нашъ путникъ милый!
И сей разлуки годъ унылый,
Мой другъ, былъ чернымъ годомъ мнѣ!
Но я любить не разучился,
Друзей моихъ не забывалъ,
Отъ нихъ нигдѣ не отставалъ,
И часто мысленно носился

Съ тобою выше облаковъ,
Въ странѣ, гдѣ посреди снѣговъ
Весна роскошно зеленѣетъ,
Гдѣ виноградъ душистый рдѣетъ,
Дубровы мирныя шумятъ,
Луга̀ красуются цвѣтами,
И вѣковые льды горятъ
Небесной радуги огнями.
И часто, часто я съ тобой
Альпійскихъ вѣтровъ слушалъ вой,
И мрачныхъ соснъ суровый ропотъ,
И тайный ихъ полночный шопотъ, —
Смотрѣлъ, какъ съ горъ потокъ тамъ бьётъ
И грохотъ въ рощахъ раздаётся;
Здѣсь, рухнувъ, лавина падётъ,
Чрезъ сёла страшный путь берётъ
И лавой снѣжною несётся.
Но видъ угрюмый красоты
Отъ се́рдца гонитъ прочь мечты —
И насъ въ священный трепетъ вводитъ.
Бывало, чаще въ мысль приходитъ,
Когда ужъ мѣсяцъ надъ рѣкой,
Что другъ вечернею поро́й
Въ раздумьи по долинамъ бродитъ,

Плывётъ по тихимъ озерамъ,
И къ синимъ ихъ склоненъ струямъ,
Въ часы сердечнаго мечтанья,
Чужимъ передаетъ волнамъ
Родимыхъ волнъ воспоминанья
И дальныхъ милыхъ тѣхъ полей,
Гдѣ онъ въ безпечности своей
Жизнь встрѣтилъ, счастью довѣряясь,
Когда надежда, улыбаясь,
Тропинкой призраковъ вела:
Тамъ онъ лелѣялъ грусть и радость,
И въ вдохновеньяхъ тамъ цвѣла
Его задумчивая младость.
И кто жъ весну свою забылъ?
Кто не живетъ воспоминаньемъ?
И я его очарованьемъ
Бываю менѣе унылъ,
Улыбку иногда встрѣчаю,
И, весь въ минувшемъ, забываю,
Какъ въ непреклонности своей
Судьба карать меня умѣетъ, —
И память прежнихъ свѣтлыхъ дней
Тоской отрадною мнѣ вѣетъ:
И я, мой другъ, и я мечталъ!

Я видѣлъ сонъ любви и счастья,
Я свято сердцемъ уповалъ,
Что нѣтъ подъ небомъ имъ ненастья.
Съ зарёй, ты знаешь, юныхъ дней,
Плѣненъ любимою мечтою,
Стремился я за ней одною,
И безъ нея мнѣ бѣлый свѣтъ
Казался степью лишь пустою;
Съ душой, наполненной огнёмъ,
Я волнъ и бурь не устрашился, —
И въ лёгкомъ челнокѣ моёмъ
Отважно по́ морю пустился.
Меня манилъ надежды лучь,
И какъ гроза ни бунтовала,
Мнѣ изъ-за гнѣвныхъ черныхъ тучь
Звѣзда привѣтная сіяла:
Что сердцу снилось, всё сбылось!
Ахъ! для чего же молодое,
Мое ты счастье золотое,
Такъ быстро, быстро пронеслось!
Иль видно, другъ, сказать съ тобою:
Не у меня ему гостить!
Такъ мы слыхали, что поро́ю
Случайно птичка залетитъ

Отъ южныхъ острововъ прекрасныхъ
Въ страну дней мрачныхъ и ненастныхъ,
Гдѣ дикій долъ и тёмный лѣсъ
Не зрѣли голубыхъ небесъ —
И тамъ эѳирною красою,
И пѣнья нѣжностью простою
Угрюмый боръ развеселитъ,
Минутной нѣгой подаритъ!....
Но край, гдѣ буря обитаетъ,
Ей не родная сторона:
И, лишь залётная, она
Мелькнётъ, прельститъ и улетаетъ.

Пять разъ зелёныя поля
Весна цвѣтами обновляла
Съ тѣхъ поръ, какъ, другъ, она меня
Въ тѣнистыхъ рощахъ не видала.
Пять цѣлыхъ лѣтъ, въ борьбѣ страстей,
Въ страданьяхъ, горемъ я томился;
Окованъ злой судьбой моей,
Во цвѣтѣ лѣтъ ужъ я лишился
Всего, что въ мірѣ насъ манитъ,
Всего, что радость намъ сулитъ.
Могу ли усыпать цвѣтами

Жизнь той, кѣмъ жизнь моя цвѣла,
Которая въ груди̇ зажгла
Пылъ страстный райскими мечтами, —
И въ даль туманную со мной
Шла радостно рука съ рукой!....
Мой другъ, простясь съ очарованьемъ
Душею быть семьи̇ своей,
Щитомъ, отрадой, упованьемъ
Подруги милой и дѣтей,
Уже дружился я съ тоскою,
Забылъ себя, сталъ ими жить,
Умѣлъ ихъ окружить собою,
Въ одно мои всѣ чувства слить,
Любовью счастье замѣнить....
Но что жъ!... и Божій свѣтъ скрываться
Вдругъ началъ отъ моихъ очей!
И я... я долженъ былъ разстаться
Съ послѣдней радостью моей.
Напрасно для меня, напрасно
И солнце міръ животворитъ,
И нѣгой дышетъ мѣсяцъ ясной,
И зыбь потоковъ серебритъ!
Не буду зрѣть полей зелёныхъ,
Лазури свѣтлой чистыхъ водъ,

Ни дня торжественныхъ красотъ,
Ни звѣздъ, во тмѣ ночной зажжёныхъ.
Но, другъ, тогда, какъ надо мной
Рокъ свирѣпѣлъ, и вѣчной мглой,
И безотрадными годами
Мою онъ ду́шу ужаснулъ,
Я, день и ночь встрѣчавъ слезами,
На поле, рощи не взглянулъ,
Забылъ проститься съ небесами:
Ахъ, на жену и на дѣтей
Хотѣло сердце насмотрѣться!...
Хотѣлъ я, чтобъ въ душѣ моей
Ужѐ вовѣкъ не могъ стереться
Очамъ незримый образъ ихъ!....
«О! — думалъ я — въ бѣдахъ твоихъ
«Одно лишь счастье оставалось,
«Чтобъ тѣхъ, кто сердцу милы, зрѣть,
«И сердце ими любовалось,
«И могъ ты радости имѣть.
«Смотри на нихъ! Ужъ наступаетъ
«Тотъ грозный мракъ, въ которомъ ты
«Не у́зришь ихъ!... Дѣтей черты,
«Ты знаешь, время измѣняетъ,
«Съ годами новый видъ даётъ;

«Страшись же: видъ сей измѣнится,
«И будетъ образъ ихъ не тотъ,
«Который въ сердцѣ сохранится!»
И я съ отчаянной тоской
На нихъ стремилъ взоръ тусклый мой,
На мигъ покинуть ихъ боялся,
Къ моей груди ихъ прижималъ,
Отъ горя думать забывалъ,
Смотрѣлъ на нихъ .... но ужъ скрывался
Мнѣ милый видъ въ какой-то тмѣ:
Онъ исчезалъ, сливался съ мглою,
И то, что есть, казалось мнѣ
Давно-минувшею мечтою.
Угасъ, угасъ лучь свѣтлый дня,
И сердце кровью обливалось:
И всё въ грядущемъ для меня,
Какъ бездна гибели, являлось.
Навѣки окруженъ я тмой!
Любовь, жизнь, счастье, всё за мной!
Къ чему же мнѣ души волненье?
Къ чему мнѣ чувства жаръ святой?
О, радость! ты не жребій мой!
Мнѣ нѣтъ сердечныхъ упоеній;
Я буду тлѣть безъ услажденій!....

Такъ догараетъ одинокъ,
Забытый въ полѣ, огонёкъ;
Онъ никого не согрѣваетъ,
Ни чьихъ не радуетъ онъ глазъ;
Его въ полночный путникъ часъ
Съ какимъ-то страхомъ убѣгаетъ.
О, другъ! повѣрь, Единый Богъ,
Въ Судьбахъ Своихъ Непостижимый,
Лишь Онъ, Всесильный, мнѣ помогъ
Стерпѣть ударъ сей нестерпимый!
Ужѐ я духомъ упадалъ,
Ужѐ въ отчаяньи томился;
Хотя роптать и не дерзалъ,
Но, ахъ, и уповать страшился!
Ужѐ въ печали дикой сей
Мои всѣ мысли затмевались:
И жизнь, и смерть въ судьбѣ моей
Равно ужасными казались.
Но вдругъ... хвала Тебѣ, Творецъ!
Ты не забылъ Свое творенье!
Ты видишь глубину сердецъ,
Ты слышишь тайное моленье.
Хвала Тебѣ, мой страхъ исчезъ!
Какъ Ангелъ мирный, благодатный,

Какъ вѣстникъ Милости Небесъ,
Незримый, тайный, но понятный,
Носилось что-то надо мной:
Душа отрадный гласъ ловила, —
И Вѣра огненной струёй
Страдальцу сердце оживила.
Мнѣ мниться стало, что и я
Еще дышать любовью смѣю,
Что тяжкой участью моею
Онъ — мой Отецъ, не Судія —
Даетъ мнѣ способъ съ умиленьемъ
Его о дѣтяхъ умолять,
И имъ купить моимъ терпѣньемъ
Его Святую Благодать!
И съ Ней надеждою безцѣнной
Мнѣ сила крестъ нести дана;
И съ Ней въ душѣ моей смятенной
Опять родилась тишина.

Но какъ навѣкъ всего лишиться?
Какъ міръ прелестный позабыть?
Какъ не желать, какъ не тужить?
Живому съ жизнью какъ проститься? . . . .
Тогда въ священной красотѣ

Внезапно Дружба мнѣ предстала:
Она такъ радостно сіяла!
Въ ея нашелъ я чистотѣ
Утѣху, нѣжность, сожалѣнье,
И ею жизнь озарена.
Ты правду намъ сказалъ: она
Второе наше Провидѣнье!
Свѣтлана добрая твоя
Мою судьбу перемѣнила,
Какъ Ангелъ Божій низлетя,
Обитель го́ря посѣтила, —
И безутѣшнаго меня
Отрадой первой подарила.
Случалось ли когда, что вдругъ,
Невольной угнѣтёнъ тоскою,
Я слёзы лилъ, — тогда, мой другъ,
Свѣтлана плакала со мною;
Въ надеждахъ Вѣры устремлять
Всѣ чувства на дѣтей искала,
И чѣмъ мнѣ сердце услаждать,
Своимъ то сердцемъ отгадала; —
И вслѣдъ за ней явились мнѣ
Тѣ добродѣтели святыя,
Всегда, вездѣ ко всѣмъ благія,

И лишь могущія однѣ
Печаль и горести земныя
Въ блаженный превращать удѣлъ.
А тамъ съ улыбкой прилетѣлъ
И новый ангелъ-утѣшитель,
И сердца милый ободритель,
Прекрасный другъ тоски моей:
Небесной кротостью своей
И силой нѣжныхъ увѣщаній
Она мнѣ сладость въ душу льётъ,
Ласкаетъ, радуетъ, поётъ, —
И рой моихъ воспоминаній
Съ цвѣтами жизни молодой,
Какъ въ блескѣ радужныхъ сіяній,
Летаетъ снова надо мной.

Еще, мой другъ, два утѣшенья
Остались мнѣ: то лёгкихъ сновъ
И призраковъ ночныхъ явленья,
И васъ, возвышенныхъ пѣвцовъ,
Божественныя пѣснопѣнья.
Такъ, сновъ плѣнительный обманъ
Въ замѣну истины мнѣ данъ;
Онъ жизни памятью остался;

О томъ, съ чѣмъ я навѣкъ разстался,
Правдивую даётъ мнѣ вѣсть;
Опять мнѣ кажетъ міръ привѣтный,
Разнообразный, разноцвѣтный,
Почти такимъ, каковъ онъ есть;
Онъ мнѣ любимое являетъ
Мечтой отрадною своей,
И за́вѣсу съ моихъ очей
Волшебной силою снимаетъ.
Ахъ! удаётся часто мнѣ
Смотрѣть на Божій свѣтъ во снѣ,
Плѣнять мой жадный взоръ лѣсами,
Рѣкою, нивами, полями,
И всей знакомой красотой
Тѣхъ мѣстъ, гдѣ прежнею поро̀й
Я часто ею любовался!
Какъ ты, мой другъ, я не скитался
Въ чужихъ, далёкихъ сторонахъ:
Всё родина въ моихъ мечтахъ.
Однажды, какъ-то я забылся
Обманчивымъ, но сладкимъ сномъ:
И вдругъ далёко очутился
Одинъ на берегу крутомъ,

Тамъ, у родной Москвы (*). День знойный,
Мнѣ снилось, ярко догаралъ,
И вечеръ, пламенно-спокойный,
Во всей красѣ своей блисталъ;
Внизу Москва-рѣка сверкала,
Игриво рощу обтекала;
Въ дали гористой подъ селомъ
Былъ видѣнъ лѣсъ, желтѣли нивы,
А близъ Дербента (**) надъ прудомъ
Тѣнистыя дремали ивы,
И зеленѣло за рѣкой
Дѣвичье поле предъ глазами,
И монастырь бѣлѣлъ святой
Съ горящими, какъ жаръ, крестами;
Отъ стѣнъ къ приманчивымъ струямъ
Долинка ясная пестрѣла;
Тутъ домикъ сельскій; въ липахъ тамъ
Часовня спрятаться хотѣла;
На всѣхъ сосѣдственныхъ холмахъ
Сады и дачи красовались,

(*) Здѣсь описывается Васильевское, загородный домъ Князя Юсупова, близъ Воробьевыхъ горъ.

(**) Садъ Графини Пушкиной.

И въ яркихъ ве́чера огняхъ
Струёй багряной освѣщались;
И зелень рощей и полянъ
Сливалась съ твердью голубою,
И стлался золотой туманъ
Надъ бѣлокаменной Москвою.
Не знаю, другъ, но врядъ ли гдѣ
Подобный видъ тебѣ являлся!
Опять, однажды, всё во снѣ,
Я ночью по Невѣ катался,
Между роскошныхъ острововъ
Летѣлъ прозрачною рѣкою:
И видъ красивыхъ береговъ,
Дачь, рощей, про́сѣкъ и садовъ,
Осеребряемыхъ луною,
И озаренный Божій храмъ,
И Царскій домъ, и мостъ чрезъ во́лны,
Легко̀ такъ брошенный, всё тамъ
Плѣняетъ взоръ. Но вздохъ невольный
Отъ се́рдца тяжко вылеталъ.
Ты часто, милый край, видалъ
Меня близъ водъ твоихъ струистыхъ,
На изумрудныхъ берегахъ,
И въ цвѣтникахъ твоихъ душистыхъ,

И въ тёмныхъ рощахъ, и въ садахъ:
До поздней ночи тамъ съ тоскою
Сижу, бывало, надъ Невою;
И часто ранняя заря
Меня въ раздумьи заставала.
Но, ахъ, ужъ радость для меня
Давно съ зарёй не разцвѣтала!
Еще жъ случается, что я
Сны болѣ пó сердцу видаю:
Я вижу васъ, мои друзья,
Мою жену, дѣтей ласкаю.
О, для чего жъ въ столь сладкомъ снѣ
Нельзя мнѣ вѣчно позабыться!
И для чего же должно мнѣ
Опять на горе пробудиться!

Когда же я въ себѣ самòмъ,
Какъ въ безднѣ мрачной, погружаюсь, —
Какимъ волшебнымъ я щитомъ
Отъ черныхъ думъ обороняюсь!
Я слышу дивный арфы звонъ,
Любимцевъ музъ внимаю пѣнье,
Огнёмъ Небеснымъ оживлёнъ,
Мнѣ льётся въ душу вдохновенье,

И сердце бьётся, духъ кипитъ,
И новый міръ мнѣ предстоитъ;
Я въ нёмъ живу, я въ нёмъ мечтаю,
Почти блаженство въ нёмъ встрѣчаю;
Ужъ безъ страданья роковой
Досугъ въ занятьяхъ протекаетъ;
Бесѣда мудрыхъ укрѣпляетъ
Колеблемый разсудокъ мой;
Дивитъ въ писателяхъ великихъ
Разсказъ дѣяній знаменитыхъ;
Иль нѣжной звучностью своей
Лелѣютъ арфы золотыя
Мятежный жаръ души моей
И сердца тайны дорогія.
О, счастливъ тотъ, кто обнимать
Душъ возвышенныхъ чувства, мнѣнья
Стремится съ тѣмъ, чтобъ повѣрять
Свои сердечныя движенья!
Мы съ ними чувствуемъ живѣй,
Добрѣе, пламеннѣй бываемъ:
Такъ Русь святая намъ святѣй,
Когда Карамзина читаемъ;
Такъ пылъ встревоженныхъ страстей
Твой геній услаждать умѣетъ,

★

И намъ любовь Небеснымъ вѣетъ,
Когда надъ Ниною твоей
Невольно слёзы наши льются —
И весело часы несутся!
О, другъ, Поэзія для всѣхъ
Источникъ силы, ободренья,
Животворительныхъ утѣхъ,
И сладкаго самозабвенья!
Но для меня лишь въ ней одной
Цвѣтётъ прекрасная природа!
Въ ней міръ разнообразный мой!
Въ ней и веселье, и свобода!
Она лишь можетъ разгонять
Душй угрюмое ненастье,
И сердцу сладко напѣвать
Его утраченное счастье.

Теперь, ты зришь судьбу мою,
Ты знаешь, что со мной сбылося;
О, вѣрь, отрадно въ грудь твою
Мое всё сердце излилося!
Несносный страхъ душой остыть
Всего ужаснѣй мнѣ казался, —
И я сталъ пламеннѣй любить,

Чѣмъ болѣ чувствами стѣснялся.
Извѣдалъ я, что убивать
Не могутъ грозныя страданья,
Пока мы будемъ сохранять
Любви чистѣйшей упованья.
И здѣсь ли, другъ, всему конецъ?
Взгляни . . . надъ нашими главами
Есть небо съ вѣчными звѣздами,
А надъ звѣздами ихъ Творецъ!

КНЯГИНЯ

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА

ДОЛГОРУКАЯ.

ПОСВЯЩЕНО

ВАСИЛІЮ АНДРЕЕВИЧУ

ЖУКОВСКОМУ.

О. Посвящено

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria.

DANTE. V.

RIGAS PILSETAS 3. BIBLIOTĒKA

КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКАЯ.

I.

Большой Владимірской дорóгой,
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Шла тихо путница младая;
Въ усталомъ взорѣ тайный страхъ.
«Какъ быть? Москва въ семи верстахъ;
Дорóга межъ холмовъ лѣсная;
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужъ скоро ляжетъ; и луна
Лишь въ полночь нá небѣ виднà.»

II.

Она идётъ, и сердце бьётся;
Поляна съ рощей передъ ней,
И вотъ въ село тропинка вьётся:
Она туда дойдётъ скорѣй;
Ночлегъ радушный тамъ найдётся.
Ужѐ, пылая между тучь,
Зари багровой гаснетъ лучь;
Ужѐ предъ ночью, къ бурѣ склонной,
Поднялся вѣтеръ, боръ шумитъ;
Ея младенецъ полусонной
Озябъ, и плачетъ, и дрожитъ.
Она спѣшитъ въ пріютъ укромной,
Подходитъ скоро къ рощѣ тёмной,
Но, чѣмъ-то вдругъ поражена,
Стоитъ уныла и блѣднà.
Въ ея очахъ недоумѣнье;
Ей будто страшно то селенье;
Нейдётъ въ него, нейдётъ назадъ,
Кругòмъ обводитъ робкій взглядъ.
«О, если тамъ!... А мнѣ таиться
«Велитъ судьба.... быть можетъ.... нѣтъ!
«Кому узнать!.... и сколько лѣтъ!
«Забыто всё; но вечеръ тмится,

«Пора̀!» И къ рощѣ съ быстротой
Приближилась, остановилась,
Подумала, перекрестилась,
Потòмъ пошла, махнувъ рукой, —
И скрылася въ тѣнѝ густой.

III.

За рощей тёмною въ долинѣ,
При зеркальной пруда равнинѣ,
Вельможи знатнаго село
Красой привѣтною цвѣло;
Высокихъ липъ въ тѣнѝ зелёной
Хоромы барскіе стоятъ;
Они видъ древности хранятъ;
Въ гербѣ подъ Графскою короной,
Щитъ красный въ полѣ золотòмъ
Лавровымъ окруженъ вѣнкомъ
Съ двумя блестящими крестами,
А въ полѣ свѣтломъ мечь съ копьёмъ,
И полумѣсяцъ вверхъ рогами.
Но садъ, и вóды, и мостѝ,
И розъ душистые кустѝ
Въ забвеньи долгомъ сиротѣли.
Хозяинъ, честь страны̀ родной,
Давно лежитъ въ землѣ сырой;

Его хоромы опустѣли,
Широкій дворъ заросъ травой.
Простясь съ родимою Москвою,
Въ столицѣ пышной надъ Невою
Живётъ наслѣдникъ молодой;
А здѣсь одни воспоминанья
Во мракѣ сельской тишины,
И рода знатнаго преданья...
Священный отзывъ старины.

IV.

У церкви сельской за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своёмъ,
Въ кругу семьи, предъ тихимъ сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ;
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ, на закатѣ догарая,
Багряный блескъ смѣнялся тмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.
Давно украшенъ сѣдинами,
Небесный житель на землѣ,
У Шереметева въ селѣ,
Онъ сердцемъ, словомъ и дѣлами

Творцу и ближнему служилъ;
Умъ здравый съ дѣтской простотою
Былъ свѣтелъ праведной душою;
Покойный Графъ его любилъ;
И прахъ владѣльца незабвенной
Былъ святъ душѣ его смиренной;
Для старца Графъ не умиралъ.
Онъ часто, часто поминалъ
Его богатство, знатность рода,
Какъ онъ со Шведомъ воевалъ,
И, послѣ шумнаго похода,
Въ тишѝ селà у нихъ живалъ.

V.

Но, пóлонъ важности старинной,
Святаго старца кротокъ видъ;
На нёмъ подрясникъ объяринной,
И катауръ широкій шитъ
Узорно яркими шелками,
И на грудѝ его виситъ
Изъ кипариса крестъ съ мощами,
Хранитель вѣрный съ давнихъ поръ:
Одинъ монахъ, съ Аѳонскихъ горъ,

Тотъ крестъ принёсъ. Его обитель
Была убога и скромна̀
И, какъ ея радушный житель,
Какой-то святости полна̀:
Въ углу, въ серебряномъ окладѣ
Икона Спасова блеститъ,
И передъ Ней огонь горитъ
Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ;
На по́лкѣ рядъ церковныхъ книгъ,
Бумага, перья подлѣ нихъ;
У зеркала часы стѣнные,
Портретъ, задернутый тафтой,
Двѣ канарейки вытисныя,
И полотенцо съ бахрамой
Виситъ на вербѣ восковой.

VI.

Ужѐ готовъ итти молиться,
Да снидетъ тихъ грядущій сонъ,
Бесѣды Златоуста онъ
Хотѣлъ закрыть; но вдругъ стучится
Легонько кто-то у воро̀тъ,
И кто-то на крыльцо идётъ,

И дверь шатнулась: у порога
Съ младенцемъ путница стоитъ,
И голосъ жалобный дрожитъ,
Прося ночлега ради Бога.

VII.

«Войди подъ мой убогій кровъ
(Сказалъ онъ ей): «пора̀ ночная,
«Кругомъ всё лѣсъ, ночлегъ готовъ,
«И есть у насъ хлѣбъ-соль простая;
«Переночуй, ты съ новымъ днёмъ
«Пойдёшь опять своимъ путёмъ.»
И старецъ мать благословляетъ,
Младенца соннаго креститъ,
И къ огоньку её сажаетъ,
И съ ней привѣтно говоритъ;
Но, и блѣдна̀, и боязлива,
Она сидѣла молчалива;
На рѣчь привѣтную его
Полу-словами отвѣчала,
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала;
Украдкою бросая взглядъ
На барской домъ, на тёмный садъ,

Какъ будто узнавала что-то,
Какъ бы искала тамъ кого-то;
И вдругъ, по пламень на щекахъ,
То слёзы крупныя въ очахъ.

VIII.

Душѝ, встревоженной, волненье,
Порывы томные страстей,
Ея печаль, ея смятенье
Замѣтилъ онъ: и старца въ ней
Дивило всё. «Не та осанка,
«Не тѣ ухватки въ деревняхъ;
«Видна̀ не грубая крестьянка
«Въ ея застѣнчивыхъ рѣчахъ;
«Въ ней горесть тихая пріятна
«И хоть бѣдна̀, но какъ опрятна
«Одежда путницы простой!
«На пальцѣ перстень золотой. . . .
«Куда жъ теперь не въ часъ урочный
«Одна дорóгою большой? . . .
«Ахъ, нѣтъ, какъ Ангелъ Непорочный
«Она глядитъ, и за неё
«Порукой сердце мнѣ моё!»

IX.

И чувствамъ тяжкимъ и мятежнымъ
Онъ мнилъ преграду положить,
И съ горемъ, въ жизни неизбѣжнымъ,
Её невольно помирить;
Онъ, какъ родной, её ласкаетъ,
И веселитъ, и начинаетъ
Разсказъ любимый старины;
Но сердце, полное волненій,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній,
И думы, грустью стѣснены,
Далёко мрачныя летали
И межъ сомнѣній замирали.
Священникъ рѣчь свою прервалъ,
И вдругъ, съ душой отца во взорѣ,
Вздохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
«Что такъ задумалась? Ты въ горѣ?»

Путница.

Я, мой отецъ?...

Священникъ.

Твоя тоска,
Повѣрь, къ душѣ моей близка;

Въ томъ нужды нѣтъ, что я не знаю,
Кто ты; мой долгъ того любить,
Кто въ го́рѣ.

Путница.

Ахъ, мнѣ тяжко жить!
Я день безъ радости встрѣчаю,
Я пла́чу ночь.

Священникъ.

Лукавый свѣтъ
Обманчивъ, другъ!

Путница.

И сколько бѣдъ
Ужѐ сбылось, и сколькихъ снова
Должна я ждать, и какъ сурова....

Священникъ.

Такъ Богъ велѣлъ; предъ Нимъ смирись,
Прими съ любовью крестъ тяжолый,
Терпи, надѣйся и молись;
Онъ Самъ носилъ вѣнецъ терновый;
Не унывай, не смѣй роптать,
Терпи — въ страданьи Благодать!

Путница.

Отецъ ты мой! Въ ужасной долѣ
Кто ропотъ слышалъ отъ меня?

Теперь дрожу не за себя,
И слёзы льются по неволѣ.

Священникъ.

Не бойся воли дать слезамъ;
Но только, слёзы проливая,
Стреми взоръ грустный къ Небесамъ;
Кто плачетъ здѣсь, утѣшенъ Тамъ,
Сказалъ Господь.

Путница.

О, рѣчь святая!
Отрадна ты.

Священникъ.

И гдѣ же тотъ,
Кто жизнь безъ го́ря проживётъ!
Твои, мой другъ, младые годы
Не разцвѣли отъ непогоды;
Но ты, какъ видно, рождена
Въ семьѣ безвѣстной; ты бѣдна:
Тебя судьба не баловала,
Къ весёлой у́части она
Ни чѣмъ тебя не пріучала;
А часто гибельный ударъ
Надежды знатныхъ разрушаетъ. . .
О нашемъ Графѣ кто не знаетъ?

Онъ былъ — Бояринъ межъ Бояръ,
Петровой правою рукою,
И прямо Русскою душою
Отчизну и Царя любилъ;
Былъ славенъ; въ золотѣ ходилъ;
И что же? Дочь его родная
Не знаетъ радости земной,
И гибнетъ въ бурѣ роковой,
Какъ гибнетъ травка полевая....
Суди жъ, дивна ль судьба твоя?
Она была не ты.

Путница.

Не я!

Священникъ.

Давно отъ насъ она ужъ скрылась;
Но всё живётъ въ душѣ моей.
Я разскажу тебѣ о ней:
Почти при мнѣ она родилась,
Я на рукахъ её носилъ,
Ребёнкомъ грамотѣ училъ,
И здѣсь, куда, мой другъ, ни взглянешь,
Вездѣ о ней, вездѣ помянешь.
Вотъ тамъ, въ тѣни густыхъ берёзъ,
Ты видишь кустъ махровыхъ розъ:

Она сама его садила;
Онѣ цвѣтутъ . . . её одну
Печаль такъ рано сокрушила;
Она одна свою весну
Отъ нихъ далёко погубила.
Теперь я вижу, есть у насъ
Какой-то въ сердцѣ вѣщій гласъ:
Она, забавы убѣгая,
Въ шуму роскошнаго села,
Тиха, задумчива росла,
Какъ будто горя ожидая,
Покорна будущей судьбѣ.
Могу ль я выразить тебѣ
Весь жаръ усердія святаго
Сыскать, утѣшить нищету?
Въ слезахъ ли видитъ сироту:
Родная бѣдствія чужаго,
Она отдать готова ей
Свои серёжки изъ ушей,
И, сверхъ подарка дорогаго,
Бывало, плачетъ вмѣстѣ съ ней.
Съ невинной, нѣжною тоскою
Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
Сливался непонятный страхъ,

И что-то схожее съ тобою
Въ ней было: такъ, лице твоё
Напоминаетъ мнѣ её;
Рѣсницы, какъ у ней, густыя,
И очи тёмно-голубыя,
И цвѣтъ каштановыхъ волосъ;
Она была тебя стройнѣе
И воска яраго бѣлѣе;
Не диво: солнце и морозъ
Ея въ поляхъ не заставали,
Полоть и жать не посылали,
И одѣвалъ красивый станъ
Не твой кумачный сарафанъ.

X.

И дружно путницѣ смятенной
Священникъ руку протянулъ,
И ярко взоръ его блескулъ,
Воспоминаньемъ оживленной.
Онъ разсказалъ о той порѣ,
Когда ей радость ложно снилась,
И какъ звѣздою при Дворѣ
Въ семнадцать лѣтъ она явилась.
Тогда чинами и красой,
Невѣсты Царской братъ родной,

Сіялъ надменный Долгорукой;
Онъ межъ Бояръ и межъ Князей
Ея очамъ былъ всѣхъ милѣй.
Съ нимъ бракъ надежною порукой
Казался всѣмъ, что вѣчно ей
Не знать ни слёзъ, ни скорбныхъ дней.»
Невольно старецъ вздохъ тяжёлой
Стѣснилъ, и съ важностью весёлой
Завёлъ онъ рѣчь про ихъ сговоръ,
Какъ Духовенство, пышный Дворъ
Бояръ вельможныхъ посѣтили,
Какъ Царь пріѣхалъ, какъ при Нёмъ
Чету младую обручили,
И какъ восточнымъ жемчугомъ
Невѣсту милую дарили,
Межъ тѣмъ, прелестная, она
Стыдливо съ женихомъ сидѣла,
И, тихой радости полна̀,
То улыбалась, то краснѣла,
А, другъ весёлости живой,
Кругòмъ шелъ кубокъ золотой
Въ бесѣдѣ шумной и привѣтной,
И щитъ зажегся разноцвѣтной,

И хоръ гремѣлъ, и до утра̀
Народъ, толпясь, кричалъ: ура!

XI.

И кто бы, кто подумалъ прежде,
Такъ продолжалъ, вздохнувши, онъ,
Что радость измѣнитъ надеждѣ,
Что счастье ихъ минутный сонъ!
Неумолимая гробница
Схватила юнаго Царя
Отъ двухъ вѣнцевъ, отъ алтаря;
Напрасно блещетъ багряница
И ждётъ Княжна: всему конецъ!....
Женихъ и Царь ужѐ мертвецъ!
Затмились вдругъ мечты златыя,
И Долгорукаго семья
Погибла съ Нимъ; чины, друзья
Исчезли; степи ледяныя,
Изгнанья горестный предѣлъ,
Любимца падшаго удѣлъ;
Но, жизни узнавая цѣну,
Когда во всёмъ онъ зрѣлъ измѣну,
Невѣста юная одна
Ему осталася вѣрна;

Его подругою, душою
Съ нимъ въ ссылкѣ цѣлыхъ восемь лѣтъ
Она жила̀; но и съ женою
Онъ разлученъ...

Путница.

И слуха нѣтъ
О нёмъ?

Священникъ.

Я помню, какъ родные
Тогда давали ей совѣтъ
Расторгнуть узы роковыя,
Покинуть друга своего.
И при Дворѣ не трудно бъ снова
Найти ей жениха другаго.
Нѣтъ, не покину я его,
Она въ слезахъ имъ говорила;
Я счастливымъ его любила,
Онъ и въ несчастьи всё мнѣ милъ:
Самъ Богъ меня съ нимъ обручилъ.
Но ты, я вижу, улыбнулась;
Такъ вѣрь, не вѣрь, ни вѣчныхъ слёзъ,
Ни гордой ме́сти, ни угрозъ
Ея любовь не ужаснулась.

На всё съ нимъ вмѣстѣ рѣшена,
И въ даль, и въ хладъ...

Путница.

Она любила!
Не ссылка бѣдную убила;
Была разлука ей страшна!...
Скажи, гдѣ онъ?

Священникъ.

Какъ ты блѣдна!
Ты плачешь?

Путница.

Пла́чу!... Ахъ, она
О томъ лишь Небо умоляла,
Чтобъ въ нищетѣ, въ глуши степной,
Но вмѣстѣ жизнь ихъ протекала,
Чтобъ счастье ихъ!....

Священникъ.

О сонъ пустой!
Имъ счастье, тамъ?

Путница.

Отецъ святой,
Не страшно съ другомъ заточенье:
Съ нимъ есть и въ го́рѣ наслажденье.

Священникъ.

Въ степяхъ лишь тотъ привыкнетъ жить,
Кому здѣсь не́ о чёмъ тужить;
Но ей, взлелѣянной на радость,
Откинуть свѣтлыя мечты,
Губить красу свою и младость
Подъ кровомъ душной нищеты!
Ей счастье?... нѣтъ!

Путница.

Чѣмъ жертва болѣ,
Тѣмъ пламенной душѣ милѣй
Сердечный спутникъ грустныхъ дней:
И межъ снѣговъ, и въ низкой долѣ,
Когда въ ихъ юртѣ кедръ пылалъ,
И другъ ей мо́лча руку жалъ,
Когда дѣтей она ласкала,
Отъ ихъ младенческой игры̀
Когда душа въ ней разцвѣтала,
Ужѐ ль она не забывала
Москву и Царскіе пиры
И всѣхъ забавъ очарованья?

Священникъ.

Тебѣ какъ знать?

Путница.

Гдѣ онъ? Что съ нимъ?
Иль ждать за гробомъ ей свиданья,
И въ Небесахъ назвать своимъ!

Священникъ.

Мы здѣсь въ тиши̇ уединенья
И за неё, и за него
Льёмъ къ Небу жаркія моленья,
Но мы не знаемъ ничего.

Путница.

И не нашлося никого,
Кто бъ защитилъ?

Священникъ.

Гдѣ правый сильный,
Кто бъ за несчастье грудью сталъ?
О если бъ, сонъ прервавъ могильный,
Бояринъ Шереметевъ всталъ!
Онъ злобу съ хитрой клевѣтою
Сразилъ бы истиной святою;
Онъ могъ изгнаннику помочь,
Онъ спасъ бы гибнущую дочь;
Но знай, и ты, ему чужая,
И ты, о путница младая,
Когда бъ онъ былъ еще въ живыхъ,

Не даромъ здѣсь бы ночевала,
Повѣрь, горючихъ слёзъ твоихъ
При нёмъ бы ты не проливала,
И въ путь не нищею пошла
Изъ Шереметева селà!

XII.

Онъ говорилъ, она дрожала,
Сказала что-то, замолчала,
Во взорѣ тмился Божій свѣтъ;
Но старецъ кажетъ на портретъ,
Который въ рамѣ золочёной
Задернутъ былъ тафтой зелёной;
Онъ снялъ тафту и молвилъ ей:
«Вотъ онъ, взгляни и пожалѣй!»
Написанъ кистью мастерскою,
За шпагу ухватясь рукою,
Въ мундирѣ, въ лентѣ голубой,
Фельдмаршалъ смотритъ, какъ живой.
Ей мнится, давняя могила
Подпору бѣдной возвратила;
Въ смятеньи робкомъ передъ нимъ
Она колѣна преклоняетъ,
Зовётъ его отцемъ своимъ,
Къ нему младенца поднимаетъ;

Казалось, взоръ ея молилъ,
Чтобъ сына онъ благословилъ.
Ей мнится, будто къ ней несётся
Привѣтъ любви издалека̀;
Но вдругъ мятежная тоска
Съ порывомъ новымъ въ душу льётся.
Волнуясь грозною мечтой,
Она свой перстень золотой
Къ устамъ, рыдая, прижимала,
И распущенною косой
Лазурны очи отирала;
Невольный трепетъ, дикой взглядъ
О чемъ-то страшномъ говорятъ.
Безмолвно старецъ изумленной
Молилъ Творца о сокрушенной;
Онъ понялъ, что Единый Богъ
Ея печаль утѣшить могъ;
И старца важное молчанье,
Его встревоженный покой,
И незнакомки молодой
Неукротимое страданье,
Гласило всё о черныхъ дняхъ,
О дняхъ отравленныхъ бѣдою,
И безнадежностью земною

Въ священный приводило страхъ.
Одинъ, тревогамъ непричастный,
Младенецъ тихій и прекрасный,
Не зная, что и жизнь, и рокъ,
Грозой нетронутый цвѣтокъ,
Съ улыбкой, съ ясными очами,
На грудь родимую припалъ,
И влажными отъ слёзъ кудрями
Безпечный вéсело игралъ.

XIII.

Но скоро стонъ ея мятежной
Умолкъ, и грустью безнадежной
Залёгъ въ сердечной глубинѣ;
И, при печальной тишинѣ,
Ужѐ невольно часъ полночи
Сомкнулъ у всѣхъ усталы очи.
Младая путница одна
Разсвѣта ждётъ, не зная сна;
Стремится думою далёко:
Но что готовитъ рокъ жестокой?
Какую вѣсть она найдётъ?
Нѣтъ силы ждать: она встаётъ,
Младенца будитъ поцѣлуемъ:
«Когда бъ ты зналъ, гдѣ мы ночуемъ,

«Дитя мое! . . .» И въ томну грудь
Желанье новое тѣснится,
И передъ тѣмъ, какъ удалиться,
Еще ей хочется взглянуть
На то село, гдѣ ночевала,
Село. . . И тихо, тихо встала,
И начала̀ сбираться въ путь:
Иконѣ Спаса помолилась
И низко старцу поклонилась,
Который долго не смыкалъ
И самъ очей, но предъ зарёю,
Склоняся на плечо главою,
Въ широкихъ креслахъ почивалъ;
И вотъ стопою торопливой
Въ тѣнистый садъ она спѣшитъ,
И взоръ ея нетерпѣливой
Живѣе, пламеннѣй горитъ.

XIV.

Чуть видная межъ облаками,
Луна послѣдними лучами
Свѣтила съ пасмурныхъ высотъ;
Берёзы надъ прудо̀мъ дремали,
И тѣни шаткія дрожали

На зыбкомъ лонѣ сонныхъ водъ.
О, какъ у бѣдной сердце билось!
Въ какихъ терялося мечтахъ!
Но хоть страданьемъ утомилось,
Хоть очи грустныя въ слезахъ,
А всё улыбка на устахъ.
Казалось, будто ей знакомы
Пустые мрачные хоромы,
Что этотъ лугъ, что этотъ садъ
Не въ первый разъ встрѣчаетъ взглядъ;
Съ прудомъ, деревьями, цвѣтами,
Минувшимъ вдругъ оживлена,
Какъ съ незабытыми друзьями,
Опять увидѣлась она.
Хоть всё печальнѣй, всё небрежнѣй,
Но дышетъ всё порóю прежней,
Здѣсь всё къ себѣ её манитъ;
Привѣтъ нѣмой во всёмъ находитъ;
Родную тѣнь лѣсокъ наводитъ,
Ручей знакомое журчитъ.
На барскій дворъ она бѣжитъ,
И на крыльцо легонько входитъ,
Въ покои тёмные глядитъ;
Они стоятъ давно пустые;

Но лишь въ окно луна блеснётъ,
И такъ какъ будто что мелькнётъ, —
То мнится ей, въ часы ночные
Тамъ бродятъ призраки родные,
Тамъ дышетъ то, чего ужъ нѣтъ:
И всё, чѣмъ сердце разцвѣтало,
И что сбылось, и что пропало,
Что обѣщалъ и не далъ свѣтъ,
Что было, есть, любовь, страданья,
Безвѣстность, ужасъ ожиданья,
Всё разомъ гибельной стрѣлой
Въ душевны раны проникаетъ,
И жжетъ, и холодъ гробовой
Въ убитомъ сердцѣ разливаетъ.
Безъ силъ, къ столбу прислонена̀,
Ужъ не тоскуя, не мечтая,
Сама въ себѣ погребена̀,
Она стои̇тъ полуживая. . . .
Но святость го́ря и любви
Сильнѣе бѣдствія земнаго:
Струя румяная вдали̇,
Предтеча утра молодаго,
Уже̇ зажглась, и съ нею вновь
Рѣшимость, горе и любовь

Въ душѣ, томящейся, проснулись;
Всѣ думы разомъ встрепенулись.
«Пора̀, пора̀! Идёмъ, идёмъ!
«Я тамъ провѣдаю о нёмъ.»
И, за дубовыя перила
Хватаясь трепетной рукой,
Въ тѣнистый садъ она сходила:
Ужѐ тропинкой луговой
Бѣжитъ, влекомая мечтой;
Въ порывахъ быстраго движенья
Замѣтны тайныя волненья;
Садовникъ, спящій у воротъ,
Её спросонья окликаетъ;
Она отвѣта не даётъ,
Прощальный взоръ назадъ бросаетъ
И въ поле тёмное спѣшитъ,
Гдѣ путь просёлочный лежитъ
Къ Москвѣ и страшной, и желанной,
И ужъ теряется въ кустахъ
Съ младенцемъ милымъ на рукахъ,
И не видна̀ въ дали̇̀ туманной:
Но долго быть о ней молвѣ
У Шереметева въ селѣ. . . .

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

... The lost on earth revived in heaven.

LORD BYRON.

RIGAS PILSETAS 3. BIBLIOTEKA

КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКАЯ.

I.

Востокъ алѣя пламенѣетъ,
И день заботливый свѣтлѣетъ;
Проснулись пташки; въ тихій боръ
Ужъ дровосѣкъ несётъ топоръ;
Колосья въ полѣ подъ серпами
Ложатся жёлтыми рядами;
Заутрень сельскихъ дальній звонъ
По рощѣ вѣтромъ разнесёнъ;
Скрыпитъ подъ сѣномъ возъ тяжёлый,
И заигралъ рожёкъ весёлый.

О, если бъ ты, прекрасный день,
Гналъ мрачныя души волненья,
Какъ гонишь ты ночную тѣнь
И сновъ обманчивыхъ видѣнья!
Зачѣмъ ты въ блескѣ молодомъ
Лелѣешь каждою зарёю
И вишню солнечнымъ лучёмъ,
И ландышъ утренней росою,
Но сердца, полнаго тоской,
Не освѣжишь своей красой?

II.

Клубятся въ полдень черны тучи
По раскаленнымъ небесамъ,
И вихрь несётъ песокъ горючій
Съ дороги пыльной по холмамъ;
Въ томленьи душномъ жнецъ лѣнивый
Лежитъ въ тѣни, оставя нивы;
Пастухъ со стадомъ въ лѣсъ бѣжитъ;
Боръ тёмный шепчетъ и дрожитъ;
Сожженный листъ о стебель бьётся;
Всё притаилось, всё молчитъ:
И вдругъ огонь по тучамъ вьётся,
Грохочетъ громъ, съ нимъ дождь и градъ
Въ поляхъ встревоженныхъ шумятъ.

III.

Въ пріютѣ сторожа лѣснаго
Съ младенцемъ путница ждала,
Чтобъ туча бурная прошла.
Теперь до города роднаго
Ужъ не далёко; путь свершёнъ:
Тамъ всѣхъ увидитъ, всё узнаетъ;
Но сердце больше замираетъ.
Теперь ей снится грозный сонъ,
Но какъ-то и надежда снится;
А завтра... завтра всё рѣшится;
Быть можетъ, завтра будетъ ей
День страшный, всѣхъ страшнѣе дней;
Быть можетъ, завтра въ наслажденье
Ей было бъ мрачное сомнѣнье.

IV.

Утихла буря; сводъ небесъ
Межъ дымныхъ тучъ ужѐ синѣетъ,
И ароматомъ дышетъ лѣсъ,
И какъ свѣжо̀ съ поляны вѣетъ!
Цвѣты, омытые дождёмъ,
Блестятъ подъ влажнымъ жемчугомъ,

И солнце вечера спокойно
Бросаетъ ярко лучь незнойной.
Одна дорогою большой,
Въ прекрасномъ мірѣ сиротой,
Молитвой ужасъ отгоняя,
Идётъ страдалица младая;
Почти ей жаль, что конченъ путь;
Къ ней въ душу страшно заглянуть:
Прошла пора искать, какъ прежде,
Минутной радости въ надеждѣ;
Зіяетъ рокъ... Но вотъ она
Стоитъ, дрожитъ: Москва видна....
«Хранитель-Ангелъ, дай мнѣ силу!
«Веди меня.... не на могилу!»
И внѣ себя она глядитъ,
А передъ нею болѣ, болѣ
Москва видна въ широкомъ полѣ,
И ужъ вдали замѣтенъ видъ
Стрѣлецкой башни полудикой,
Уже въ очахъ Иванъ-Великой,
Какъ жаръ, вѣнецъ его горитъ;
Глядитъ, — и въ сердцѣ онѣмѣли
Тоска и страхъ: чему нѣтъ словъ,
Что дышетъ тайностью гробовъ,

Напѣвомъ дѣтской колыбели, —
Прокралось въ грудь; и прижды въ прахъ
Передъ Москвой она склонилась,
И съ мрачнымъ пламенемъ въ очахъ
Къ заставѣ близко торопилась;
Но ужъ опять въ душѣ у ней
Волненье прежнее страстей.
Взгляните, какъ она уныло
То чуть ступаетъ, то бѣжитъ,
И сколько въ грусти боязливой
Неизъяснимаго таитъ!
Нѣтъ, гордый умъ не разгадаетъ,
Что̀ сердце робкое мечтаетъ:
Любовью созданный въ бѣдахъ,
Её волнуетъ новый страхъ.
Чья жизнь въ другихъ, тотъ поневолѣ
Примѣтамъ вѣритъ въ тёмной долѣ:
Она боится, чтобъ монахъ
Ей не былъ встрѣчею печальной,
Чтобъ черный гробъ въ дыму свѣчей
При звукахъ пѣсни погребальной
Не испугалъ ея очей;
И голосъ милый, но прощальной,
Вездѣ, во всёмъ несётся къ ней.

V.

Заря давно ужъ догорѣла,
Когда, печальныхъ думъ полна̀,
Въ родимый Кремль вошла она;
Кругòмъ лишь въ сумракѣ бѣлѣла
Его зубчатая стѣна,
И крестъ на башнѣ Годуновой
Сіялъ во тмѣ звѣздою новой.
Идётъ... и въ сердцѣ, и въ мечтахъ
Нетлѣнныхъ раки, Царскій прахъ;
Ужѐ встрѣчаютъ томны взоры
И златоглавые соборы,
И древній Княжескій дворецъ:
Здѣсь, другъ Петра, ея отецъ
Дѣлилъ съ Нимъ мудрыя бесѣды,
И праздновалъ свои побѣды;
Тамъ мать ея, въ тиши̇̀ ночей,
За дочь молилась у Мощей;
А тамъ, невѣстой молодою,
Была она Двора красою:
Тогда женихъ... и вдругъ у ней
Ручьями слёзы изъ очей.

VI.

Безмолвно бѣдная молилась,
Душой ввѣряясь Небесамъ;
И теплой Вѣрой оживилась,
Спѣшитъ въ завѣтный Спасовъ храмъ:
Нерукотворная Икона
Отъ бѣдъ страдальцамъ оборона. . .
Шагами робкими идётъ
Чрезъ тёмный звучный переходъ
За ту рѣшетку золотую,
Гдѣ при заботливыхъ отцахъ
Таили жизнь свою младую
Царевны въ свѣтлыхъ теремахъ;
И вотъ повергнулась въ слезахъ
Передъ Иконою Чудесной:
«Спаси его, Отецъ Небесной,
«Спаси его, а мнѣ дай знать,
«Что съ нимъ, и какъ его искать!»
И, мнилось, Ангелы внимали
Ея таинственной печали.

VII.

Въ Кремлѣ святая тишина;
Въ Москвѣ на стогнахъ сонъ глубокой;
Ужѐ надъ башнею высокой,

Bayerische Staatsbibliothek München

Въ дыму, туманна и красна̀,
Взошла полночная луна;
Но алый паръ предъ ней рѣдѣетъ
На тёмно-синей высотѣ;
Луна полночная свѣтлѣетъ
Во всей обычной красотѣ;
Сіянье томное трепещетъ
На бѣлокаменныхъ стѣнахъ,
И на соборахъ, на дворцахъ
Струями пламенными блещетъ;
Оно сребристой пеленой
Лежитъ на гладкой мостовой,
Бросаетъ въ стёкла искры зла̀та,
И Грановитая Палата,
Какъ бы, внутри освѣщена,
Чего-то дивнаго полна̀;
И ярко свѣтятся лампады
Сквозь о́кна узкія церквей,
И чуть замѣтно вдоль ограды
Мерцанье тусклыхъ фонарей;
Всё тихо, всё Святыней дышетъ;
Травою воздухъ не колышетъ,
Лишь одинокій часовой
Прохожихъ глухо окликаетъ,

И только мѣди вѣщій бой
Молчанье ночи прерываетъ;
Но миръ ея не возмущёнъ;
Онъ святъ, какъ Праведниковъ сонъ.

VIII.

Уныло пупница младая,
Младенца къ персямъ прижимая,
Сходила съ Краснаго Крыльца̀,
Дрожала, плакала, блѣднѣла,
И робкая на камень сѣла
У озареннаго дворца.
Невольно ду́шу волновали
И блескъ минутный юныхъ дней,
И тѣ святые дни печали,
Которыхъ память намъ милѣй....
Въ грозѣ, ничѣмъ не отразимой,
Темницу друга раздѣлять,
Съ нимъ вмѣстѣ плакать, съ нимъ страдать
Ея надеждою любимой.
Но сердце, сжатое тоской,
Тонуло въ думѣ роковой:

Навѣкъ ли небо омрачилось?
Гдѣ онъ? что съ нимъ? Ужѐ ль свершилось?
И, въ нёмъ забывъ людей и свѣтъ,
Съ душой, усталою отъ бѣдъ,
Она сидѣла, чуть дышала,
Одну мечту другой смѣняла....
Томяся въ смутной тишинѣ
Не наяву и не во снѣ....
Къ ней что-то льнётъ, къ ней что-то вьётся:
Она вздрогнула; сердце бьётся;
По жиламъ холодъ пробѣжалъ,
Сквозь сонъ младенецъ закричалъ;
И что-то, будто бы, мелькнуло,
Пошевелилось и вздохнуло....
«Ты здѣсь? Творецъ!... какой судьбой?
«О! ты ли, другъ, опять со мной?»
И прежнихъ дней товарищъ милой,
Предъ ней, встревоженной, унылой
На свѣтлой площади стоитъ;
Онъ къ ней нейдётъ, не говоритъ,
И зорко на неё глядитъ;
Онъ завернулся въ плащъ широкой;
Онъ въ думѣ мрачной и глубокой,
И чуденъ блескъ его очей,

И блѣденъ ликъ, и видъ смущенной,
И кóльца черныя кудрей
Не вьются къ шеѣ обнаженной.
Сковалъ её внезапный страхъ;
Встаётъ: нѣтъ силъ; на камень пала
И внѣ себя ему въ слезахъ
Младенца соннаго казала.
Какъ будто содрогнулся онъ,
Какъ будто непонятный стонъ
Въ устахъ сомкнутыхъ раздавался;
Недвижимъ, къ ней онъ приближался,
Ужаснымъ чѣмъ-то омрачёнъ.
Она глядитъ, дохнуть не смѣетъ;
А полная луна свѣтлѣетъ:
И плащъ откинулся слегкà,
Выходитъ медленно рука;
Грудь обнажилась, кровь чернѣетъ
Рубашки бѣлой на краю;
Онъ тихо сталъ передъ женою
И, волосы собравъ рукою,
Съ плечъ поднялъ голову свою:
И, ярко озаренъ луною,
На шеѣ признакъ роковой
Темнѣлъ багровой полосой.

IX.

Творецъ судилъ: навѣкъ страданье;
Ея удѣломъ, розно съ нимъ;
Ея земное упованье,
Навѣкъ подъ камнемъ гробовымъ.
Съ несчастнымъ страшною разлукой
Печальной жизни цвѣтъ убитъ;
Одинъ ударъ ихъ двухъ мертвитъ:
И слёзъ Натальи Долгорукой
Никто ничѣмъ не усладитъ.
Одна ужасная подруга
И въ тёмну ночь, и въ ясный день
Его страдальческая тѣнь,
Тѣнь мрачная младаго друга,
Не отразимая въ очахъ:
Въ ней жизнь и смерть, любовь и страхъ;
И слухъ ея тревожатъ звуки
Прощальныхъ стоновъ, вопля муки,
И ужасаютъ томный взоръ
Оковы, плаха и топоръ;
Его кровавая могила,
Страна, къ себѣ её манила;
И долгъ святый велитъ терпѣть:
Нельзя ни жить, ни умереть;

Она окована судьбою
Межъ мертвецомъ и сиротою.

X.

Промчались годы, но они
Душевной скорби не умчали,
И въ горѣ чувства замирали.
Ахъ, есть еще страшнѣе дни
Дней первыхъ пламенной печали!
Мятежной горести полна,
Какъ бы сражаяся съ судьбою,
Душа, терзанью предана,
Живётъ утратою самою;
Но есть пора: въ томленьи бѣдъ
Ни силъ, ни думъ, ни чувства нѣтъ;
Безъ слёзъ крушитъ воспоминанье;
Безъ пламя ѣдкаго страданья
Лишь раны сердца всё хранятъ
Свой тайный, свой холодный ядъ.
Но долгъ завѣтный совершился;
Младенецъ взросъ; свободна мать.
Что дѣлать ей? Какъ доживать
Печальный вѣкъ, который тмился
Суровой мглой? И гдѣ искать
Пріюта въ скорби одинокой?

Одинъ есть путь. . . . Она летитъ
Внушеньемъ Вѣры въ градъ далёкой,
Гдѣ подъ Печерской Днѣпръ широкой
Волной священною шумитъ;
Тамъ, горе жизни вѣроломной
Стѣснивъ трудами и мольбой,
Она запрётся въ кельѣ тёмной
До мирной сѣни гробовой.

XI.

Чей скорбный духъ воспрянетъ къ Богу,
Кто Вѣры пламенникъ зажжётъ
И бездны скользкую дорóгу
Съ Крестомъ Спасителя пройдётъ;
Въ пучинѣ золъ тотъ не погибнетъ.
Но, ахъ, когда въ грудѝ у ней,
Когда остынетъ пылъ страстей,
Гроза сердечная утихнетъ!
То робкой думой въ небесахъ,
То, лишь отраду зря въ слезахъ,
Она, въ борьбѣ сама съ собою,
Дрожитъ предъ клятвою святою.
Не страшенъ ей терновый путь;
Ей страшно Небо обмануть.

Гдѣ Свѣтлый Міръ безъ разрушенья;
Тамъ живо всё, тамъ нѣтъ забвенья:
Душа на вѣчность создана;
Любовь безсмертна, какъ она.
Духъ полонъ Вѣры; онъ стремится
До гроба сердце умертвить:
Земной ли жертвы ей страшиться?
Но какъ ей друга позабыть?

XII.

Настала ночь. Горой крутою
Кто лёгкой тѣнью межъ кусповъ,
Кто сходитъ позднею порою
На склонъ несчастныхъ береговъ?
Она.... Зачѣмъ ей одинокой
Итти на Днѣпръ въ ночи глубокой?
Бушуютъ волны на рѣкѣ;
Зарница блещетъ вдалекѣ,
И тучи мѣсяцъ застилаютъ,
И на туманныхъ небесахъ,
Какъ бы забыты въ облакахъ,
Двѣ только звѣздочки мелькаютъ.
Увы, душа ея мрачнѣй
Осеннихъ бурь и мглы ночей!

Она у волнъ въ раздумьи сѣла,
Склонила на́ руку лицо,
На Днѣпръ, вздохнувши, посмотрѣла,
Сняла вѣнчальное кольцо:
«Свершилось всё, навѣкъ свершилось!
«И страшной клятвой, съ новымъ днемъ,
«Я поклянусь предъ алтаремъ
«Забыть всё то, чѣмъ сердце билось.
«Кольцо мое... залогъ живой
«Межъ праха милаго и мной,
«Тебя ждала моя могила!
«Въ тебѣ страдальца я любила,
«И небесамъ (Творецъ, прости!)
«Кольца печали и любви
«Въ безумствѣ я бъ не уступила;
«Но онъ, онъ самъ въ чудесномъ снѣ,
«Онъ въ эту ночь являлся мнѣ;
«Онъ мнѣ сказалъ: «покинь земное!
«Въ любви есть тайное, Святое:
«Ей нѣтъ конца; и тамъ я твой!»
«То былъ не сонъ.» И томны очи
Искали неба въ мракѣ ночи
Съ надеждой, страхомъ и тоской;
И было всё покрыто мглой.

Но вдругъ изъ óблака густаго
Надъ рощей мѣсяцъ засіялъ;
Онъ такъ свѣтилъ, онъ такъ игралъ,
Какъ радость сéрдца молодаго;
И мракъ ночный предъ нимъ исчезъ,
И на краю родныхъ небесъ
Опять двѣ звѣздочки мелькнули, —
И въ яркомъ свѣтѣ утонули.
«О, такъ и мы, душа съ душой,
«Утонемъ въ Радости Святой!»
И Вѣрой грудь ея дышала,
И жертва тайная въ мечтахъ. . . .
Она кольцо къ устамъ прижала. . . .
Оно блеститъ, оно въ волнахъ. . . .
Въ волнахъ! Но что жъ? Рукой дрожащей
Въ порывахъ сéрдца своего
Она изъ-подъ волны̀ шумящей
Хотѣла выхватить его;
Ужѐ рука межъ водъ скользила:
Но руку, тихо заструясь,
Волна холодная отбила,
И, можетъ быть, въ послѣдній разъ,
Но слёзы хлынули изъ глазъ. . . .

И межъ кустовъ тропинкой мшистой
Она пошла къ горѣ крутой,
И скрылась вдругъ въ далѝ тѣнистой,
Какъ нѣкій призракъ гробовой.

XIII.

Звонъ громкій, вѣтромъ разносимой,
Сзываетъ Кіевлянъ во храмъ:
Навѣкъ сегодня въ жертвѣ зримой
Земное горе честной схимой
Передаётся Небесамъ.
И старъ, и младъ съ душой смятенной
Идутъ смотрѣть обрядъ священной;
Всѣ разомъ набожной толпой
Тѣснятся въ монастырь святой.
Какъ на стѣнахъ его высокихъ,
На, мхомъ подернутыхъ, зубцахъ,
На переходахъ, на столбахъ
Видна̀ печать временъ далёкихъ!
Вѣка̀ исчезли, храмъ стои̇тъ,
Стои̇тъ незыблемый, огромный,
И самъ, какъ вѣчность, тайный, тёмный.
Гранёный рядъ чугунныхъ плитъ,
Подъ коимъ тлѣетъ прахъ могильный;
Старинной живописи видъ,

И тусклый свѣтъ паникадильный
Во мракѣ сводовъ вѣковыхъ,
И будто тѣней гробовыхъ
Въ одеждѣ черной хоръ умильный
Поющихъ инокинь святыхъ:
Во всёмъ понятенъ гласъ пророчій
Послѣдней нашей длинной ночи.
Однѣ какъ въ радужныхъ лучахъ
Иконы свѣтлыя съ Мощами;
Ихъ ризы блещутъ жемчугами;
Алмазы, яхонты въ вѣнцахъ;
И, сыпля жаръ, скользитъ струями
Огонь лампадъ сквозь тонкій дымъ
По ихъ окладамъ золотымъ.
Но ужъ возносится моленье;
Начнётся скоро постриженье;
Владыка здѣсь, готово всё;
Ужѐ во храмъ ведутъ её;
Ужѐ звучитъ по мертвыхъ пѣнье;
Въ кадилахъ пышетъ ароматъ;
Ведутъ.... и въ храмѣ на налоѣ
Крестъ и Евангелье Святое
Передъ Иконою лежатъ,
Подъ Ними ножницы блестятъ.

XIV.

Одѣта длинной власяницей,
И ликъ подъ черной пеленой,
Она вошла: ужѐ гробницей
Взята отъ прелести мірской;
Стремяся къ жертвѣ невозвратно,
Посту, трудамъ обречена̀,
Передъ налоемъ троекратно
Распростиралася она;
Но, искушая страшной долей,
Её спросилъ святый отецъ,
Стяжаетъ волей, иль неволей,
Суровый инокинь вѣнецъ;
Онъ рекъ, да се́рдца правотою
Отвергнетъ ядъ лукавыхъ стрѣлъ,
Что вѣчный огнь ей будетъ мздою,
Иль свѣтлый Ангельскій удѣлъ,
И за неё святыя дѣвы
Молитвы теплыя творятъ;
Ужѐ раскаянья напѣвы
Къ Судьѣ Доступному летятъ.

Что я? Кто я? Изгнанникъ рая.
Въ грѣховной бездны утопая,

Что жизнь, и разумъ, и краса?
Цвѣтокъ увядшій, дымъ, роса.
Но Онъ Своей щедроты бездной,
Онъ, Милосердый Царь Надзвѣздной,
Услышитъ вопль мой; Онъ меня
Спасетъ отъ вѣчнаго огня.
Но вотъ и ножницы блеснули,
Невольно въ храмѣ всѣ вздрогнули;
И старецъ ихъ предъ ней держалъ:
«Возми и даждь ми,» онъ сказалъ.
Она свой взоръ на нихъ склонила,
Взяла и старцу возвратила;
Въ другой разъ тоже, въ третій разъ....
Вдругъ стонъ.... И въ храмѣ раздалась
Толпа, — и отрокъ неизвѣстный,
Дрожащій, какъ она, прелестный,
Не смѣя воли дать словамъ,
Бѣжитъ.... упалъ къ ея ногамъ,
Цѣлуетъ, облилъ ихъ слезами....
Увы, что̀ съ ней! Кто зритъ сердца̀,
Тотъ видѣлъ всё; она очами
Искала О́браза; съ лица
Холодный потъ, какъ градъ, катился;
Но взоръ на Образъ устремился:

Безмолвно отрока она,
Душей молясь, благословляетъ,
И старцу ножницы вручаетъ.
Онъ взялъ; — и жертва свершена;
И кудри тёмныя, густыя
Летятъ на плиты гробовыя;
И поясъ крѣпкой Правоты,
И риза дивная Неплѣнья,
И покрывало Чистоты,
И знакъ блестящій Искупленья,
Ей всё дано; она вняла,
Что Мудрость Вѣчная рекла:
«Кто хочетъ царствія Христова,
«Блаженства отрекись земнаго,
«И чрезъ долину слёзъ и бѣдъ
«Съ Крестомъ гряди Ему во слѣдъ!»
Сей путь ея: и, ангелъ новый,
На небеса уже готовый,
Она стоитъ предъ алтарёмъ
Въ рукѣ съ таинственнымъ Крестомъ.
Въ житейскомъ морѣ зря волненье,
Отъ бури гибельныхъ страстей
Я притекла искать спасенья
У тихой пристани Твоей.

И Ты, о Свѣтъ Незаходимый,
Божественный, Непостижимый,
Отрада Чистая сердецъ,
Небесный страждущихъ Отецъ!
Привлекъ Ты къ пристани надежной
Разбитый челнъ грозой мятежной;
Ты отдалъ жизнь, Ты усладилъ,
Мечтанье Правдой озарилъ;
И днесъ въ восторгѣ упоенья,
Благословляя дни мученья,
Къ блаженству разцвѣтая вновь,
Она ужъ тамъ, гдѣ нѣтъ страданья,
Гдѣ брошенъ якорь упованья,
Гдѣ Ты, и вѣчность, и любовь!

XV.

Летая думой вдохновенной
Въ завѣтный мракъ минувшихъ дней,
Опять узналъ мой духъ смятенной
Тревогу томную страстей.
Хоть свѣтлый призракъ жизни юной
Печаль и годы унесли;
Но сердце, но мечты, но струны?
Онѣ во мнѣ, со мной, мои.

Я вспомнилъ ночь, когда томимой
Тоской, ничѣмъ не опразимой,
Въ Печерской Лаврѣ я сидѣлъ
Надъ той спокойною могилой,
Надеждамъ страшной, сердцу милой,
Въ которой прахъ священный тлѣлъ;
Она душѣ была порукой
Невѣрной радости земной, —
И тѣнь Натальи Долгорукой
Во тмѣ носилась надо мной. . . .

ПРИМѢЧАНІЕ.

Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая была дочь Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева, знаменитаго полководца во времена Петра I. Судьба Князей Долгорукихъ, пользовавшихся необыкновенною довѣренностію Императора Петра II, извѣстна изъ Россійской Исторіи.

БЕЗУМНАЯ,

РУССКАЯ ПОВѢСТЬ.

*

Нѣтъ надобности Издателю хвалить въ предисловіи своемъ, предлагаемое имъ Публикѣ, новое сочиненіе; само за себя говоритъ оно лучше его. Но, кажется, можетъ онъ сказать нѣсколько словъ, чтобъ удалить недоумѣніе читателя — когда оно предположительно, судя по новости или странности предмета, избраннаго сочинителемъ.

Вѣроятно, многіе спросятъ: есть ли поэзія въ несчастномъ состояніи человѣка, который лишился ума? — Поэзія, или, справедливѣе сказать, поэтическая сторона, есть въ каждомъ почти предметѣ. Найти точно её и освѣтить её съ надлежащей точки, закрывши всё лишнее, безполезное, прозаическое: вотъ въ чёмъ тайна искуства. Тихая, беззаботная любовь простодушной поселянки меньше представляетъ красокъ для поэзіи, нежели ужасныя слѣдствія измѣны, такъ дико омрачающія умъ ея. Мы видимъ съ удивленіемъ, что эта бездѣйственная, едва ли не сонная прежде душа,

вдругъ возстаётъ, и съ какимъ-то изступленіемъ раскрываетъ, таившуюся въ ней, силу. Поэтическое разнообразіе думъ, передаваемыхъ намъ то мятежною, то утихающею страдалицей; картины природы, въ которыхъ столько гармоніи съ ея сердцемъ; единство съ главнымъ предметомъ въ самыхъ отступленіяхъ автора: всё это вмѣстѣ составляетъ цѣлое, столь же поразительное, сколько и занимательное.

Въ подобныхъ сочиненіяхъ не можетъ быть дѣйствія, или, по крайней мѣрѣ, оно безъ примѣтнаго движенія. Но тѣмъ не менѣе мы чувствуемъ вліяніе ихъ на душу свою. Такъ созерцаніе *живой картины*, въ которой актёръ отвергнулъ всѣ мимическія пособія, эти орудія волшебной власти его надъ нами, часто плѣняетъ насъ не менѣе представленія трагедіи.

Москва, Москва, гдѣ радости и горе
Мой юный духъ, пылая, обнималъ, —
Гдѣ жизнь мою, какъ въ непогоду море,
Мятежъ страстей такъ часто волновалъ!
Ты — колыбель моихъ воспоминаній,
Сердечныхъ думъ и дерзкихъ упованій!
О, сколько ихъ увяло, не сбылось!
Но хоть тогда и много тучъ неслось:
Отважный взоръ не устрашенъ былъ мглою,
И вдалекѣ мелькающей звѣздою
Плѣнялся я: во тмѣ — она одна
Свѣтила мнѣ; но такъ мила̀, ясна̀,
Она межъ тучъ такъ радостно играла;
Надеждою, любовью мнѣ сіяла!
Шуми же вѣтръ, тмись небо, вой гроза:
Въ очахъ, въ душѣ — звѣзды̀ моей краса!
И мой удѣлъ, съ надеждами, съ мечтами,
Съ весёлыми и горестными днями,
По сердцу мнѣ; онъ мнѣ не утаилъ
Душевныхъ тайнъ, и я не даромъ жилъ.

Тучъ грозныхъ мракъ, румяной блескъ денницы
Знакóмы мнѣ, и отзывъ ихъ живой
То ужасъ льётъ, какъ въ ночь протяжный вой
Далёкихъ бурь, то нѣжный звукъ цѣвницы,
Предъ нимъ ничто. Я снова, если бъ могъ,
Искать бы сталъ тѣхъ пламенныхъ тревогъ,
Въ которыхъ всё земное намъ милѣе,
Небесное и ближе, и святѣе!
Стремлю назадъ, вздыхая, томный взоръ,
Но въ нёмъ Москва — привѣтъ, а не укоръ.
Бывало, я въ лѣсу уединенномъ,
Гдѣ Кунцово на холмѣ возвышенномъ
Задумчивой плѣняетъ красотой,
Брожу одинъ вечернею зарёй;
Москва рѣка тамъ съ синими волнами,
Въ тѣнѝ берёзъ, межъ дикими кустами,
Шумя, блеститъ, и прихотей полнà,
То скрылась вдругъ, то вдругъ опять виднà;
Зелёный лугъ и роща за рѣкою;
Вдалѝ видъ сёлъ, полуодѣтыхъ тмою,
Манили взоръ, — и сладостной мечтѣ
Вдавался я, въ сердечной простотѣ:
«О, если бъ здѣсь она, мой другъ прелестной,
«Кѣмъ для меня всё дышетъ въ поднебесной,

«Таясь отъ всѣхъ въ безпечной тишинѣ,
«Прекрасный сонъ! была подругой мнѣ!
«Деревня, садъ, любовь, уединенье,
«И Божье съ ней и въ ней благословенье —
«Во всёмъ она!» — И мѣсяцъ ужъ всходилъ,
А я въ лѣсу, забывъ часы, бродилъ,
И съ нимъ тогда прощался по неволѣ,
Какъ мракъ ночной ложился въ тихомъ по́лѣ.
Иду — ко мнѣ изъ сёлъ летитъ поро̀й
То звукъ рожка, то пѣсни плясовой:
Я оживлёнъ весёлыми мечтами!
Но, проходя кладбище подъ филями,
Случалось мнѣ — внезапно я смущонъ,
Надъ свѣжею могилой слышу стонъ, —
И я, крестясь, задумаюсь уныло....
И пламеннѣй люблю, что сердцу мило!
Но ужъ прошелъ я поле и погостъ,
Дрожитъ вдалѝ Дорогомиловъ мостъ,
Бѣгу̀ къ нему, надеждою томимой;
Спѣшу пройти по улицѣ любимой:
Тамъ, можетъ быть, теперь предъ тихимъ сномъ
Она сидитъ, въ раздумьѣ, подъ окномъ.
Но хоть одинъ огонь межъ ставней блещетъ —
Всё счастливъ я, — и сердце запрепещетъ!

Нѣтъ! тайну чувствъ несмѣтныхъ сердца думъ,
Ихъ чудный міръ постичь не можетъ умъ.
Мечта сбылась. Меня любила радость,
Священный жаръ мою лелѣялъ младость;
Хоть жизнь моя утрачена въ страстяхъ,
И Божій свѣтъ померкъ въ моихъ очахъ,
Но я стѣснёнъ, а не убитъ судьбою —
Моя жена, и сынъ, и дочь со мною!
Мой духъ кипитъ, моя не стынетъ кровь,
По прежнему, я вѣрую въ любовь....
Такъ видимъ мы: покинувъ мать родную,
Мечтатель-сынъ летитъ въ страну чужую,
Гдѣ буря ждётъ, печаль, тоска крушатъ —
Быть можетъ, самъ онъ, дерзкій, виноватъ
Но онъ — ея; то жъ сердце въ нёмъ пылаетъ,
И мать въ слезахъ страдальца обнимаетъ.
Москва! съ тобой давно разстался я,
Но я твой сынъ — родная ты моя!

Санктпетербургъ.
30 Сентября, 1830.

БЕЗУМНАЯ.

I.

Когда дорóгою большою
Проѣзжій встрѣтится со мною,
И колокольчикъ прозвенитъ;
Всегда въ мое воображенье
Онъ броситъ тайное смущенье,
И какъ-то сердце мнѣ стѣснитъ.
Напоминаютъ эти звуки
Обманъ надеждъ, печаль разлуки;
Быть можетъ, страждущую мать
Любимый сынъ спѣшитъ обнять —
Увы! застанетъ ли родную?
Платя, быть можетъ, чéсти дань,
Жену покинувъ молодую,
Влюбленный мужъ летитъ на брань;
Сомнѣнье духъ его волнуетъ —
Кто любитъ страстно, тотъ ревнуетъ.

Такъ, углублёнъ въ моихъ мечтахъ,
Подъ буркой я лежалъ въ саняхъ;
И, снѣгъ копытами взвѣвая,
Неслася тройка удала́я,
И мой ямщикъ унывно пѣлъ,
И колокольчикъ мой звенѣлъ.

II.

Ужъ ночь морозная настала;
Ямщикъ коней легонько гналъ,
И по́дрѣзь по́ снѣгу визжала,
А я подъ пѣснею дремалъ.
Вдругъ бѣгъ коней остановился,
Открылся взоръ усталый мой, —
Гляжу: стоймъ; ямщикъ крестился:
Зажглося небо надо мной,
Горитъ кровавою зарёй;
Волнуясь, Сѣверъ пламенѣетъ,
То весь багровый, то блѣднѣетъ,
И море зыбкаго огня
Гопово хлынуть на меня.
Холоднымъ блескомъ рдяной ночи
Невольно ужаснулись очи;

Клубясь въ сверкающихъ волнахъ,
Столбы багряные явились,
То расходились, то сходились,
Сливались, таяли въ лучахъ,
Иль, разсыпаяся, дымились;
И за́рево съ высотъ небесъ
Сіянье странное бросало
На снѣжный долъ, на ближній лѣсъ;
Оно таинственно мерцало;
Пушистый иней вкругъ вѣтвей
Берёзъ высокихъ, соснъ косматыхъ,
Трепещетъ въ искрахъ красноватыхъ;
И снѣжные ковры полей
Гдѣ пожелтѣли, гдѣ алѣютъ;
Вездѣ дрожащій, чудный свѣтъ,
Какого днёмъ и ночью нѣтъ.
Свѣтло и страшно — лишь темнѣютъ,
Со всѣхъ сторонъ омрачены̀,
Лѣсныхъ овраговъ глубины.
И въ по́лѣ только раздаётся
Звонъ колокольчика поро̀й,
И тихо и́зъ лѣсу несётся
Волко̀въ голодныхъ дальный вой.

III.

Природа-мать! какъ ты прекрасна!
О, какъ всегда, вездѣ, во всёмъ
Мила, прелестна иль ужасна!
Ты явно дышешь Божествомъ!
Въ красѣ ли солнце засіяетъ
И свѣтлый міръ животворитъ;
Изъ тучъ ли молнія сверкаетъ,
Гроза ревётъ и громъ гремитъ;
Иль ночь нетлѣнными звѣздами
Усѣетъ небо, какъ цвѣтами,
И томно нѣжится луна;
Морская ли кипитъ волна;
Журчитъ ли тихо токъ сребристый;
Иль Этна броситъ снопъ огнистый
И вихритъ пламень къ облакамъ —
Всё тайну знаменуетъ намъ:
Что лишь Одно всему душою,
Что правитъ міра красотою,
Равно какъ ужасомъ тревогъ,
Морями, небомъ и землею:
Любовь, Премудрость, Сила — Богъ!

IV.

И кони борзые пугливо
Храпятъ, какъ будто чуя диво.
Ямщикъ молчалъ, смотрѣлъ кругомъ,
И молвилъ мнѣ: «Не предъ добромъ!
«Вѣрна примѣта, не обманетъ:
«Намъ черный годъ, бѣда нагрянетъ;
«Столбы — къ войнѣ, а пламя — моръ;
«Того гляди, опять наборъ!»
Напрасно, гнавъ его сомнѣнье,
Я толковалъ ему явленье;
Не понялъ онъ — *какъ мерзлый паръ*
Среди снѣговъ родитъ пожаръ.
Едва везти меня рѣшился,
Онъ возжи взялъ, перекрестился,
Лѣниво сѣлъ, махнулъ кнутомъ
И повторилъ: «Не предъ добромъ!»

V.

И молча онъ большой дорогой
Меня везетъ. — Невдалекѣ
Лежитъ усадьба на рѣкѣ.
Вкругъ деревянной и убогой
Столѣтней церкви, межъ кустовъ,
Ряды являются гробовъ.

Изъ кольевъ съ е́льникомъ ограда
Ужъ ихъ тѣснитъ. Ветха̀, бѣдна̀,
Часовня при пути видна̀;
Въ ней тускло свѣтится лампада.
Вблизи костёръ, дымяся, тлѣлъ;
Быть можетъ, путниковъ онъ грѣлъ.

VI.

Но кто, какъ тѣнь, какъ привидѣнье,
Какъ полуно́чное явленье,
Могилъ таинственный жилецъ,
На срокъ отпущенный мертвецъ, —
Кто тамъ мелькаетъ предо мною?
Освѣщена̀ ночной зарёю,
Зачѣмъ, свою покинувъ сѣнь,
Идётъ ко мнѣ младая тѣнь? . . . .
Не тѣнь была то гробовая —
Была Страдалица младая.
Она догнать меня спѣшитъ;
Она рукой къ себѣ манитъ;
За нами вопль ея несётся;
Мой духъ смущенъ, и сердце бьётся.
Я удержалъ моихъ коней;
Я самъ бѣгу̀ на встрѣчу къ ней.

Но, къ намъ она летя стрѣлою,
Вдругъ неподвижною, нѣмою
Остановилась; тяжкій стонъ
Возникъ — и смолкъ: «Опять не онъ!»

VII.

И внѣ себя она стояла,
Блѣднà — какъ Майская луна;
И бѣглый взоръ кругòмъ бросала,
Тревожной думѣ преданà;
Какой-то грустью безнадежной
Она дышала; сарафанъ
И мѣхъ, накинутый небрежно,
Скрывали грубо лёгкій станъ;
По бѣлому челу бѣжали
Струи размешанныхъ кудрей,
И пили чудный блескъ очей,
И взору дикость придавали;
Словà нѣмѣли на устахъ,
И грудь вздымалась, трепетала;
Но вдругъ прошёлъ мятежный страхъ —
И, какъ въ бреду, она сказала:
«Зачѣмъ ты, путникъ, здѣсь со мной?
«Скачи къ нему! Когда жъ онъ будетъ

«Опять ко мнѣ? иль мнѣ живой
«Въ могилу лечь? иль онъ забудетъ
«И тёмный лѣсъ, и часъ ночной,
«И этотъ перстень золотой?»

VIII.

Я понялъ всё. У изступленной
Я руку взялъ, и вмѣстѣ съ ней
Къ часовнѣ, тускло озаренной,
Пошёлъ, не находя рѣчей.
Мы сѣли на могильный камень;
Теплѣй я бѣдную одѣлъ;
Костра оставленнаго пламень,
Сверкая, насъ обоихъ грѣлъ.
И всё, что взоры ни встрѣчали,
Вливало въ душу мракъ печали:
Она, крушимая тоской,
Въ безуміи любви земной,
И сельскій храмъ, съ его гробами,
И блескъ, мерцающій надъ нами,
И тайной дышущая ночь,
Примѣтъ народныхъ впечатлѣнья —
Смущало всё; и думъ волненья
Былъ я не въ силахъ превозмочь;

А между тѣмъ она сидѣла
Печально-сумрачна, блѣднà;
Невнятно, тихо что-то пѣла;
И, смутныхъ призраковъ полнà,
То робко броситъ взоръ унылый
На снѣжныя вкругъ насъ могилы,
Начнётъ молиться и вздохнётъ;
То взглянетъ нá небо, вздрогнётъ,
Ко мнѣ отъ ужаса прижмётся, —
И вдругъ сквозь слёзы улыбнётся.
Былъ дикъ огонь ея очей;
Но, сердце кровью обливая,
Ея улыбка роковая
Огня ихъ дикаго страшнѣй:
Весёлый знакъ думъ ясныхъ, чистыхъ,
Улыбка на ея лицѣ;
Она — какъ изъ цвѣтовъ душистыхъ
Вѣнокъ на блѣдномъ мертвецѣ.

IX.

Она молчала — мнимый ропотъ
Ума броженье намѣкалъ;
Но странный, непонятный шопотъ
Въ устахъ дрожащихъ замиралъ.

Она, казалось, устремляла
Всю память сердца къ прежнимъ днямъ,
И вдругъ мнѣ руку крѣпко сжала,
И молвила: «Ты любишь самъ:
«Ты тронутъ былъ тоской моею!
«Радушенъ, добръ ты, вижу я:
«А добрымъ не любить нельзя!
«Будь счастливъ съ милою твоею!
«Но, путникъ, ей не измѣни;
«Иль чёрные настанутъ дни,
«И сердце умъ ея встревожитъ,
«И совѣсть страхи наведётъ —
«И съ горя, какъ моя, быть можетъ,
«Ея родимая умрётъ!»
Тогда кладбище указала
Она мнѣ трепетной рукой,
И, запинаясь, продолжала
Разсказъ печальный и простой:
«Да! какъ моя! — Её убила,
«Убила дочь; но мнѣ простила
«Моя родная: обо мнѣ
«Теперь, въ безвѣстной сторонѣ,
«Она всё молится..... Ужасно
«Мнѣ безъ нея на свѣтѣ жить! —

«Какъ безъ пріюта, въ день ненастной,
«Себя фіалкѣ сохранить?

X.

«И что? и какъ? Сама не знаю;
«А съ той поры, какъ нѣтъ родной,
«Творится чудное со мной:
«Я небывалое видаю,
«И, можетъ быть, одна мечта!
«Но и природа ужъ не та:
«Хотѣлось мнѣ убрать цвѣтами
«Родной могилу: что жъ? въ поляхъ
«Ни травки — снѣгъ! И я, въ слезахъ,
«Бѣгу̀ къ рѣкѣ, и надъ волнами
«Я вижу лёдъ, — и тайный страхъ
«Кругомъ меня, какъ призракъ, бродитъ.
«Вотъ полночь — а не мѣсяцъ всходитъ!
«Взгляни — пожаръ на небесахъ!

XI.

«И всё не такъ, какъ было прежде!
«Но, путникъ, ты моей надеждѣ
«Не измѣнишь.... Страшнѣй всего
«Съ нимъ розно жить — пришли его!

«Спроси, зачѣмъ онъ любовался
«Моей дѣвичьей красотой?
«Зачѣмъ, жестокій, издѣвался
«Надъ безталанной сиротой?
«Когда жъ настанетъ день отрадный!
«Когда же другъ мой ненаглядный
«Пріѣдетъ къ намъ — и съ женихомъ
«Я стану подъ святымъ вѣнцомъ!
«По нёмъ, съ утра до поздней ночи,
«Тоскуетъ сердце; плачутъ очи.
«Онъ далъ мнѣ слово; для чего
«Такъ долго, долго нѣтъ его?
«Я не хочу тоски умѣрить:
«Бѣда — мнѣ сердце разувѣрить!

XII.

«Но быть за нимъ мнѣ суждено.
«На прошлыхъ Святкахъ я гадала;
«Кольцо подъ пѣсни вынимала,
«И — какъ по бархату зерно,
«Зерно бурмицкое катилось;
«Какъ съ алымъ яхонтомъ оно,
«Катяся, вмѣстѣ очутилось, —
«Мнѣ вышла пѣсня. Также я
«На мѣсяцъ въ зеркало смотрѣла:

«Но шмился онъ, и я робѣла;
«Въ нёмъ будто черная змѣя,
«Клубясь, къ себѣ меня манила, —
«Бѣжать я бросилась домой, —
«Отъ страха зеркало разбила, —
«И кто-то всё гнался за мной!

XIII.

«Нѣтъ, не вѣнчаться мнѣ! Могила,
«Могила ранній мой удѣлъ!
«Мой свѣтлый призракъ улетѣлъ,
«И смерть меня бы не страшила,
«И сладко бъ я въ землѣ сырой
«Уснула, здѣсь, съ моей родной!
«Но, путникъ, какъ не ужаснуться?
«Придётъ пора̀ намъ всѣмъ проснуться:
«Священникъ говоритъ: пойдутъ
«Всѣ изъ гробовъ на Божій Судъ!
«Какъ тамъ безъ друга я предстану?
«Меня сожжётъ моя вина!
«Но болѣ за него страшна
«Мнѣ грѣшныхъ доля. Ни обма́ну,
«Ни ле́сти хитрой мѣ́ста нѣтъ
«Въ Странѣ Святой, гдѣ Вѣчный Свѣтъ.

«О, если можно, пусть за друга
«Его забытая подруга
«Горить одна!» . . . . . .

XIV.

И дикій взоръ
Стремился къ небу. Страхъ укоръ,
Любовь, молитва въ нёмъ пылали;
Но мракъ таинственной печали
Исчезъ, — и съ новою мечтой
Она какъ будто бы очнулась,
Откинувъ кудри, улыбнулась,
И, съ торопливостью живой,
Краснѣя, шопотомъ сказала:
«Ты не повѣришь, я слыхала
«Здѣсь отъ одной ворожеи,
«Что мёртвые гроба̀ свои
«Въ глухую полночь покидаютъ,
«И всюду бродятъ и летаютъ.
«О! къ бѣлокаменной Москвѣ
«Тогда бъ и я, въ полночной мглѣ,
«Съ кладбища къ милому носилась,
«Не съ тѣмъ, чтобъ мнѣ ему пѣнять,
«Не съ тѣмъ, чтобъ друга испугать:

«Я бъ въ невидимку обратилась,
«Дышала бъ въ тишинѣ ночной —
«Какъ ландышъ на поляхъ весной;
«Я бъ томнымъ ропотомъ сказала:
«— Не бойся, милый, это я,
«Всё неразлучная твоя! —
«И тихо бы являться стала,
«Не блѣднымъ, страшнымъ мертвецомъ,
«Холодной тѣнью гробовою,
«Но въ видѣ радостномъ моёмъ,
«Собой румяной, молодою
«И съ тёмнорусою косою —
«Какъ передъ нимъ я вечеркомъ,
«Бывало, пѣла и плясала,
«Или тайкомъ къ нему бѣжала
«Съ клубникой, съ свѣжимъ молокомъ.
«Но если я и за могилой
«Гонима тайною судьбой —
«Когда забылъ меня мой милой,
«И счастливъ онъ теперь съ другой:
«Я бъ мести ярой предалася,
«Взыграло сердце бы мое,
«Какъ острый пламень вкругъ нее
«Я бъ прижды, пупникъ, обвилася!...»

XV.

И голосъ замеръ на устахъ,
Взбунтована мечтой ревнивой,
Она дрожитъ; въ ея очахъ
Сверкаетъ блескъ любви строптивой.
Невольно раздѣлялъ я съ ней
Души угрюмое волненье.
Былъ страшенъ мракъ ея рѣчей;
Но быстрый призракъ прежнихъ дней
Вдругъ озарилъ ея смятенье: —
Такъ ночью бурною волна
Кипитъ во мглѣ, и съ пѣной хлещетъ;
Проглянетъ мѣсяцъ — и она
Опять, мятежная, заблещетъ.

XVI.

«Но ты жестокою меня
«Не называй, о путникъ! я
«Уловкой злою на разлуку
«Осуждена, быть можетъ, съ нимъ:
«Пойми жъ мой страхъ и сердца муку!
«Онъ мой, онъ долженъ быть моимъ —
«Порука Богъ! Я не рабою
«На трудъ тяжёлый рождена,
«Хоть въ низкой долѣ, хоть бѣдна. . .

«Но то не горе, что судьбою
«Роднымъ полямъ возвращена:
«На нихъ цвѣла я безъ кручины,
«Чистà, какъ ручеёкъ долины;
«Былъ свѣтелъ день, отраденъ сонъ,
«Не знала слёзъ. Явился онъ:
«Пропало всё! Родня, чужіе,
«Всѣ мнѣ пѣняютъ, всѣ бранятъ!
«Когда бъ ты зналъ, чтò говорятъ!
«Крестьянки грубыя, простыя
«Со мной встрѣчаться не хотятъ!

XVII.

«И правда ихъ: не та я стала,
«Какою прежде я была:
«Печаль мнѣ нá сердце напала,
«И тма всѣ думы облегла!
«Что вижу я — не замѣчаю!
«Что скажутъ мнѣ — я забываю!
«Мой умъ Лукавымъ отравлёнъ!
«Мнѣ жизнь мерещится какъ сонъ!
«Но то, чтò мнѣ, бывало, милой
«Тихонько говорилъ, — ту рѣчь
«Умѣла я, какой-то силой,
«Въ туманной памяти сберечь.

«Его рѣчамъ — хоть имъ не сбыться —
«Какъ въ душу мнѣ не зарониться!....
«Берётъ ли смѣхъ, томитъ ли грусть:
«Я всё твержу ихъ наизусть,
«И затвердила слово въ слово;
«И всё мнѣ въ нихъ какъ будто ново....
«Тамъ, въ рощѣ тёмной, при лунѣ,
«Вотъ что̀ сказалъ невѣрный мнѣ:
«— Зачѣмъ, въ деревнѣ разцвѣтая,
«Моя лилѣя полевая,
«Несёшь ты нужду и труды?
«Мила ты, прелесть молодая,
«Свѣтлѣе утренней звѣзды!
«Не знаю самъ, но я тобою,
«Прекрасный другъ, обворожёнъ!
«Съ тобой не перстнемъ, а душою,
«Моя невѣста, обрученъ!
«Люби меня!» — .... И я любила!
«Забыла я отца и мать;
«Дѣвичью совѣсть погубила;
«Въ Москву хотѣла съ нимъ бѣжать: —
«Но не Москвой съ ея весельемъ,
«И не жемчужнымъ ожерельемъ
«Меня красавецъ обольстилъ.
«Скажи: нѣтъ, онъ не измѣнилъ?

XVIII.

«Бывало, только тѣнь ночная
«Одѣнетъ дальній небосклонъ;
«Замолкнетъ пѣсня плясовая,
«И всѣ пойдутъ на тихій сонъ:
«А я, украдкой отъ родимой,
«Бѣгу̀ одна въ лѣсокъ любимой.
«Но въ тотъ лѣсокъ ходила я
«Не съ тѣмъ, чтобъ слушать соловья,
«Не съ тѣмъ, чтобъ небомъ любоваться,
«Когда въ нёмъ звѣзды загорятся:
«Въ сѣнѝ берёзъ, во тмѣ ночей,
«Моя звѣзда, мой соловей —
«Всё онъ одинъ! — И какъ, бывало,
«Какъ сердце билось, замирало,
«Когда, въ полночной тишинѣ,
«Я жду его, дохнуть не смѣю,
«Дрожу, то вспыхну, то хладѣю —
«И онъ идётъ! — И, какъ во снѣ,
«Исчезло всё! — Стыдомъ, тоскою
«Я съ той поры̀ сокрушена;
«И всѣ смѣются надо мною,
«И я — Безумной названа̀.

«Но если бъ то, что миновалось,
«Опять къ намъ, бѣднымъ, возвращалось:
«Въ груди̇ стѣснила бъ я тоску,
«Мой стыдъ и горе утаила —
«И, страхъ сказать Духовнику,
«Опять бы въ рощу я ходила!»
И покраснѣвъ, она лицо
Рукой стыдливо закрывала,
И долго мо́лча цѣловала,
Её сгубившее, кольцо,

XIX.

Но вдругъ, окинувъ бѣглымъ взглядомъ
Доро́гу, даль, кладбище, храмъ —
Она вздрогнула; слёзы градомъ
Катились по ея щекамъ, —
И буря тайнаго страданья
Волнуетъ грудь сильнѣй, сильнѣй —
Какъ будто Ангелъ упованья,
Мелькнувъ, навѣкъ простился съ ней.
И молвилъ я: — «Ты убиваешь
«Себя напрасною тоской.
«Онъ живъ, онъ будетъ здѣсь — съ тобой!
«О чёмъ же слёзы проливаешь?» —

XX.

«Нѣтъ, путникъ добрый, нѣтъ! повѣрь:
«Когда бъ я знала, что разбойникъ....
«Что прорубь тёмная.... что звѣрь....
«Что нѣтъ его.... что онъ покойникъ....
«Такъ что же? Золотымъ вѣнцомъ
«Нельзя вѣнчаться съ мертвецомъ; —
«Но я бы съ нимъ не разлучилась:
«Я бъ въ бѣлый саванъ нарядилась,
«Тихонько въ гробъ къ нему легла —
«Навѣкъ моимъ бы назвала!
«У Бога Правда — не земная!
«Его Законъ — Любовь Святая;
«А я безъ слёзъ не знаю дня..
«Отрада сердцу за могилой!
«Ты мнѣ сказалъ, что живъ мой милой?
«Онъ живъ, хорошъ — не для меня!
«И, можетъ быть, давно съ другою
«Злодѣй смѣётся надо мною!
«И страшно мнѣ, что, можетъ быть,
«Его не стану я любить!

XXI.

«На бѣломъ свѣтѣ мнѣ скитаться
«Зачѣмъ? томиться, горевать,

«Въ укорахъ совѣсти бояться
«То позабыть, что вспоминать
«Такъ мило мнѣ. — Заря ль алѣетъ
«На радость всѣмъ; а я проснусь
«И жду его — и не дождусь,
«И всё кругомъ меня темнѣетъ;
«Ночныя ль звѣзды зажжены,
«И томны очи я закрою:
«Но мнѣ и сонной нѣтъ покою. . . .
«Какая ночь! какіе сны!
«То на конѣ его видаю;
«Бѣгу за нимъ — не догоняю;
«То между имъ и между мной
«Оврагъ съ тернистою травой.
«Но, путникъ, ахъ! всѣхъ сновъ страшнѣе
«Мой вѣщій, мой послѣдній сонъ:
«Подъ ивой тёмной, вижу, онъ
«Со мной одинъ — милѣй, нѣжнѣе,
«Нѣтъ, никогда онъ не бывалъ,
«И какъ божился, какъ ласкалъ!
«Я въ нёмъ жила! я имъ дышала!
«Но, лишь къ груди его прижала —
«Въ могилу онъ столкнулъ меня, —
«И тма кругомъ! — но зрѣли очи

«Всѣ ужасы подземной ночи.
«Съ тѣхъ поръ на смерть проснулась я.
«Молися, путникъ!» — и дрожала
Она, какъ листъ, и мрачный ядъ
Опять затмилъ бродящій взглядъ.
Она внезапно съ камня встала,
И быстро кинулась въ сугробъ.
«Я гибну! я горю!» вскричала:
«Онъ жжётъ меня, мой душный гробъ!»
Я къ ней стремлюсь; она трепещетъ,
Часовню кажетъ мнѣ рукой,
Гдѣ образъ Дѣвы Пресвятой,
Лампадой озаренный, блещетъ.
«Итти не смѣю я одна —
«Мнѣ кто-то шепчетъ: ты грѣшна!»
И предъ стеклянными дверями,
Какъ снѣгъ бѣла и холодна,
Она простерлась со слезами,
Молитва бродитъ на устахъ;
Но какъ её ни мучилъ страхъ,
Какъ грудь тоскою ни тѣснилась —
Она, страдалица, молилась
Въ тревогѣ сердца своего,
Не за себя — а за него!

XXII.

Тогда дорожка передъ нами
Вдругъ освѣтилась огонькомъ,
И вотъ крестьянка съ фонарёмъ
Идётъ поспѣшными шагами
За поселянкой молодой.
Она страдалицу искала,
Ей погрозила, и сказала:
«Поди, безумная, домой;
«Поди скорѣй!» и та небрежно
Встаётъ и, голову склоня,
Къ селу тропинкою прибрежной
Пошла, и — скрылась отъ меня.

XXIII.

О, сколько чёрныхъ думъ тѣснилось
Невольно въ грудь! какъ сердце билось!
«Одинъ позоръ,» воскликнулъ я:
«Теперь награда здѣсь твоя!
И ту, которой дни свѣтлѣли,
Кто, какъ младенецъ въ колыбели,
Повѣрила земной любви, —
Страданью люди обрекли;
За чувство, на Небѣ святое,

Она несётъ стыда ярмо,
И ужъ прожгло чело младое
Безумья страшное клеймо!»

XXIV.

Но, между тѣмъ, ужъ исчезало
Мерцанье сѣверныхъ огней,
И небо синее блистало
Въ полночной красотѣ своей.
Мелькаютъ звѣзды, мѣсяцъ всходитъ;
Онъ блескъ серебряный наводитъ
На снѣгъ окружный, на лѣса;
Всё неизмѣнны небеса,
Всё та жъ нетлѣнность, та жъ краса.
О, если бъ вы, страстей волненья,
Какъ метеоръ, какъ сновидѣнья,
Могли слѣдовъ не оставлять;
А сердце, позабывъ мученья,
Для новой жизни разцвѣтать!....
Но вы — ничѣмъ не отразимы,
Безжалостны, неукротимы!
Промчитесь вы, когда оно
Уже навѣкъ умерщвлено.

Простяся съ пышною Москвою,
Чрезъ то село я проѣзжалъ,
Гдѣ съ поселянкой молодою
Зимой минувшей горевалъ.
Кладбище было недалёко;
Ужъ лѣтній вечеръ пламенѣлъ,
И сельскій мальчикъ, черноокой,
Въ тѣни берёзъ игралъ и пѣлъ;
Онъ незабудки съ васильками
На свѣжій дёрнъ, рѣзвясь, бросалъ,
И мнѣ чуть внятными словами
На мой вопросъ объ ней сказалъ:
«Её вотъ здѣсь похоронили;
«Тужить не велѣно объ ней;
«Теперь бѣдняжкѣ веселѣй!
«Мы, дѣти, всѣ её любили.
«Она кого-то всё ждала,
«Не дождалась — и умерла.»

ВЕНГЕРСКІЙ ЛѢСЪ.

БАЛЛАДА.

Часть первая

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЕНГЕРСКІЙ ЛѢСЪ.

Какъ сердцу сладостно любить
Тебя, мой другъ прелестной,
И здѣсь въ лѣсу дремучемъ жить
Съ тобой — въ тиши безвѣстной!
Какъ ни красёнъ нашъ Кіевъ градъ
Съ его Днѣпромъ рѣкою;
Но я, мой другъ, скитаться радъ
Въ степяхъ одинъ съ тобою;
Съ тобой любовь вездѣ манитъ,
Повсюду радость встрѣтитъ,
Ярчѣе солнышко горитъ,
Яснѣе мѣсяцъ свѣтитъ.

Покинулъ я, плѣнёнъ твоей
Дѣвичьей красотою,
Край милый ро́дины моей
Съ привѣтливой семьёю;
Я бросилъ шумъ кровавыхъ сѣчь,
И славу жизни ратной,
И вѣрнаго коня, и мечь,
И шлемъ, и щитъ булатный,
И стрѣ́лы мѣткія мои,
И по́чести Княжія
За кудри русыя твои,
За очи голубыя.

Но то волнуетъ духъ тоской,
Что ты, родясь Княжною,
Простилась съ нѣгой золотой,
Простясь съ родной страною.
Ахъ! прежде въ теремѣ своёмъ,
Ты жизнью лишь играла;
Теперь подъ бѣднымъ шалашомъ
Кручину здѣсь узнала.
Бывало, въ струны ду́шу льёшь;
Ихъ звономъ всѣхъ плѣняешъ;
Теперь волну и лёнъ прядёшь,
И хрупкій листъ сбираешь.

И, жертвой гнѣвнаго отца,
Въ чужбинѣ, въ тяжкой долѣ,
Ты здѣсь подругой бѣглеца,
Ты здѣсь не можешь болѣ
Себя, какъ прежде, наряжать
Узорчатой парчою,
И грудь прелестную скрывать
Подъ дымчатой фатою.
Не для тебя, мой милый другъ,
И шёлкъ, и бархатъ нѣжной;
Не вьётся радужный жемчугъ
Вкругъ шеи бѣлоснѣжной.

О милый, милый! для чего,
Крушась моей судьбою,
Ты ясность сердца моего
Мрачишь своей тоскою?
Увяла бъ въ свѣтлыхъ теремахъ
Моя безъ цвѣта младость;
А здѣсь съ тобой, въ чужихъ лѣсахъ,
Нашла любовь и радость;
И ты любилъ не жемчуги,
Не камни дорогіе,
А кудри русыя мои
И очи голубыя.

Такъ на Дунайскихъ берегахъ,
Отъ ро́дины далёко,
Въ дремучихъ Венгріи лѣсахъ,
Гони́мъ судьбой жестокой,
Скитался Витязь молодой
Съ подругою прекрасной, —
И далъ край дикій и чужой
Пріютъ имъ безопасной.
Вотще разгнѣванный отецъ
Пого́ни посылаетъ;
Ихъ сочеталъ святый вѣнецъ;
Ихъ тёмный лѣсъ скрываетъ.

Останъ забылъ, узнавъ её,
И славу, и свободу;
Онъ ею жилъ, онъ за неё
Прошелъ бы огнь и воду;
Ахъ! за неё въ борьбѣ съ судьбой
На что̀ онъ не рѣшится?
Онъ съ ней пылающей душой,
Къ прекрасному стремится.
Она отрадою въ бѣдахъ,
Всѣхъ чувствъ и думъ виною,
Его надеждой въ Небесахъ
И радостью земною.

И, чувствомъ счастлива своимъ,
Въ восторгахъ сердца тая,
Веледа въ бѣдной долѣ съ нимъ
Нашла утѣхи рая;
Но что-то мрачное порой
Остановъ духъ смущаетъ,
И что-то дивною тоской
Взоръ ясный затмѣваетъ;
Какой-то думой угнетёнъ,
Таится онъ отъ милой, —
И, будто, гонитъ грозный сонъ,
Изъ памяти унылой.

И тайный страхъ, расстаться съ ней,
Невольно въ грудь тѣснится;
Онъ ловитъ звукъ ея рѣчей, —
Глядитъ, — не наглядится,
И грусть свою, и тайный страхъ
Въ молчаньи скрывъ тяжёломъ,
Съ слезами часто на глазахъ,
Твердитъ ей о весёломъ;
То вдругъ задумчивый вздохнётъ,
То вдругъ съ улыбкой взглянетъ;
Но сердце сердцу вѣсть даётъ;
И кто любовь обманетъ?

Печалью друга день и ночь
Веле́да волновалась;
Всё усладить, всему помочь
Надежда ей мечталась.
Какъ бури се́рдца отгадать
Безоблачной душою?
Остану можно ль тосковать,
Когда Останъ со мною?
И мнила: какъ онъ ни таитъ
Тоски своей причину,
Любовь моя развеселитъ,
Останову кручину.

Чуть въ думы милый погруженъ, —
Она ихъ разгоняетъ
Безцѣнной лаской тѣхъ именъ,
Что сердце вымышляетъ, —
И блескъ даётъ красѣ своей
Нарядами просты́ми,
И шолку золотыхъ кудре́й
Цвѣтками полевыми.
Когда жъ въ прiютный уголокъ
Ужъ тёмный ве́черъ сходитъ,
Она, вздувъ яркой огонёкъ,
Бесѣду съ нимъ заводитъ.

И быль родимой старины
Разсказы оживляла;
Могучихъ прадѣдовъ войны
Съ ихъ славой вспоминала,
Иль юной плѣнницы тоску,
И Половцевъ набѣги,
И Кіевъ-градъ, и Днѣпръ рѣку,
И роскошь мирной нѣги;
То пѣсни ро́дины святой
Она ему пѣвала;
То мо́лча къ груди молодой
Со вздохомъ прижимала.

Но съ дѣтской нѣжностью она
Какъ друга ни ласкаетъ, —
Печалью всё душа полна̀,
Ни что не услаждаетъ;
Напрасно всё, и съ каждымъ днёмъ
Его страшнѣе думы;
Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ,
Задумчивый, угрюмый;
О странномъ вдругъ заговоритъ,
Блѣднѣя, запинаясь;
Промолвитъ слово, — и молчитъ,
Невольно содрогаясь.

И ужъ на ту, кѣмъ онъ плѣнёнъ,
Едва возводитъ очи;
И въ тёмномъ лѣсѣ бродитъ онъ
Съ зари до тёмной ночи.
Разъ смерклось, а Остана нѣтъ, —
И бѣдная подруга,
Въ раздумьи, подгорюнясь, ждетъ
Тоскующаго друга, —
И внѣ себя Останъ вбѣжалъ,
Потъ градомъ, дыбомъ во́лосъ,
Взоръ дикій ужасомъ сверкалъ,
Дрожащій, замеръ голосъ.

«Онъ здѣсь, онъ здѣсь!» Кто, милый, кто? —
«Онъ въ ночь придётъ за мною;
Онъ мёртвымъ палъ; страшись его!»
О другъ мой! что съ тобою? —
«Луна и кровь!» Чья, милый, чья?
Ахъ! страшными мечтами
Почто измучилъ ты себя?
Хранитель-Ангелъ съ нами!
Какая кровь? удары чьи?
За что? скажи! какія? —
«За кудри русыя твои,
За очи голубыя!»

И что придумать, что начать
Съ тѣхъ поръ она не знала, —
Лишь только Пресвятую Мать
За друга умоляла.
И на младыхъ ея щекахъ
Ужѐ не рдѣютъ розы;
Не видно радости въ очахъ, —
И льются, льются слёзы.
Всё то, чѣмъ сердце билось въ ней,
Что ду́шу оживляло,
Исчезло всё — и свѣтлыхъ дней
Какъ будто не бывало. —

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

RIGAS PILSETAS BIBLIOTEKA

ВЕНГЕРСКІЙ ЛѢСЪ.

Туманный небосклонъ яснѣлъ,
Улёгся вихрь летучій,
Лишь громъ вдали̇ еще гремѣлъ, —
И, разсѣкая тучи,
Вилася молнія змiей;
Дождь не шумѣлъ; пылаетъ
Заря огнистой полосой, —
И блескъ свой отражаетъ
На тёмно-сизыхъ облакахъ
Румяною струёю, —
И тучи зыблются въ волнахъ
Багровою грядою.

Но ве́черъ бурный догорѣлъ,
Лишь зарево алѣетъ;
Ужъ боръ зелёный потемнѣлъ,
Ужъ ночь прохладой вѣетъ;
Дыханье свѣжихъ вѣтерковъ
Несётъ съ полей росистыхъ
И нѣжный ароматъ цвѣтовъ,
И за́пахъ травъ душистыхъ; —
И по холмамъ уже́ горятъ
Огни сторожевые;
И ска́лы мшистыя стоя́тъ,
Какъ при́зраки ночные.

Останъ, давно забытый сномъ
И мучимый тоскою,
Сидѣлъ на берегу крутомъ
Съ подругой молодою;
Невольно всё его страшитъ,
Всё въ ужасъ духъ приводитъ;
На сводъ небесъ она глядитъ,
Онъ вдаль, гдѣ су́мракъ бродитъ;
И, будто, тайны вѣщій гласъ
Ему напоминаетъ,
Что къ сердцу онъ въ послѣдній разъ
Веле́ду прижимаетъ.

Но вотъ и полночь ужъ близка̀,
Сгустился мракъ въ долинахъ,
Въ дремотѣ ка́тится рѣка,
Сонъ мёртвый на равнинахъ; —
Лишь тамъ далёко за рѣкой
Зарница всё мелькаетъ, —
Лишь тихій шорохъ чуть поро̀й
По рощамъ пробѣгаетъ.
Но вотъ блеснулъ сребристый лучь,
Проникъ и въ лѣсъ, и въ во́лны, —
И надъ дубравой изъ-за тучь
Выходитъ мѣсяцъ полный.

«О мѣсяцъ, мѣсяцъ, не свѣти!
Померкни, мѣсяцъ ясный!»
Зачѣмъ же меркнуть? другъ, взгляни,
Какъ свѣтлый и прекрасный
Теперь спѣшитъ онъ разгонять
Мракъ ночи и туманы,
И блескъ таинственный бросать
На сонныя поляны!
Взгляни, какъ онъ съ высотъ небесъ
Въ струяхъ рѣкѝ играетъ,
И нивы мирныя, и лѣсъ,
И долъ осеребряетъ!

«Ты помнишь ночь, какъ ты со мной
Изъ терема бѣжала?
Онъ такъ свѣтилъ!» О милый мой!
И я о томъ мечтала.
Я помню: онъ тогда сіялъ
Такъ радостно надъ нами,
И путь къ вѣнцу намъ озарялъ
Блестящими лучами. —
«Творецъ, Ты знаешь всё!... Прости!....
Увы! въ тотъ часъ ужасный!....
О мѣсяцъ, мѣсяцъ, не свѣти!
Померкни, мѣсяцъ ясный!»

И кинулъ онъ потухшій взоръ
Съ утесистой стремнины
На свѣтлую рѣку, на боръ,
На тихія долины!
Но не красу ихъ очи зрятъ;
Въ нёмъ чувства духъ смущаютъ:
Тамъ звуки чудные страшатъ,
Тутъ призраки летаютъ,
То съ тяжкимъ стономъ и глухимъ
Волна ночная плещетъ,
То мечь кровавый передъ нимъ
Въ дыму прозрачномъ блещетъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Останъ не побѣдитъ
Душѝ своей тревоги, —
Встаётъ, съ Велѐдою спѣшитъ
Скорѣй подъ кровъ убогій;
Идутъ, полѧ̀ въ глубокомъ снѣ,
Ни что не колыхнётся,
Лишь гулъ шаговъ ихъ въ тишинѣ
За ними въ слѣдъ несётся; —
Глухая полночь; всё вокругъ
При мѣсяцѣ яснѣетъ;
Чета проходитъ лѣсъ .... и вдругъ
Отъ страха цѣпенѣетъ.

Невѣдомый въ глушѝ лѣсной
Пришлецъ ихъ ожидаетъ;
Но мрачный ликъ подъ пеленой
Отъ нихъ пришлецъ скрываетъ;
И въ свѣтѣ лунномъ пелена
Бѣлѣетъ гробовая,
И кровь струёй на ней виднà,
Знать, тайно пролитая;
И предъ четою онъ стоялъ
Недвиженъ и безмолвный;
Остану только указалъ
Рукой на мѣсяцъ полный.

И тотъ, какъ громомъ пораженъ,
Хотѣлъ бы въ землю скрыться;
Не могъ обнять Веле́ды онъ,
Не могъ перекреститься;
А что жъ съ Веле́дой? Ахъ! Она
Къ Остану припадаетъ;
Душа въ ней ужасомъ полна̀;
Въ ней сердце замираетъ;
Но страждетъ другъ, — и страсть сильнѣй;
Прочь ужасъ, прочь смятенье!
Веле́да робкая смѣлѣй
Глядитъ на привидѣнье:

«О! кто же ты, пришлецъ ночной,
Могилы хладной житель?
Какъ разступилась надъ тобой
Подземная обитель?
Что къ намъ могло тебя привесть?
Что страждущихъ тревожишь?
Откуда ты? какую вѣсть
Загробную приносишь?»
На тѣ слова̀ главой оно
Задумчиво качнуло, —
Пошевелилось полотно, —
Подъ полотномъ вздохнуло, —

И тюмный голосъ проропталъ,
Въ слухъ тихо проникая:
«Мой часъ насталъ, мой цвѣтъ увялъ;
«Я жертва гробовая!
«Но если кто перекреститъ,
«Меня тремя крестами, —
«Опять, принявъ мой прежній видъ,
«Предстану я предъ вами.» —
И вдругъ чудесная далась
Тогда Веле́дѣ сила, —
И мертвеца вотъ въ первый разъ
Она перекрестила, —

И взвылъ мертвецъ, — и въ дымъ густой
Облекся весь, и рдѣлся,
Какъ уголь красный; кровь струёй, —
И саванъ загорѣлся. —
Креститъ въ другой разъ, — пелена
Спадаетъ, блещутъ очи,
Какъ два блуждающихъ огня
Во тьмѣ осенней ночи;
И смерть лице его мрачитъ;
Ужъ страхъ владѣетъ ею,
Чуть дышетъ; въ третій разъ креститъ, —
И братъ родной предъ нею:

«Изведъ, Изведъ! родной мой братъ!
О дѣтства спутникъ милой!
Остановъ другъ! увы! ты взятъ
Безвременно могилой.» —
И взоръ мертвецъ палящій свой
На виновязя бросаетъ:
«Останъ — твой мужъ убійца мой,
Веле́дѣ онъ вѣщаетъ,
«И знаетъ то одна луна
«Съ Днѣпровскими волнами;
«Но кровь Изведова страшна̀, —
«И Божій Судъ надъ нами!»

И что съ преступникомъ сбылось,
То въ мракѣ ночь сокрыла;
Слѣдовъ жилища не нашлось,
Явилась вдругъ могила. —
И страшная о лѣсѣ томъ
Молва вездѣ несётся;
И голосъ дровосѣка въ нёмъ
Съ тѣхъ поръ не раздаётся.
И какъ вечерній часъ пробьётъ,
И въ су́мракъ боръ одѣнетъ;
Ни пѣшій мимо не пройдётъ,
Ни конный не проѣдетъ.

Когда жъ повсюду тишина
И мёртвое молчанье,
И полуночная луна
Льётъ томное сіянье;
Изъ тѣсной кельи гробовой
Тѣнь блѣдная выхóдитъ, —
И грустно, въ часъ урочный свой,
Въ лѣсу дремучемъ бродитъ,
Луны̀ въ мерцающихъ лучахъ
Подъ соснами мелькаетъ, —
И вой могильный на скалахъ
Протяжно умираетъ.

И съ тѣхъ же поръ, въ лѣсной глуши̇̀,
Въ пещерѣ, близъ Дуная,
Жить начала̀ въ святой тиши̇̀
Отшельница младая.
И тамъ предъ ранней ли зарёй
Чуть брежжетъ надъ холмами,
Иль сводъ небесъ въ красѣ ночной
Усѣянъ весь звѣздами, —
Она въ молитвѣ и въ слезахъ, —
И пламенной душою
Летитъ къ Тому, Кто въ Небесахъ
Отцомъ намъ и Судьею.

Въ пещерѣ той пять цѣлыхъ лѣтъ
Отшельница молилась;
Но разъ, ея въ пещерѣ нѣтъ;
Куда, не знаютъ, скрылась. . . .
Лишь слухъ прошелъ по деревнямъ, —
Сосѣди прибѣжали,
Пошли за нею по слѣдамъ,
Искали, не сыскали;
Пришли и въ лѣсъ, какъ ни страшна
Останова могила, —
И на могилѣ той она
Жизнь юную сложила.

И въ вѣчномъ снѣ она цвѣла, —
Тѣ жъ прелести младыя;
И къ небу очи подняла,
Какъ небо голубыя, —
И кудри русыя волной,
Развившися, лежали, —
И грудь невинную собой
Стыдливо одѣвали;
Вся въ бѣлыхъ розахъ; на устахъ
Съ улыбкою Небесной;
И Крестъ сіяющій въ рукахъ,
Кѣмъ данный, не извѣстно.

И былъ тотъ день Благихъ Небесъ
Съ виновнымъ примиренья.
Ужъ не страшитъ дремучій лѣсъ;
Ужъ нѣтъ тамъ привидѣнья;
Опять, какъ прежде, всё цвѣтётъ;
Сталъ вéселъ боръ унылой,
И сладко соловей поётъ
Надъ тихою могилой; —
И звѣзды только-что блеснутъ
Привѣтными огнями, —
Дѣвицы сельскія идутъ
Къ ней съ свѣжими цвѣтами.

НЕВѢСТА АБИДОССКАЯ.

ТУРЕЦКАЯ ПОВѢСТЬ

ЛОРДА БАЙРОНА.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ

СЪ ЧУВСТВОМЪ СЕРДЕЧНАГО БЛАГОГОВѢНІЯ

ВСЕПОДДАННѢЙШЕ ПОСВЯЩАЕТЪ

Иванъ Козловъ.

*

Надежда и любовь Полуночнаго края,
Народа древняго ЦАРИЦА молодая,
О будь, хранимая Всевышняго рукой,
Блаженства Русскаго прекрасною звѣздой!

Безвѣстный я пѣвецъ, забвенный житель міра;
Дубравамъ и полямъ моя играетъ лира,
Задумчиво поётъ мечты минувшихъ дней,
Порывы бурные и тайный пылъ страстей:
Дерзну ли я цвѣтокъ убогій и смиренной,
Подруга нѣжная Владыки полвселенной,

Дерзну ль ТЕБѢ принесть? Кипитъ восторгъ живой....
А струны робкія нѣмѣютъ предъ ТОБОЙ.
Не санъ блистательный, не почести земныя,
Но добродѣтели нетлѣнныя, святыя
Плѣняютъ духъ пѣвца. — ТЕБЯ Всещедрый Богъ
Россіи подарилъ; ТЫ радости залогъ
И чувствъ возвышенныхъ пылающей душою,
И сердца нѣжныхъ думъ небесной чистотою.
Порукой прочною блаженства на земли
Святая благодать семейственной любви:
Блаженъ народъ, когда всѣмъ правиламъ священнымъ,

Всѣмъ кроткимъ должностямъ, отъ вѣка
неизмѣннымъ,
Творящимъ жизни путь вѣрнѣе и свѣтлый,
Онъ видитъ образецъ въ душѣ своихъ Царей!
О часъ, прекрасный часъ надеждъ, очарованья,
Когда, священнаго полнà воспоминанья,
ТЫ въ тайный тотъ чертогъ незримая
спѣшишь,
Гдѣ образъ матери такъ набожно хранишь,
И, тихо мрамора касаяся устами,
Вѣнчаешь хладный ликъ душистыми цвѣ-
тами,
Безцѣнная слеза дрожитъ въ ТВОИХЪ очахъ,
А незабвенная ликуетъ въ Небесахъ!

Но знай, ужъ Небеса ТЕБЯ благословили;
Четыре Ангела ТЕБѢ ужъ возвѣстили
Награду чистую: любовь и благодать;
И набожная дочь — счастливая ТЫ мать.
Плѣнителенъ, какъ ТЫ, и пышно разцвѣтая,
Усердныхъ Россіянъ надежда дорогая,
Порфирородный СЫНЪ блистаетъ предъ ТОБОЙ
На всё прекрасное готовою душой;
ИМЪ чувство новое ТВОЙ жребій озарило;
Предметъ святыхъ заботъ, забавъ товарищъ милой,
ОНЪ радость свѣтлая ТВОИХЪ невинныхъ дней....

Дерзну ль я лирою нескромною моей
ТЕБѢ напомянуть о тѣхъ минутахъ ясныхъ,
Когда ТЫ вмѣстѣ съ НИМЪ, въ тѣнѝ садовъ прекрасныхъ,
Гуляешь, говоришь, и въ юный, гибкій умъ
Вливаешь доброту и жаръ высокихъ думъ?—
Иль, въ часъ ЕГО забавъ, вечернею порóю,
Какъ вóлны звучныя ОНЪ дѣтскою рукою
Стремится разсѣкать сверкающимъ весломъ
И пѣна бѣлая кипитъ подъ челнокомъ,
ТЫ, спутница ЕГО, и вдоль бреговъ тѣнистыхъ
Одна по зеркальной равнинѣ водъ сребристыхъ

Въ томъ лёгкомъ челнокѣ летаешь вмѣстѣ
съ НИМЪ:
Прелестенъ ОНЪ ТОБОЙ, а ТЫ прелестна
ИМЪ.

И я не зрѣлъ ЕГО! .... И, жертва мрачной
ночи,
Мои потухшія, увы! не видятъ очи
Священной красоты ЦАРИЦЫ молодой,
Ни Русскаго ЦАРЯ, любви земли родной,
Чей первый Царства день былъ днёмъ без-
смертной славы,
Спасеньемъ алтарей, Россіи и Державы,

Кто съ Братомъ доблестнымъ примѣръ величья далъ,
Какого міръ земной не зрѣлъ и не слыхалъ!
Но сердца моего восторгъ и умиленье
Возносятъ ко Творцу усердное моленье,
Да свѣтлая печать Любви Его Святой
Пребудетъ навсегда надъ НИМЪ и надъ ТОБОЙ!
Да солнце радости блестящими лучами
Надъ Русскою землёй, надъ Русскими морями
Взыграетъ навсегда, — и миръ, и тишину
Прольётъ съ высотъ небесъ на вѣрную страну!

Да Вышній осѣнитъ Державу ***НИКОЛАЯ***,
И солнце вѣчное, вселенну обтекая,
Не узритъ ничего счастливѣе, славнѣй
ЕГО *высокихъ дѣлъ,* ***ТВОИХЪ*** *прекрасныхъ*
дней!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

RIGAS PILSETAS BIBLIOTEKA

НЕВѢСТА АБИДОССКАЯ.

I.

Кто знаетъ край далёкій и прекрасный,
Гдѣ кипарисъ и томный миртъ цвѣтутъ,
И гдѣ они какъ признаки растутъ
Суровыхъ дѣлъ и нѣги сладострастной,
Гдѣ нѣжность чувствъ съ ихъ буйностью близка̀,
Вдругъ ястребъ тихъ, а горлица дика̀?
Кто знаетъ край, гдѣ небо голубое
Безоблачно, какъ счастье молодое,
Гдѣ кедръ шумитъ и вьётся виноградъ,
Гдѣ вѣтерокъ, носящій ароматъ,
Подъ ношею въ эѳирѣ утопаетъ,
Во всей красѣ, гдѣ роза разцвѣтаетъ,
Гдѣ сладостна олива и лимонъ,
И лугъ всегда цвѣтами испещрёнъ,

И соловей въ лѣсахъ не умолкаетъ,
Гдѣ дивно всё, видъ рощей и полянъ,
Лазурный сводъ и радужный туманъ,
И пурпуромъ блестящій океанъ,
И дѣвы тамъ свѣжѣе розъ душистыхъ,
Разбросанныхъ въ ихъ локонахъ волнистыхъ?
Тотъ край Востокъ, то солнца сторона!
Въ ней всё дышитъ Божественной красою,
Но люди тамъ съ безжалостной душою;
Земля какъ рай. Увы! зачѣмъ она —
Прекрасная — злодѣямъ предана!
Въ ихъ сердцѣ месть; ихъ повѣсти печальны,
Какъ стонъ любви, какъ поцѣлуй прощальный.

II.

Собравъ Диванъ, Яфаръ сѣдой
Сидѣлъ угрюмо. — Вкругъ стояли
Рабы готовою толпой
И стражей быть, и мчаться въ бой.
Но думы мрачныя летали
Надъ престарѣлою главой.
И, по обычаямъ Востока,
Хотя поклонники Пророка
Скрываютъ хитро отъ очей
Порывы бурные страстей —

Всё, кромѣ спѣси ихъ надменной;
Но взоры пасмурны, смущенны
Являли всѣмъ, что въ тайнѣ онъ
Какимъ-то горемъ угнетёнъ.

III.

«Оставьте насъ!» — Идутъ толпою. —
«Гару́на вѣрнаго ко мнѣ!»
И вотъ, Яфа̀ръ наединѣ
Остался съ сыномъ. — Предъ Паша́ю
Арабъ стои́тъ: — «Гару́нъ! скорѣй
«Иди за дочерью моей,
«И приведи ко мнѣ съ собою;
«Но пережди, чтобъ внѣшній дворъ
«Толпа военныхъ миновала:
«Бѣда тому, чей узритъ взоръ
«Ея лице безъ покрывала!
«Судьба Зюле́йки рѣшена;
«Но ты ни сло́ва; пусть она
«Свой жре́бій отъ меня узна́етъ.» —
«Что мнѣ Паша̀ повелѣваетъ,
«Исполню я.» Другихъ нѣтъ словъ
Межъ властелина и рабовъ.
И вотъ, ужъ къ башнѣ отдаленно́й
Начальникъ эвнуховъ бѣжитъ.

Тогда, съ покорностью смиренной,
Взявъ ласковый и нѣжный видъ,
Умильно сынъ къ отцу подходитъ,
И, поклонясь, младой Селимъ
Съ Пашóю грознымъ рѣчь заводитъ,
Съ почтеньемъ стóя передъ нимъ.

«Ты гнѣвенъ, — но чужой виною,
«Отецъ! сестры не упрекай,
«Рабыни чёрной не карай. . . .
«Виновенъ я передъ тобою.
«Сегодня раннею зарёй
«Такъ солнце вéсело играло,
«Такою свѣтлою красой
«Поля и вóлны озаряло;
«Мой сонъ невольно отъ очей
«Бѣжалъ; но грусть меня смущала,
«Что тайныхъ чувствъ души моей
«Ни чья душа не раздѣляла;
«Я перервалъ Зюлéйки сонъ, —
«И какъ замки сторожевые
«Доступны мнѣ въ часы ночные;
«То мимо усыпленныхъ жёнъ
«Тихонько въ садъ мы убѣжали, —

«И рощи, вóлны, небеса,
«Какъ бы для насъ цвѣли, сіяли,
«И мнилось: наша ихъ краса.
«Мы день бы цѣлый были рады
«Вдаваться сладостнымъ мечтамъ
«Межнýна сказки, пѣсни Сáди (1)
«Еще милѣй казались намъ, —
«Какъ вѣщій грохотъ барабана (2)
«Мнѣ вдругъ напомнилъ часъ дивана, —
«И во дворецъ являюсь я:
«Къ тебѣ мой долгъ меня приводитъ.
«Но и теперь сестра моя —
«Задумчива — по рощамъ бродитъ. —
«О — не гнѣвись! толпа рабовъ
«Гаремъ всечасно охраняетъ,
«И въ тихій мракъ твоихъ садовъ
«Лукавый взоръ не проникаетъ.«

IV.

«О сынъ рабы!» Пашà вскричалъ,
«Напрасно я надеждой льстился,
«Чтобъ ты съ годами возмужалъ.
«Отъ нечестивой ты родился!
«Иной бы, въ цвѣтѣ юныхъ дней,
«То борзыхъ объѣзжалъ коней,

«То стрѣлы раннею зарёю
«Бросалъ бы мѣткою рукою.
«Но, Грекъ не вѣрой, Грекъ душой,
«Ты любишь нѣгу и покой,
«Сидишь надъ свѣтлыми водами,
«Или плѣняешься цвѣтами;
«Ахъ! признаюсь, желалъ бы я,
«Чтобъ взоръ лѣнивый веселя,
«Хотя бъ небесное свѣтило
«Твой слабый духъ воспламенило!
«Но — нѣтъ! позоръ землѝ родной!
«О! если бурною рѣкой
«Полкѝ Московитянъ нахлынутъ,
«Стамбула башни въ прахъ низринутъ,
«И раззорятъ мечёмъ, огнёмъ
«Отцовъ завѣтную обитель:
«Ты, грозной сѣчи вялый зритель,
«Ты лёнъ прядѝ, — а стукъ мечей
«Лишь страхъ родитъ въ душѣ твоей;
«Но самъ ты мчишься за бѣдою;
«Смотри же, чтобъ опять съ тобою
«Зюлейка тайно не ушла. . . .
«Не то — вотъ лукъ и вотъ стрѣла!»

V.

Уста Селимовы молчали;
Но взоръ отцевъ, отцева рѣчь
Убійственнѣй, чѣмъ Русскій мечь,
Младое сердце уязвляли.
«Я сынъ рабы? я слабъ душой!
«Кто жъ мой отецъ?.... Давно бъ иной
«Палъ мёртвый за упрекъ такой.»
Такъ думы черныя раждались,
И очи гнѣвомъ разгарались,
И гнѣва скрыть онъ не хотѣлъ.
Яфаръ на сына посмотрѣлъ —
И содрогнулся.... Ужъ являлась
Кичливость юноши предъ нимъ;
Онъ зритъ, какъ раздражёнъ Селимъ,
И какъ душа въ нёмъ взбунтовалась.
«Что жъ ты ни слова мнѣ въ отвѣтъ?
«Я вижу всё; — отваги нѣтъ, —
«Но ты упрямъ; — а будь ты смѣлый
«И сильный, и годами зрѣлый;
«То пусть бы ты свое копьё
«Переломилъ — хоть о моё.»

И взглядъ презрѣнья довершаетъ
Паши̇ насмѣшливый укоръ;
Но дерзкій видъ, обидный взоръ
Селимъ безстрашно возвращаетъ, —
Самъ гордо на него глядитъ,
Гроза въ очахъ его горитъ,
И старецъ взоры опускаетъ,
И съ тайной злобою молчитъ.
«Онъ мнѣ рожденъ для оскорбленья,
«Онъ мнѣ поспылъ со дня рожденья.
«Но что жъ? — его безъ силы длань
«Лишь серну дикую и лань
«Разитъ на ловлѣ безопасной;
«Его страшиться мнѣ напрасно.
«Ему ли съ робкою душой
«За честь летѣть на смертный бой?
«Меня кичливость въ нёмъ смущаетъ,
«Въ нёмъ кровь... чья кровь?... Ужѐ ль онъ знаетъ?...
«Въ моихъ очахъ онъ, какъ Арабъ,
«Какъ въ битвахъ низкій, подлый рабъ;
«Я усмирю въ нёмъ духъ мятежный! —
«Но чей я слышу голосъ нѣжный?....
«Не такъ плѣнителенъ напѣвъ
«Эдемскихъ свѣтлоокихъ дѣвъ.

«О дочь! тобою жизнь яснѣе,
«Ты матери своей милѣе. —
«Съ тобою мнѣ, подъ сумракъ лѣтъ,
«Однѣ надежды, горя нѣтъ;
«Какъ путника въ степи безводной
«Живитъ на солнцѣ ключъ холодной,
«Такъ веселитъ взоръ жадный мой
«Явленье Пери молодой.
«Какой поклонникъ въ поднебесной
«Передъ гробницею чудесной,
«Пророка пламеннѣй молилъ?
«Кто такъ за жизнь благодарилъ,
«Какъ я за дочь, мою отраду,
«Его прекрасную награду?
«Дитя мое.... О — сладко мнѣ
«Благословенье дать тебѣ!»

VI.

Плѣнительна, свѣтла, какъ та мечта живая,
Которая съ собой несётъ видѣнья рая
Страдальца горестнымъ, призраковъ полнымъ снамъ,
И радуетъ тоску, что встрѣча есть сердцамъ,
Что въ Небѣ отдана утрата намъ земная,

Мила̀, какъ память той, чей святъ безцѣнный
прахъ,
Чиста̀, какъ у дѣтей молитва на устахъ —
Была Яфа́ра дочь. — Заплакалъ вождь угрюмый,
Когда она вошла, и не отъ мрачной думы.
Кто самъ не испыталъ, что словъ на свѣтѣ нѣтъ —
Могущей красоты изобразить сіянье?
Предстанетъ ли предъ кѣмъ? Въ душѣ очарованье,
Блѣднѣетъ, и въ очахъ затмится Божій свѣтъ,
И сладостно томясь весёлый и унылый,
Онъ сердцемъ признаётъ всю власть чудесной силы.
Зюле́йка такъ блеститъ той прелестью младой,
Которой имя нѣтъ, безвѣстной ей одной,
Невинностью цвѣтётъ, любовью пламенѣетъ,
И музыка у ней съ лица, какъ будто, вѣетъ (3),
И сердце нѣжное льётъ жизнь ея красамъ.
А взоръ? — о, этотъ взоръ — онъ былъ душею
самъ!

Она вошла — главу склонила
И ру́ки бѣлыя крестомъ
На перси чистыя сложила, —
И передъ су́мрачнымъ отцомъ
Съ улыбкою смиренной стала,
И на плечо къ нему припала,

И бѣлоснѣжною рукой
Привѣтно старца обнимала.
Лаская дочь, Яфаръ нѣмой,
Унылый, — дѣло начатое
Уже готовъ былъ отмѣнить;
Яфаръ боялся погубить
Ея веселье молодое;
Онъ чувствомъ былъ прикованъ къ ней;
Но гордость въ нёмъ всѣхъ чувствъ сильнѣй.

VII.

«Зюлейка — сердца утѣшенье!
«Тебѣ сей день докажетъ вновь
«Мою отцовскую любовь;
«Съ тобой мнѣ тяжко разлученье;
«Но я, забывъ печаль мою,
«Тебя въ замужство отдаю;
«Женихъ твой славенъ, — межъ военныхъ
«Онъ всѣхъ храбрѣй; Османъ рожденъ
«Отъ древнихъ, доблестныхъ племенъ,
«Отъ Тимарьетовъ неизмѣнныхъ (4),
«Никѣмъ, нигдѣ непобѣжденныхъ;
«И словомъ, я тебѣ скажу,
«Онъ родственникъ Пасванъ-Оглу.

«До лѣтъ его какое дѣло!
«Не юноши искалъ я самъ;
«Тебѣ жъ придáное я дамъ,
«Которымъ ты гордися смѣло.
«Когда жъ всё будетъ свершено, —
«И наши силы за одно;
«То посмѣёмся мы съ Осмáномъ
«Надъ, жизнь отъемлющимъ, фирмáномъ;
«Лишь головы̀ не сбережётъ (5),
«Кто въ даръ снурокъ къ намъ привезётъ.
«Теперь, моей внимая волѣ,
«Послушна мнѣ, ему вѣрнà,
«Ужѐ ты съ нимъ искать должна
«Любви и счастья въ новой долѣ.»

VIII.

И дѣва юною главой
Безмолвно робкая поникла,
И вѣсть, разящею стрѣлой,
Казалось, грудь ея проникла.
Въ смятеньи тяжкомъ и нѣмомъ
И чувствамъ воли дать не смѣя,
Она стояла предъ отцомъ
Блѣднà, какъ ранняя лилея;
Но вздохъ прокрался, — на щекахъ

Зардѣлись дѣвственныя розы,
И на потупленныхъ очахъ
Невольно навернулись слёзы.
Что можетъ, что съ твоей красой,
Румянецъ дѣвственный, равняться! —
И жалость нѣжная тобой
Всегда готова любоваться!
И что, что можетъ такъ плѣнять,
Какъ слёзы красоты стыдливой!
Ихъ жаль самой любви счастливой
Лобзаньемъ страстнымъ осушать!
Но ужь о томъ, какъ съ ней одною
Селимъ въ саду гулялъ зарёю,
Иль не хотѣлъ, иль позабылъ,
Яфаръ совсѣмъ не говорилъ. —
Онъ трижды хлопаетъ руками (6),
Чубукъ въ алмазахъ съ янтарями (7)
Рабамъ вошедшимъ отдаётъ;
Ужь конь его Арабскій ждётъ,
Онъ бодро на него садится,
И въ поле чистое летитъ —
Смотрѣть воинственый Джиридъ;
Предъ нимъ, за нимъ несётся, мчится
Дельгисовъ, Мамелюковъ рой (8),

И чёрныхъ Мавровъ лёгкій строй;
Готовы дротики тупые,
Кинжалы, сабли ужъ блестятъ;
Туда всѣ скачутъ, всѣ летятъ,
Лишь у воротъ неподкупные
Татары на часахъ стоятъ.

IX.

И подгорюнясь, думы полный,
На синія морскія волны
Угрюмый юноша взиралъ:
Межъ Дарданеллъ онѣ сверкали,
Струились тихо и плескали
Въ излучинахъ прибрежныхъ скалъ.
Но онъ, унылый, не видалъ
Ни моря съ синими волнами,
Ни поля съ дальними холмами,
Ни чалмоносцевъ удалыхъ,
Стремящихся передъ Пашою
Шумъ грозный сѣчей роковыхъ
Представить бранною игрою;
Не видитъ онъ, какъ къ облакамъ
Ихъ кони вихремъ прахъ взвѣваютъ,
Какъ сабли острыя мелькаютъ,
И какъ съ размаха пополамъ

Чалмы двойныя разсѣкаютъ (9);
Не слышитъ онъ, какъ громкій крикъ
За свистомъ дротиковъ несётся,
И какъ въ долинѣ раздаётся:
Олахъ! Олахъ! ихъ дикой кликъ (10):
Душа полна̀ мечтой одною —
Яфа́ра дочерью младою.

X.

Задумчиво сидѣлъ Селѝмъ,
Печаленъ, блѣденъ, недвижимъ, —
И сквозь рѣшетки онъ безмолвно
Взоръ мрачный въ поле устремлялъ. —
Вздохнула дѣва, вздохъ невольно
Ея всѣ думы разсказалъ.
Такой внезапною грозою
Душа Зюле́йки смущена;
Ахъ! разной съ нимъ — но и она
Ужѐ волнуется тоскою
Въ любви младенческой, живой:
У ней такъ нѣжно сердце билось;
Но вдругъ теперь въ грудѝ младой
Невнятно что-то пробудилось,
Какой-то стыдъ, какой-то страхъ,
И рѣчь нѣмѣетъ на устахъ;

И можно ль долго ей таиться?
И какъ начать? и въ чемъ открыться?
«Что можетъ такъ его томить?
«Зачѣмъ ему меня чуждаться?
«Не такъ мы съ нимъ привыкли жить,
«Не такъ намъ должно разставаться!»
И вотъ нарочно вкругъ него
Прекрасная въ раздумьѣ ходитъ;
А онъ и взора своего
Ужѐ на дѣву не возводитъ.
Но что жъ — кувшинъ въ углу блеститъ
Съ Персидской, розовой водою;
Она къ ней ве́село летитъ,
И плещетъ лёгкою рукою
На стѣны мраморны съ рѣзьбою,
На златотканные ковры,
Восточной роскоши дары;
Потòмъ на милаго взглянула,
Къ нему бросается стрѣлой, —
И вдругъ душистою водой,
Рѣзвясь, на юношу плеснула;
Но онъ не слышитъ, не глядитъ,
И подъ одеждой парчевою
Вода душистая бѣжитъ

Студёною по немъ струёю,
А онъ не чувствуетъ. — Селимъ
Сидитъ, какъ мраморъ, недвижимъ.
«Онъ всё молчитъ, тоской томимый;
«Но разгоню его мечты....
«Бывало, онъ любилъ цвѣты,
«И я ему цвѣтокъ любимый
«Сама сорву, сама подамъ,»
И дѣва кинулась къ цвѣтамъ,
Весельемъ дѣтскимъ оживилась;
И роза мигомъ сорвана —
И вотъ бѣжитъ, и вотъ она
У ногъ Селима очутилась.

*

«Любовникъ розы — соловей (11)
«Прислалъ тебѣ цвѣтокъ свой милый;
«Онъ станетъ пѣснію своей
«Всю ночь плѣнять твой духъ унылый.

*

«Онъ любитъ пѣть во тьмѣ ночей, —
«И пѣснь его дышитъ тоскою;
«Но съ обнадеженной мечтою,
«Споётъ онъ пѣсню веселѣй.

*

«И съ думой тайною моей
«Тебя коснётся пѣнья сладость,
«И напоётъ на сердце радость
«Любовникъ розы — соловей.»

XI.

«Но ты цвѣтка не принимаешь,
«И гнѣвъ на горестномъ челѣ, —
«Ужъ ты со мною не играешь!
«Скажи, кому жъ ты милъ, какъ мнѣ?
«О, мой Селимъ! о сердцу милый!
«Меня страшитъ твой взоръ унылый,
«Ужѐ ль меня ты разлюбилъ?
«Ахъ! если выдумкой напрасной
«Твоей тоски не усладилъ
«И соловей мой сладкогласной:
«На грудь ко мнѣ склонись, склонись,
«Вотъ поцѣлуй — развеселись!
«Родитель грозный мой съ тобою,
«Я знаю, и суровъ, и строгъ;
«Но ты къ нему привыкнуть могъ,
«И какъ за то любимъ ты мною!
«Увы! не то ль крушитъ тебя,
»Что за́мужъ выдаютъ меня?

«Осма̀нъ, женихъ мой нареченной,
«Онъ, можетъ быть, онъ не́другъ твой?
«Клянусь же Ме́ккою святой,
«Клянусь любовью неизмѣнной,
«Когда не ты велишь мнѣ самъ,
«Султа́ну я рукѝ не дамъ!
«Уже ль, Селѝмъ, тебя лишиться,
«И сердцемъ мнѣ съ другимъ дѣлиться?
«О! если бъ что, какой судьбой,
«Меня съ тобою разлучило, —
«Кто будетъ другъ — хранитель мой,
«И быть кому твоею милой?
«Не билъ, и не пробьётъ для насъ
«Ужасный разставанья часъ!
«Самъ Азраѝлъ, явясь предъ нами (12),
«Съ колчаномъ смерти за плечами,
«Стрѣлой одною насъ сразитъ,
«И въ прахъ одинъ соединитъ!»

XII.

Онъ о́жилъ — ды́шетъ — зритъ — внимаетъ, —
Онъ дѣву тихо поднимаетъ,
Печали нѣтъ, исчезъ укоръ,
И вся душа въ очахъ сверкаетъ, —
И думы тайной по́лонъ взоръ.

Какъ спёртый дубами
Потокъ, разъярясь,
Бушуетъ волнами,
Въ долину спремясь, —
Какъ ночью зарницы
Изъ тучи блестятъ, —
Сквозь тёмны рѣсницы
Такъ очи горятъ.
Ни конь оживленный
Военной трубой,
Ни левъ, уязвленный
Внезапной стрѣлой,
Ни варваръ, смятенный
Полночной порой,
Страшнѣй не трепещетъ,
Когда вдругъ заблещетъ
Кинжалъ роковой,

Какъ онъ — въ пылу любви мятежной,
Дрожалъ при клятвѣ дѣвы нѣжной,
И всё, что думалъ, что таилъ,
Въ порывѣ пламенномъ открылъ:
«Моя, и будешь ты моею!

«Моя и здѣсь, моя и тамъ!
«Мы клятвой связаны твоею,
«Она свята обоимъ намъ;
«Ту клятву, вѣрь, её внушила
«Тебѣ таинственно любовь.
«Не знаешь ты, какую кровь
«Она одна остановила!
«Но не блѣднѣй — тобой, въ тебѣ
«Всё мило, всё священно мнѣ.
«Я всѣхъ сокровищъ драгоцѣнныхъ,
«У Истака́ра сокровенныхъ,
«Въ пещерахъ глубоко̀ въ землѣ (13),
«За кудри не возьму младыя,
«Небрежно въ ко́льца завитыя
«На дѣвственномъ твоемъ челѣ.
«Какъ страшно тучи надо мною
«Сегодня грянули грозою....
«Мнѣ смѣлъ сказать родитель твой,
«Что вялъ и робокъ я душой,
«Что будто я рожденъ рабой....
«Теперь узнаетъ онъ, надменной,
«Кто сынъ рабы его презрѣнной!...
«Увидитъ онъ, таковъ ли я,
«Чтобъ могъ онъ устрашить меня!

«И по тебѣ, быть можетъ, снова
«Я назову его отцомъ.
«Но о сердечномъ, о святомъ
«Обѣтѣ нашемъ ты ни слова.
«Извѣстенъ мнѣ коварный Бей....
«Онъ смѣлъ искать руки твоей!
«Его чины, его имѣнье,
«Плоды неправды, ухищренья.
«Онъ съ Негропонтскихъ береговъ, (14)
«Не лучше родомъ онъ Жидовъ.
«Но знай, судьба не такъ сурова,
«Лишь тайной клятвы не открой,
«А споръ ему имѣть со мной!
«Ужь месть на чёрный день готова —
«Есть и кинжалы, и друзья....
«И ты не вѣдаешь, кто я.»

XIII.

«Кто ты? О! что жъ ты измѣнился?
«Давно ль румяная заря
«Весёлымъ видѣла тебя,
«И вдругъ тоскою омрачился;
«Ты зналъ, нельзя любви моей
«Ни охладѣть, ни быть живѣй;

«Дышу надеждою одною,
«Твой взглядъ, улыбку, рѣчь ловить,
«Тобою сердце веселить,
«И жить, и умереть съ тобою.
«И можетъ быть, ночную тѣнь
«За то одно я ненавижу, —
«Что лишь когда сіяетъ день,
«Селима я свободно вижу!
«Цѣлуй меня, цѣлуй, цѣлуй
«Въ уста, и въ очи, и въ ланиты!
«Но, ахъ! онъ жжётъ — твой поцѣлуй,
«Пылаетъ въ нёмъ огонь сокрытый;
«Ужъ и меня объемлетъ страхъ,
«Я вся дрожу и пламенѣю, —
«И стелется туманъ въ очахъ, —
«И чувствую, что я краснѣю.
«Хочу я нѣжностью живой
«Лелѣять милаго покой,
«Съ нимъ раздѣлять и жизнь, и сладость,
«И бѣдность весело сносить....
«Съ тобой во всёмъ найду я радость,
«Лишь бы тебя не пережить....
«О, нѣтъ! нельзя желать Селиму
«Еще нѣжнѣе быть любиму.

«Любить нѣжнѣй могу ли я?
«Но ты и взоромъ и рѣчами
«Наводишь ужасъ на меня!
«Что за кинжалы, за друзья?
«Какая тайна между нами?
«И клятву нашихъ двухъ сердецъ
«Хотя бъ узналъ Яфаръ угрюмой,
«Ужъ надъ моей сердечной думой
«Не властенъ грозный мой отецъ.
«Но вѣрь, Селимъ, моей надеждѣ —
«Не приневолитъ онъ меня!
«Могу ль я не любить тебя,
«Тебя, кого любила прежде?
«Съ тобою вмѣстѣ дѣтскихъ дней
»Часы весёлые летѣли,
«Съ тобой играла въ колыбели, —
«Ты спутникъ младости моей.
«Что жъ хочешь ты, чтобъ мы таились
«Въ любви прекрасной и святой,
«Невинной нашею мечтой,
«Которой прежде мы гордились?
«Законы наши, Вѣра, Богъ
«Велятъ намъ жить безвѣстно въ свѣтѣ;
«Но для меня ль Пророкъ былъ строгъ

«Въ своемъ таинственномъ завѣтѣ?
«Въ удѣлѣ, сердцу дорогомъ,
«Онъ всё мнѣ далъ въ тебѣ одномъ.
«Ахъ! и меня печаль терзала! —
«Какъ руку незнакомцу дать?
«Отцу я всё бы разсказала;
«Но ты, Селимъ, велишь молчать.
«Съ душой неопытной, простою,
«Ужасенъ мнѣ обмана видъ,
«И что-то всё, грозя бѣдою,
«Какъ тяжкій грѣхъ, меня страшитъ.
«Но вотъ ужъ кончился Джиридъ,
«И Чекодаръ летитъ обратно (15),
«И вотъ отецъ съ забавы ратной!
«Боюсь взглянуть я на него....
«Селимъ, скажи мнѣ, отъ чего?

XIV.

«Зюлейка, ты спѣши укрыться
«Въ высокомъ теремѣ своёмъ;
«Я долженъ, я могу явиться
«Передъ разгнѣваннымъ отцомъ.
«Внезапно съ береговъ Дуная
«Къ намъ вѣсть примчалась роковая.

«Визи̇̀рь писалъ, что врагъ разбитъ,
«А самъ отъ Я́уровъ бѣжитъ;
«Но подвигамъ вождя такова
«И у Султа́на мзда готова.
«Когда же барабанный бой
«Военнымъ ужинъ и покой
«Съ вечерней возвѣститъ зарёю;
«Тогда во тмѣ, ни кѣмъ незримъ,
«Въ гаремъ прокрадется Сели̇̀мъ, —
«И мы уйдёмъ поро̀й ночною
«Чрезъ садъ, — на берегу морскомъ,
«Уединенномъ и крутомъ,
«Въ тиши̇̀ бесѣдовать съ тобою.
«Не бойся, будутъ насъ стеречь
«И тёмна ночь, и острый мечъ. —
«Гарунъ за насъ, и въ часъ урочный. . . .»
«Рѣшись, Зюлейка, не робѣй!
— Робѣть съ тобой! . . . . . .
«Иди жъ скорѣй,
«Гарема ключъ въ рукѣ моей;
«Узнаешь ты, во тмѣ полночной,
«Мой рокъ, мой страхъ, мои мечты,
«И я не то, что мнила ты.»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

RIGAS PILSĒTAS 3. BIBLIOTĒKA

НЕВѢСТА АБИДОССКАЯ.

I.

Надъ Геллеспонтомъ вѣтеръ дуетъ,
Клубитъ волнами и бушуетъ,
Какъ бушевалъ передъ грозой,
Когда погибъ, въ ночи ужасной,
Тотъ юный, смѣлый и прекрасной,
Что былъ единственной мечтой
Сестоса дѣвы молодой.
Бывало — только тѣнь сгустится,
И вѣщій факелъ загорится, —
Тогда хоть вѣтеръ и шумитъ,
Хоть море гнѣвное кипитъ,
И съ пѣной къ берегу несётся,
И небо тьмится чёрной мглой,
И птицъ морскихъ станица вьётся,
Перекликаясь предъ грозой:

Но онъ смотрѣтъ, внимать не хочетъ,
Какъ небо пмится — валъ грохочетъ,
Всё факелъ свѣтится въ очахъ,
Звѣздой любви на небесахъ;
Не шумъ грозы, но томной дѣвы
Всё слышатся ему напѣвы:
«Неси, волна, въ полночной тмѣ,
«Скорѣе милаго ко мнѣ!»
Вотъ старина, — и намъ дивиться
Не должно ей, — быть можетъ, вновь.
Пылать сердцамъ велитъ любовь,
И эта быль возобновится.

II.

Надъ Геллеспо́нтомъ вѣтръ шумитъ;
Онъ во́лны чёрныя вздымая,
Ихъ въ море бурное клубитъ;
И, разстилаясь тѣнь ночная,
На полѣ томъ ужѐ легла,
Гдѣ такъ напрасно кровь текла;
Скрываютъ мрачные туманы
Ту степь, гдѣ царствовалъ Пріамъ;
На ней замѣтны, здѣсь и тамъ,
Одни могильные курганы.

Ни ужасъ битвъ, ни блескъ вѣнца,
Ничто бъ отъ мрака не спаслося
Безъ пѣсенъ нищаго слѣпца
Съ холмовъ кремнистаго Хіо́са.

III.

И я былъ тамъ! и видѣлъ я
Тотъ брегъ, мечты священной полный;
И я былъ тамъ!.... тамъ и меня
Кипучія носили во́лны.
Пѣвецъ! когда жъ удастся мнѣ,
Въ твоей минувшаго странѣ,
Томиму думою высокой,
Бродить опять по тѣмъ полямъ,
Гдѣ дивное понятно намъ,
Гдѣ каждый холмикъ одинокой
Останки славные хранитъ,
И гдѣ, какъ прежде, всё шумитъ,
Шумитъ твой Геллеспо́нтъ широкой (16):
И бѣденъ, бѣденъ тотъ душой,
Кто предъ завѣтной ихъ красою,
Пѣвецъ, разсказъ чудесный твой
Считаетъ выдумкой одною!

IV.

Одѣлись вóлны чёрной мглой;
И съ мракомъ ужасъ ночь наводитъ,
А надъ туманною горой
Желанный мѣсяцъ не восходитъ.
О Ида! онъ съ твоихъ высотъ,
Бывало, свѣтъ дрожащій льётъ
На поле битвъ; но смолкло поле —
И нѣтъ на нёмъ тѣхъ ратныхъ болѣ,
Которымъ часто въ тмѣ ночей
Былъ въ гибель блескъ его лучей.
Лишь пастухи, въ ихъ мирной долѣ,
Когда онъ свѣтитъ веселѣй,
Пасутъ стадà вокругъ могилы
Того, кто славный и младой
Сражёнъ Дардáнскою стрѣлой.
Здѣсь возвышался холмъ унылый,
Здѣсь сынъ Аммóна горделивый (17),
Свершая призну, пировалъ.
Сей холмъ народы воздвигали,
Цари могучіе вѣнчали;
Но самъ курганъ надменный палъ,
И въ безъимянной здѣсь пустынѣ
Почти отъ взоровъ скрылся нынѣ.

О ты, жилецъ его былой!
Какъ тѣсенъ домъ подземный твой!
Пришлецъ одинъ на нёмъ мечтаетъ
О томъ, кого и въ гробѣ нѣтъ,
И свой задумчивый привѣтъ
Пустыннымъ вѣтрамъ повѣряетъ.
Нашъ прахъ какъ бы живётъ въ гробахъ;
Но твой — исчезъ и самый прахъ.

V.

Взойдётъ, взойдётъ въ свой часъ урочной
Сребристый рогъ луны̀ полночной,
Утѣшитъ мирныхъ пастуховъ,
И страхъ отгонитъ отъ пловцовъ;
Но до луны̀, всё тма скрываетъ;
Маякъ на взморьѣ не пылаетъ,
И въ мглѣ туманной лёгкій челнъ
Ныряетъ робко между волнъ.
Вездѣ, вдоль берега морскаго,
Въ домахъ свѣтилися огни, —
Но вотъ, одинъ послѣ другаго,
Ужѐ потухнули они;
Лишь только въ башнѣ одинокой
Младой Зюле́йки свѣтъ блеститъ, —

Лишь у нея, въ ночи глубокой,
Лампада поздняя горитъ,
И тускло свѣтитъ пламень томной
Въ диванной тихой и укромной,
Блестя на тканяхъ золотыхъ
Ея подушекъ парчевыхъ.
На нихъ изъ янтарей душистыхъ
Вотъ чётки дѣвы молодой,
Которыя, въ молитвахъ чистыхъ,
Она лилѣйною рукой
Такъ на́божно перебираетъ (18), —
И въ изумрудахъ вотъ сіяетъ
Съ словами Ку́рзи талисманъ;
Ахъ, что жъ она его забыла!
Въ нёмъ тайная хранится сила,
И ей онъ матерью былъ данъ (19);
И съ комболо́йё вотъ Кора̀нъ (20),
Раскрашенъ яркими цвѣтами;
А подлѣ — съ пестрыми каймами
Тетради пѣсенъ и стиховъ
Счастливой Пе́рсіи пѣвцовъ,
И лютня, бывшая подруга
Ея весёлаго досуга, —
И вкругъ лампады золотой

Цвѣтутъ цвѣты, благоухая,
Въ фарфорѣ расписномъ Китая,
И дышутъ свѣжею весной! —
И пышные ковры Ирана,
И ароматы Шелистана,
И всё здѣсь дивною красой
И взоръ, и чувство услаждаетъ.
Но что-то тайною тоской
Невольно сердце замираетъ.
Сама гдѣ Пери? — гдѣ жъ она? —
И воетъ вѣтръ, и ночь темна.

VI.

Подъ соболемъ пушистымъ, чёрнымъ,
Сокрывъ отъ вьюги нѣжну грудь,
Она, не смѣя и дохнуть,
Съ проводникомъ своимъ безмолвнымъ,
Проходитъ трепетной стопой
Кустарникъ дикій и густой.
Когда жъ въ полянѣ вихрь промчится,
И вдругъ завоетъ, засвиститъ, —
То дѣва бѣдная дрожитъ, —
Назадъ хотѣла бъ возвратиться;
Но отъ Селима какъ отстать,
Какъ на любезнаго роптать?

VII.

И вотъ стезёй уединенной
Пришли къ пещерѣ отдаленной,
Гдѣ часто съ лютнею въ рукахъ
По вечерамъ она пѣвала,
И набожно Коранъ читала,
Носясь въ младенческихъ мечтахъ
Дѣвичьей думой въ небесахъ.
Что будетъ съ женскими душами, —
Пророкъ ни слова не сказалъ;
Но ясными вездѣ чертами
Селиму вѣчность обѣщалъ.
«Ахъ! и въ тѣни садовъ чудесныхъ,
«И въ свѣтлыхъ радостяхъ небесныхъ,
«Селимъ вспоскуется по мнѣ,
«Ему такъ милой на землѣ.
«О, нѣтъ! возможно ль, чтобъ иная
«Такъ нѣжно съ нимъ умѣла жить,
«И будто можетъ дѣва рая
«Страстнѣй меня его любить?»

VIII.

Но видъ пещера измѣнила
Съ тѣхъ поръ, когда въ послѣдній разъ
Зюлéйка тамъ досужный часъ
Въ сердечныхъ думахъ проводила.
Быть можетъ то, что мракъ ночной
Давалъ пещерѣ видъ иной,
Гдѣ пламень синеватый, блѣдной
Едва пылалъ въ лампадѣ мѣдной.
Но что въ лучахъ его блеститъ?
Что чудное въ углу лежитъ?
То были сабли и кинжалы;
Но съ таковыми въ бой летитъ
Не грозный обожатель Аллы,
А носитъ рать чужой земли.
И вотъ одинъ кинжалъ въ крови!....
Не льётся кровь безъ злодѣянья....
И тутъ же чаша ликованья,
И не шербетъ былъ въ чашѣ той.
Она глядитъ, не понимаетъ, —
На друга робко взоръ бросаетъ:
«Селимъ! Ахъ! ты ли предо мной?»

IX.

И онъ предъ ней въ одеждѣ новой: —
Исчезла гордая чалма,
И шалью обвитà пунцовой
Его младая голова;
Нѣтъ камней радужнаго цвѣта;
Кинжалъ не блещетъ жемчугомъ,
Но два чеканныхъ пистолета
За пёстрымъ, шитымъ кушакомъ,
И сабля лёгкая звенѣла, —
И тонкій станъ его одѣла
Небрежно сброшенна съ плечà
Изъ бѣлой ткани епанча,
Какую носятъ Кандіóты,
Пускаясь въ буйные налёты;
Не панцырь грудь его хранитъ, —
Она подъ сѣткой золотою;
И обувь странная гремитъ
Серебряною чешуёю;
Но чинъ высокой онъ являлъ
Осанкой гордою своею,
Хотя казалось, что стоялъ
Галіонджи простой предъ нею (21).

X.

«Ты видишь правду тайныхъ словъ:
«Что я — кто я — никто не знаетъ;
«Мой рокъ мрачнѣе страшныхъ сновъ,
«И многимъ горе предвѣщаетъ.
«Но какъ молчать, стерпѣть ли мнѣ,
«Чтобъ мужемъ былъ Осма̀нъ тебѣ?
«Доколѣ мнѣ тоской мятежной
«Ты не явила страсти нѣжной, —
«Я долженъ былъ, я самъ хотѣлъ
«Таить мой бѣдственный удѣлъ;
«Не пламенной моей любви
«Теперь я стану убѣждать:
«Любовь я долженъ доказать
«Годами, вѣрностью и кровью;
«Но ты не будь ни чьей женой,
«И я не братъ, Зюле́йка, твой.»

XI.

«Не братъ? и мнѣ тебя чуждаться?
«Творецъ! роптать я не должна.
«Но, ахъ! ужѐ ль я рождена
«Безродной по землѣ скитаться,

«Безъ милаго на свѣтѣ жить?
«Меня не будешь ты любить!
«И я увяну сиротою.
«Но знай: и въ горести моей
«Останусь другомъ я — сестрою —
«Зюлéйкой прежнею твоей!
«Быть можетъ, жаль тебѣ рѣшиться
«Младую жизнь мою пресѣчь,
«А долженъ мстить; возьми же мечь —
«Вотъ грудь моя! чего страшиться?
«Сноснѣе тлѣть въ землѣ сырой,
«Чѣмъ жить и быть тебѣ чужой.
«Судьбы жестокаго удара
«Теперь причину вижу я,
«Яфàръ.... Онъ вѣчно гналъ тебя
«А я, увы! я дочь Яфáра!
«Спаси меня!... хоть не сестрой,
«Пусть буду я твоей рабой.»

XII.

«Зюлéйка! ты моей рабою?...
«Пророкомъ я клянусь! Селимъ
«Всегда, вездѣ, навѣкъ твоимъ!

«Счастлива нѣжною мечтой,
«Ты слёзъ не лей передо мною. —
«Взгляни на мечь завѣтный мой,
«Кора́на съ надписью святой (22)!
«Пускай сей мечъ въ день шумной бра́ни
«Позоромъ ослабѣлой длани
«Не защититъ въ бою меня,
«Когда обѣтъ нарушу я!
«Прелестный другъ — душѝ отрада —
«Соединимся мы тѣснѣй!
«Теперь исчезла намъ преграда,
«Хоть лично мнѣ Яфа̀ръ злодѣй. —
«Ему былъ братомъ — мой родитель;
«Онъ тайно брата умертвилъ;
«Но однокровнаго губитель
«Меня, младенца, пощадилъ;
«И сироту — онъ, Ка́инъ новый (23)
«Хотѣлъ себѣ поработѝть,
«Какъ львёнка, думалъ заключить
«Обманомъ въ тяжкія оковы,
«И тщился строго наблюдать,
«Чтобъ я цѣпей не смѣлъ порвать; —
«Его обидъ я не забуду;
«Кипитъ во мнѣ отцова кровь;

«Но въ томъ порукою любовь,
«Что для тебя — я мстить не буду.
«Однако жъ вѣдай, какъ Яфàръ
«Свершилъ злодѣйскій свой ударъ!»

XIII.

«Какъ ярость братьевъ раздраженныхъ
«Вспылала гибельной грозой,
«Любовь, иль, честь тому виной, —
«Не знаю я; въ душахъ надменныхъ
«Обидъ малѣйшихъ даже видъ
«Вражду смертельную родитъ.
«Отецъ мой, Абдалà, всѣхъ болѣ
«Врагамъ былъ страшенъ въ ратномъ полѣ.
«Еще поднесь его дѣлà
«Боснійцы въ пѣсняхъ величаютъ,
«И ратники Пасвáна знаютъ (24),
«Каковъ былъ смѣлый Абдалà.
«Я раскажу Зюлéйкѣ нынѣ
«О горестной его кончинѣ,
«Какъ онъ коварства жертвой палъ,
»И о моей узнавъ судьбинѣ,
«Какъ я навѣкъ свободнымъ сталъ.»

XIV.

«Когда Пасвàнъ въ стѣнахъ Виддúна
«Ужѐ не жизнь одну спасалъ,
«А самъ Султáну угрожалъ;
«Тогда Пашѝ вкругъ властелина
«Стеклись, раздоръ забыли свой, —
«И двинулись съ мятежнымъ въ бой.
«Два брата сабли обнажаютъ,
«При каждомъ вѣрные полкѝ,
«Раскинутъ станъ, и бунчуки
«Въ поляхъ Софійскихъ развѣваютъ.
«Но Абдалы надежный мечь
«Напрасно ждалъ кровавыхъ сѣчь.
«Онъ мнилъ, что съ братомъ примирился, —
«И въ небеса переселился,
«Роднымъ злодѣемъ отравлёнъ.
«Однажды, бывши утомлёнъ
«Звѣриной ловлею и жаромъ,
«Вкушалъ въ купальнѣ онъ покой,
«И рабъ, подкупленный Яфáромъ,
«Ему напитокъ роковой (25)
«Поднёсъ; онъ взялъ безъ подозрѣнья, —
«И смерть!... не вѣрь моимъ словамъ,
«Гарýнъ рѣшитъ твои сомнѣнья,
«Спроси его, Гарýнъ былъ тамъ.»

XV.

«Ударъ свершёнъ. Пасвàнъ надменный,
«Разбитый, но не побѣжденный,
«Войну пресѣкъ, — родитель твой
«Берётъ неправедною мздой
«Удѣлъ и санъ высокій брата;
«Такъ подлой наглостью своей
«Въ Диванѣ всё, цѣною зла́та,
«Искатель низкой и злодѣй
«Достанетъ: — наши зе́мли, пра́вы,
«Его измѣны плодъ кровавый,
«Онъ получилъ. — Нѣтъ нужды въ томъ,
«Что въ даръ богатство расточаетъ, —
«Утрату новымъ грабежомъ
«Яфàръ обильно замѣняетъ.
«Ты спросишь: какъ? — Взгляни сама
«На сёлъ, полей опустошенья,
«И подъ жестокостью ярма
«Рабовъ несчастныхъ изнуренья.
«Спроси, какъ вымучен́ный попъ
«Ему сокровища даётъ.
«Почто жъ младенецъ безнадежной
«Спасенъ отъ смерти неизбѣжной?

«Зачѣмъ суровый твой отецъ
«Его пріемлетъ въ свой дворецъ?
«Не знаю; стыдъ, иль сожалѣнье,
«Иль дѣтской слабости презрѣнье,
«Иль безъ сыновъ онъ, можетъ быть,
«Хотѣлъ меня усыновить,
«Иль замыслъ непонятный, тайной
«Тому причиною случайной.
«Но намъ ли вмѣстѣ можно жить?
«Въ обоихъ гнѣвъ нетерпѣливый
«Всечасно разгорался вновь;
«Его страшилъ мой духъ кичливый;
«Я зрѣлъ на нёмъ отцову кровь.»

XVI.

«Враги Яфáровы таятся;
«Не всякъ тотъ вѣрность сохранитъ,
«Кого онъ кормитъ и поитъ.
«Когда бъ они могли дознаться,
«Что было съ Абдалòй, кто я, —
«Тогда бъ ему не жить и дня.
«Они лишь ждутъ, чтобъ сердцемъ смѣлой
«Ихъ вёлъ на дерзостное дѣло;
«Глядятъ, чтобъ буйною рукой
«Имъ знакъ былъ поданъ роковой.

«Но тма судьбу мою скрываетъ;
«Одинъ Гарунъ всю тайну знаетъ.
«При Абдалѣ воспитанъ онъ,
«И стражемъ былъ отцовыхъ жёнъ.
«Онъ видѣлъ страшную кончину;
«Но что невольникъ могъ начать?
«Владыки смерть ему ль отмщать?
«Онъ жизнь спасти рѣшился сыну.
«Гарунъ меня младенца взялъ,
«И въ день, когда въ чаду кичeнья
«Губитель гордый пировалъ, —
«Осиротѣлый, безъ призрѣнья
«Я у воротъ его стоялъ.
«Гарунъ молилъ — и не напрасно
«Объ участи моей несчастной.
«Яфаръ велѣлъ таить — кто я,
«Отъ всѣхъ, — но болѣ отъ меня;
«И въ Азію съ бреговъ Дуная,
«Далёко отъ Румельскихъ странъ,
«Свое злодѣйство скрыть желая,
«Уѣхалъ сумрачный тиранъ;
«Но мнѣ Гарунъ открылъ обманъ.
«Узналъ наперсникъ боязливой
«Весь ужасъ тайны злочестивой;

«Онъ измѣнить стремился ей;
«Такъ Алла злобныхъ наказуетъ;
«Онъ имъ сообщниковъ дарýетъ,
«Но не дарýетъ имъ дрýзей.»

XVII.

«Мой рокъ невольно устрашаетъ;
«Но правды я не утаю̀,
«Хотя разсказъ мой и смущаетъ
«Невинность робкую твою;
«Замѣтилъ я, какъ ты дрожала,
«Когда Селѝма узнавала
«Въ одеждѣ странной; но ужъ я
«Её носилъ — она моя:
«Твой юный другъ, съ которымъ вѣчно
«Ты клятвой связана сердечной,
«Начальникъ шайки удало̀й;
«Намъ жизнь, законъ — одинъ разбой.
«И если бъ ты узнала болѣ
«Объ нашей въ морѣ буйной долѣ;
«Тогда бъ еще удвоилъ страхъ
«Лилеи на твоихъ щекахъ. —
«Вотъ эта збруя боевая

«Моей толпой принесена;
«Вблизи скрывается она;
«Когда же чаша круговая
«Въ пиру морскомъ осушена;
«То удальцы мои суровы
«На всё летятъ, на всё готовы;
«Пророкъ нашъ долженъ имъ простить
«Весёлой грѣхъ — вино любить.»

XVIII.

«Что было дѣлать? жить въ презрѣньи?
«Дышать свободой въ заточеньи?
«Яфаръ боялся ужъ меня,
«И ни кинжала, ни коня
«Мнѣ дать не смѣлъ, а предъ Диваномъ
«Онъ правду затмевалъ обманомъ,
«Что будто въ полѣ страшно мнѣ
«Летѣть съ кинжаломъ на конѣ;
«Пророкъ то знаетъ — въ бой кровавый
«Спѣшитъ одинъ злодѣй лукавый, —
«А я въ гаремѣ между жёнъ
«И безъ надежды, и безъ славы
«Томлюсь, Гаруну порученъ; —
«Тогда ты ласкою безцѣнной

«Меня утѣшить не могла;
«Устрашена грозой военной,
«Въ далёкомъ за́мкѣ ты жила̀.
«Я тяжкой праздностью томился,
«Но волю мнѣ на время дать
«Гару̀нъ изъ жалости рѣшился, —
«Лишь я былъ долженъ обѣщать
«Явиться прежде къ намъ въ обитель,
«Чѣмъ съ по́ля бра́ни твой родитель.
«О, нѣтъ! сказать не въ силахъ я,
«Какъ сердце билось у меня,
«Когда свободными очами
«Узрѣлъ я вдругъ и тёмный лѣсъ,
«И синю даль, и блескъ небесъ,
«И море съ яркими волнами.
«Въ пучины мо́ря — въ небеса,
«Казалось, духъ мой проникаетъ;
«Казалось мнѣ, онъ постигаетъ
«Всѣ тайны ихъ, всѣ чудеса.
«Съ тѣмъ чувствомъ новымъ: я свободенъ!
«Восторгъ мой былъ съ безумьемъ сходенъ.
«Тогда я розно былъ съ тобой;
«И не грустилъ; — я той поро̀й
«Владѣлъ и небомъ и землёй.»

XIX.

«Простясь съ печальными брегами,
«Я съ Маврскимъ опытнымъ пловцомъ
«Стремилъ мой бѣгъ межъ островами,
«Блестящими надъ влажнымъ дномъ
«Жемчужно-пурпурнымъ вѣнцомъ
«Святаго старца Океана.
«Я видѣлъ ихъ. — Но жребій мой
«Гдѣ свёлъ насъ съ буйною толпой,
«Какъ власть дана мнѣ Атамана,
«И какъ навѣки рѣшено,
«Что жизнь и смерть намъ за-одно, —
«Я разсказать тебѣ успѣю
«Тогда, какъ будетъ свершено,
«Что тайно въ думѣ я имѣю.»

XX.

«То правда, въ шайкѣ удалой
«Кипитъ духъ буйный, нравъ крутой;
«Всѣ разныхъ званій, разной вѣры;
«Имъ чужды общіе примѣры;
«Но простота, безъ лести рѣчь,
«Покорность власти, вѣрный мечь,
«Душа, которая стремится
«Безстрашно съ гибелью сразиться,

«Ихъ братство, дикая ихъ честь,
«И вѣчная за падшихъ месть, —
«Всё мнѣ порукою надежной,
«Что долженъ я искать межъ нихъ
«Оплота въ у́части мятежной,
«Удачи въ замыслахъ моихъ. —
«Ужѐ я главнымъ въ шайкѣ смѣлой,
«Но Франкъ одинъ преклонныхъ лѣтъ
«При мнѣ, и юности незрѣлой
«Даётъ свой опытный совѣтъ.
«Межъ ними много душъ высокихъ,
«И много замысловъ глубокихъ;
«Здѣсь вольностью оживлены,
«Забывши бѣдствія былыя,
«Друзья Ламбро́са удалы́е (26),
«Отчизны вѣрные сыны,
«Въ пещерахъ часто ночью тёмной
«При яркомъ заревѣ огней,
«Своихъ Раясъ мечтой огромной
«Ужѐ спасаютъ отъ цѣпей;
«Имъ думать ве́село о волѣ,
«О равныхъ правахъ, мирной долѣ;
«Ихъ нѣтъ нигдѣ, имъ быть нельзя̀,
«Но ихъ мечтой плѣнёнъ и я.

«Я радъ нестись шумящими зыбями,
«Скитаться радъ въ кибиткѣ кочевой (27);
«Мнѣ душно жить за пышными стѣнами;
«Люблю шатёръ, люблю челнокъ простой.
«О милый другъ! всегда, вездѣ со мною,
«И на конѣ мнѣ спутница въ степяхъ,
«И по волнамъ на лёгкихъ парусахъ;
«Ты правь конёмъ, ты правь моей ладьёю,
«Ты будь моей надежною звѣздою!...
«Ты освятишь мой жребій роковой,
«Мнѣ принесёшь Небесъ благословенья.
«Лети, лети въ ковчегъ мятежной мой,
«Какъ благодать, какъ голубь примиренья;
«Иль въ страшный часъ во мракѣ бурныхъ дней,
«Будь радугой прекрасною моей;
«Зажгись зарёй вечерней надъ холмами,
«Пророческимъ огнёмъ межъ облаками.
«Свята̀ — какъ святъ Муйци́новъ Ме́кки гласъ
«Поклонникамъ молитвы въ тихій часъ, —
«Плѣнительна — какъ пѣсни звукъ любимой
«Въ мечтахъ младыхъ тоской неизъяснимой;
«Мила̀ — какъ милъ напѣвъ земли̇̀ родной
«Изгнаннику въ странѣ, ему чужой;
«Такъ будетъ мнѣ отрадою безцѣнной

«Рѣчь нѣжная подруги несравненной.
«Пріютъ, какъ рай въ часъ юности своей,
«На островахъ, цвѣтущихъ красотою,
«Съ моей рукой, съ любовію моей
«Тебѣ готовъ; тамъ дышетъ всё тобою,
«Тамъ сотнями мечи ужѐ блестятъ,
«Они спасутъ, и грянутъ, и сразятъ.
«Съ тобою я, — а шайка удала́я
«Вдоль по́ морю помчится разъѣзжать,
«И для тебя, подруга молодая,
«Чужихъ земель наряды отбивать.
«Въ гаремѣ жизнь скучна̀, какъ плѣнъ тяжёлый;
«У насъ свѣтла̀ безпечностью весёлой.
«Я знаю, рокъ грознѣе съ каждымъ днёмъ
«Несётся въ слѣдъ за дерзкимъ кораблёмъ;
«Но пусть бѣда отважныхъ настигаетъ,
«Судьба тѣснитъ и дружба измѣняетъ;
«Всё усладитъ любовь твоя одна.
«Прелестный другъ! съ той думою сердечной,
«Что ты моя, что ты вѣрна̀ мнѣ вѣчно,
«Печаль летитъ — и гибель не страшна̀.
«Равна̀ любовь, равно̀ къ бѣдамъ презрѣнье,
«Съ тобой во всёмъ найдётся наслажденье;
«Заботы, грусть и радость пополамъ;

«Всё ты — всё я — и нѣтъ разлуки намъ.
«Свободные, — съ товарищами смѣло
«Опять въ моряхъ начнёмъ мы наше дѣло.
«Такъ свѣтъ идётъ; духъ жизни боевой
«Даётся всѣмъ природою самой.
«Гдѣ льётся кровь — гдѣ странъ опустошенье,
«Ужасна брань, и ложно примиренье;
«И я горю воинственнымъ огнёмъ,
«Но я хочу владѣть однимъ мечёмъ.
«На распрѣ власть престолъ свой утвердила,
«И властвуетъ имъ хитрость, или сила;
«Пускай же мечъ блеститъ въ моихъ рукахъ,
«А хитрость пусть гнѣздится въ городахъ;
«Тамъ нѣгою тѣ души развратились,
«Которыя бъ и бѣдъ не устрашились;
«Тамъ безъ подпоръ, безъ друга красотѣ
«Цвѣсти нельзя въ невинной чистотѣ,
«Но за тебя страшиться мнѣ напрасно;
«Какъ Ангелъ, ты свѣтла душёю ясной.
«Какъ знать судьбу! Но намъ въ родной странѣ
«Спасенья нѣтъ, а горести однѣ.
«Мою любовь разлука ужасаетъ:
«Яфаромъ ты Осману отдана;
«Бѣги со мной! и страхъ мой исчезаетъ;

«Попутенъ вѣтръ, ночь тихая темна.
«Чета любви ненастья не робѣетъ,
«Въ опасной тмѣ надъ нею радость вѣетъ.
«Бѣжимъ, бѣжимъ, о милая! съ тобой
«Отрадно всё: — и дышутъ красотой
«Моря̀ и степь; — въ тебѣ весь міръ земной!
«Пусть вѣтръ шумитъ страшнѣе и страшнѣе,
«Прижмёшься ты къ груди̇̀ моей тѣснѣе! —
«Не ужаснётъ часъ гибельный меня!
«Лишь о тебѣ молиться буду я.
«Что буйный вѣтръ? что бездны Океана?
«Страшись любовь коварства и обмана!
«Насъ гибель ждётъ въ гаремѣ, не въ моряхъ;
«Тамъ мигъ одинъ, а здѣсь вся жизнь въ бѣдахъ.
«Но — прочь отъ насъ тяжёлыхъ думъ волненья!
«Рѣшись скорѣй! насталъ ужѐ для насъ
«Иль часъ бѣды, или свободы часъ.
«Мы жертва здѣсь и гордости, и мщенья.
«Яфа̀ръ мнѣ врагъ! и хочетъ дерзкой Бей.
«Насъ разлучить, — тебѣ Осма̀нъ злодѣй!»

XXI.

«Гару̀нъ отъ ка́зни и упрёка
«Избавленъ мной; въ Сераль до срока

«Я прибылъ, — здѣсь не каждый зналъ,
«Какъ я по островамъ скитался;
«Кто тайну вѣдалъ, — умолчалъ, —
«И я начальникомъ остался
«На всё готовыхъ смѣльчаковъ;
«Рѣшитель дерзостныхъ трудовъ,
«Я ихъ въ разъѣзды разсылаю,
«Межъ нихъ добычи раздѣляю;
«И жалко мнѣ, что рѣдко самъ
«Пускаюсь съ ними по волнамъ.
«Но ужъ пора̀! во тмѣ глубокой
«Всё тихо! чёлнъ мой недалёко;
«Ужъ вѣтеръ вьётся въ парусахъ;
«Бѣжимъ! оставимъ гнѣвъ и страхъ
«На здѣшнихъ мрачныхъ берегахъ!
«Осма̀нъ пусть явится съ зарёю;
«А ты свободна — ты со мною!
«И если этотъ гордый Бей
«Жить долженъ, — и отца роднаго
«Спастѝ отъ часа роковаго
«Ты хочешь, — о, бѣгѝ скорѣй!
«Бѣгѝ! Когда жъ судьбы моей
«Узнавъ всю тайну безъ обмана,
«И клятву се́рдца, и мечты

«Любви младой забыла ты, —
«Я остаюсь, я жду Осма́на!
«Тебѣ не быть его женой,
«Не быть, что бъ ни́ было со мной!!»

XXII.

И неподвижная, нѣмая
Стояла дѣва молодая.
Такъ намъ рѣзецъ изобразилъ,
Какъ мать въ печали безотрадной
Вдругъ обратилась въ камень хладный.
Лишенная и чувствъ и силъ,
Очамъ она являла тоже;
Лишь, бѣдная, была моложе;
Но, страха тайнаго полна̀,
Едва опомнилась она, —
Какъ видитъ: у воро̀тъ садовыхъ
Вдругъ блещетъ факелъ роковой....
Блеснулъ одинъ, — блеснулъ другой,
И много, — и огней багровыхъ
Свѣтъ яркій озаряетъ садъ.
«Бѣги̇!.... ты больше мнѣ, чѣмъ братъ!»
И въ красномъ заревѣ съ мечами
Злодѣи видны межъ кустами.

Они бѣгутъ, они летятъ,
По рощамъ, въ прóсѣкахъ мелькаютъ;
Кинжалы, факелы сверкаютъ.
Страшнѣе всѣхъ Яфàръ бѣжитъ,
Бѣжитъ къ пещерѣ отдаленной,
И машетъ саблей обнаженной,
И гнѣвомъ бѣшенства кипитъ.
Селѝмъ! ужѐ ль судьба рѣшила,
Чтобъ здѣсь была твоя могила?

XXIII.

Отважный смотритъ: «билъ мой часъ —
«Зюлéйка! скоро всё свершится!
«Цѣлуй меня въ послѣднѝй разъ.
«Но близко наши, — къ нимъ домчится
«Призывный звукъ, — узрятъ они
«Въ кустахъ багровые огни;
«Ихъ мало.... но — чего страшиться!»
Вдругъ изъ пещеры онъ стрѣлой,
Чеканный пистолетъ хватаетъ:
Раздался выстрѣлъ вѣстовой, —
И дѣва въ горести нѣмой
Безъ слёзъ отъ страха обмираетъ.
«Не слышно.... что жъ!.... и приплывутъ,
«Но ужъ Селѝма не найдутъ.

«На выстрѣлъ мой бѣгутъ толпою
«Злодѣи ближнею тропою:
«Такъ обнажись отцовскій мечь!
«Ты не видалъ подобныхъ сѣчь.
«О другъ! прости! чрезъ рощу тайно
«Иди съ надеждой во дворецъ.
«Тебѣ разгнѣванный отецъ
«Проститъ. Но, ахъ! чтобы случайно
«Свинецъ вблизи не просвисталъ;
«Чтобъ въ очи не блеснулъ кинжалъ.
«Иди . . . . Не бойся за Яфáра;
«Пусть ядъ былъ данъ его рукой,
«Пусть скажетъ: робокъ я душой;
«Не дамъ ему — не дамъ удара;
«Но ихъ — я радъ, готовъ разить;
«Меня ль убійцамъ устрашить!»

XXIV.

И онъ, какъ вихрь, на склонъ прибрежной
Стремится, выхвативъ свой мечь;
Вотъ первый изъ толпы мятежной, —
Его глава скатилась съ плечь.
Вотъ и другой; мечъ снова блещетъ, —
И трупъ у ногъ его трепещетъ.

Но ужъ онъ самъ со всѣхъ сторонъ
Толпою буйной окружонъ.
Селимъ сѣчётъ ихъ, колетъ, рубитъ;
Достигъ до волнъ береговыхъ,
И видитъ въ морѣ удалыхъ.
Ужѐ ли рокъ его погубитъ!
Къ нему безстрашные въ бояхъ
Летятъ на бѣлыхъ парусахъ;
О! дуй сильнѣе вѣтръ попутной!
Они спѣшатъ, — они гребутъ,
И съ лодки въ море — и плывутъ,
И сабли блещутъ въ пѣнѣ мутной;
Ихъ дикой взоръ, какъ жаръ горитъ,
Съ одеждъ, съ кудрей вода бѣжитъ, —
Вскочили, ... вскрикнули, ... сразились;
Кипитъ въ саду шумящій бой;
Но гдѣ жъ Зюлейки другъ младой?
Чьей кровью волны обагрились?

XXV.

Отъ вражьихъ стрѣлъ, отъ ихъ мечей
Неуязвленный, невредимый,
Толпой неистовыхъ тѣснимый,
Ужъ онъ на взморьѣ, межъ друзей;
Ужъ вѣрная ладья манила

Его къ привѣтнымъ островамъ;
Ужѐ рука его врагамъ
Ударъ послѣдній наносила, —
Въ тотъ самый мигъ .... увы! зачѣмъ
Ты медлишь, юноша несчастной!
Что оглянулся на гаремъ,
Гдѣ не видать тебѣ прекрасной?
Ни тяжкой плѣнъ, ни смертный страхъ,
Она одна, одна въ очахъ,
Онъ въ ней живётъ — и въ часъ напасти
Надежда льститъ безумной страсти;
Въ тотъ мигъ свинецъ летитъ, свиститъ:
«Вотъ какъ Яфàръ враговъ казнитъ!»
Чей слышенъ голосъ? кто свершитель
Удара мéсти въ тмѣ ночной?
Кто злобною вблизи рукой,
Кто мѣтилъ выстрѣлъ роковой?
Чей карабинъ?.... онъ твой, губитель!
Ты ядомъ брата отравилъ,
Ты жъ сироту его убилъ!....
И хлещетъ кровь его струёю
Надъ ясной влагою морскою, —
И бурныхъ волнъ прибрежныхъ шумъ
Уноситъ ропотъ тайныхъ думъ. —

XXVI.

Ужѐ разсвѣтъ, — клубятся тучи, —
Въ туманъ одѣтъ небесный сводъ;
Полночный бой у шумныхъ водъ
Давно замолкъ; — но брегъ зыбучій
Явилъ съ печальною зарёй
Слѣды тревоги боевой,
Обломки сабли притупленной,
И мечь еще окрававленный.
Замѣтно было на пескѣ,
Какъ буйные его топтали,
Какъ ру́ки, ро́ясь, замирали, —
И подъ кустомъ не вдалекѣ
Курился факелъ обгорѣлой.
Вотъ опрокинутый челнокъ
Волною брошенъ на песокъ,
И епанча изъ ткани бѣлой
Въ кровѝ, пробитая свинцомъ,
Виситъ на простникѣ морскомъ, —
И быстрой плескъ волны̀ упорной
Отмыть не можетъ крови чёрной;
Но гдѣ же тотъ, съ чьего плеча̀
Въ кровѝ упала епанча̀?

О! если бъ сердце чьё хотѣло
Оплакать горестное тѣло, —
Пускай его, пусть ищетъ тамъ,
Гдѣ море и кипитъ, и блещетъ,
И подъ скалой Сигéйской плещетъ,
Стремясь къ Лемнóсскимъ берегамъ;
Надъ нимъ морскія птицы вьются,
Ужъ хладный трупъ клевать несутся,
И онъ безчувственный плывётъ
По произволу бурныхъ водъ, —
И, колыхаяся съ волною,
Качаетъ юной головою,
Всплываетъ, тонетъ, и порòй
Какъ бы грозитъ еще рукой.
И пусть клюютъ морскія птицы
Его, лишеннаго гробницы;
Ихъ дикій крикъ и клёвъ страшнѣй
Тлетворныхъ гробовыхъ червей?
Былъ другъ одинъ, былъ ангелъ милой,
Прекрасный спутникъ прежнихъ дней;
Она одна душой унылой
Грустила бъ надъ его могилой, —
И столбъ съ надгробною чалмой (28)
Кропила вѣрною слезой;

Но свѣтлой взоръ ея затмился, —
И пламень жизни въ ней погасъ
Тогда, какъ рокъ его свершился,
Какъ билъ ему послѣдній часъ.

XXVII.

Надъ Геллеспо́нтомъ вопль и стоны!
Уныли мужи — плачутъ жёны;
Звѣзда любви, Яфа́ра дочь
Послѣдняя семьѝ надменной!
Спѣшилъ — скакалъ и день и ночь,
Но опоздалъ твой обрученной;
Не зрѣть ему красы твоей,
Не для его она очей.
И *Вулвулла* къ нему поро́ю (29)
Несётся съ вѣстью гробовою.
Плачъ громкой на твоемъ крыльцѣ
Подругъ, блѣднѣющихъ въ лицѣ;
Рабовъ безмолвныхъ видъ печальной, —
Кора́на пѣсни погребальной
Протяжный хоръ, — стенанья, вой, —
Ему разскажутъ жребій твой.

Селима падшимъ ты не зрѣла;
Когда въ ночи на страшный бой
Твой другъ пошелъ, ты обомлѣла;
Онъ былъ надеждой свѣтлыхъ дней,
Любовью, радостью твоей.
Ты видишь — смерть неизбѣжима; —
Ужъ не спасти тебѣ Селима!
И сердце кровью облилось,
Въ послѣднее затрепетало,
Вдругъ дикой вопль..., разорвалось,
И разомъ биться перестало,
И тихо всё — всё тихо стало.
Миръ сердцу твоему! и миръ
Надъ дѣвственной твоей могилой!
Ты счастлива — любви кумиръ;
Тебя плѣнялъ мечтою милой;
Одинъ ударъ тебя сразилъ;
Онъ вдругъ мечты твои убилъ,
Но вѣры къ нимъ не погубилъ.
Ты жизнь такъ радостно встрѣчала;
Ты не боялась, ты не знала
Разлуки, ссоры роковой,
Стѣсненной гордости позора,
И злобы съ тайной клеветой,

И мрачной совѣсти укора,
Ни язвы той . . . . . О! чёрныхъ дней,
Ночей ужасныхъ плодъ унылый
Безумства дикаго страшнѣй.
Она какъ червь — жилецъ могилы —
Не утихаетъ, не уснётъ;
И этотъ червь въ душѣ гнѣздится,
Не терпитъ свѣта, тмы страшится;
Онъ сердце точитъ, сердце рвётъ
И всё мертвитъ, а самъ не мрётъ.
Бѣда тебѣ! свершитель злодѣянья!
Напрасно ты главу опепелилъ,
И слёзы льёшь въ одеждѣ покаянья!
Кто Абдалу̀ — Сели́ма кто убилъ?
Ты на́звалъ дочь невѣстою Осма́на . . . .
Та, чья краса плѣнила бъ и Султа́на,
Отрада, честь твоихъ преклонныхъ лѣтъ . . .
О! рви власы, злодѣй! ея ужъ нѣтъ!
И нѣтъ тебя, ужъ нѣтъ, звѣзда младая!
Родимыхъ волнъ и прелесть и любовь,
Твой блескъ погасъ, его затмила кровь.
Злодѣй! страшись, та кровь была родная:
Терзайся вѣкъ, ищи её вездѣ:
«*Гдѣ дочь моя!*» и отзывъ скажетъ: *гдѣ* (30)?

XXVIII.

Въ долинѣ межъ кустовъ блистая,
Могильныхъ камней видѣнъ рядъ;
И кипарисы тамъ шумятъ,
Не вянетъ зелень ихъ густая;
Но вѣтви, тёмные листы
Печальны, какъ любовь младая
Безъ упованья и мечты.
Въ долинѣ той есть холмъ унылой,
Одѣтъ муравчатымъ ковромъ,
И роза бѣлая на нёмъ
Одна надъ тихою могилой
Цвѣтётъ, — но такъ нѣжнà, блѣднà,
Какъ бы тоской посаженà.
Она сама груститъ, томится,
И чуть повѣетъ вѣтерокъ, —
Ужѐ и страшно за цвѣтокъ.
Но что жъ! и буйный вихрь промчится,
И грянетъ громъ, и дождь польётъ,
А роза всё цвѣтётъ, цвѣтётъ;
И если кто грозы вреднѣе
Её сорвётъ, — свѣжѣй, милѣе
Она съ румяною зарёй

Опять надъ мягкой муравой.
Иль геній тайный, но чудесной
Кропитъ её росой небесной,
И пѣстунъ розы молодой?
Межъ дѣвъ Эллады слухъ несётся,
Что роза не цвѣтокъ земной,
Когда ни дождь, ни вѣтръ, ни зной,
Ни что до розы не коснётся;
Не нуженъ ей весенній лучь,
Не страшенъ мракъ осеннихъ тучь, —
Надъ нею птичка, гость эѳирной,
Незримая въ долинѣ мирной,
Поётъ одна въ тишѝ ночей,
И райской арфы сладкогласной
Дивнѣй напѣвъ ея прекрасной;
То не Иранской соловей;
Такой живой, сердечной му́ки
Его не выражаютъ звуки. —
Зайдётъ ли кто, — ужъ онъ всю ночь
Отъ птички не отходитъ прочь,
И слушаетъ въ раздумьи пѣнье,
И плачетъ, — и въ душѣ волненье,
Какъ бы въ грудѝ проснулась вновь,
Тоской убитая, любовь.

Но такъ отрадно слёзы льются,
Часы такъ сладостно несутся,
И такъ не тягостна печаль,
Что сердцу горестному жаль;
Какъ вдругъ плѣнительное диво
Разцвѣтъ огнистый прекратитъ,
И невидимка замолчитъ,
Инымъ въ тоскѣ мечталось живо;
Но кто жестокій упрекнётъ,
Что въ пѣсни жалкой и любимой,
Почти всегда пѣвецъ незримой
Зюлейки имя намекнётъ (31)?
Надъ ней тотъ кипарисъ надгробный,
Гдѣ влажный звукъ, словамъ подобный,
Звенитъ и таетъ въ тмѣ ночной;
Тотъ мягкій дёрнъ надъ дѣвой чистой,
Гдѣ вдругъ разцвѣлъ цвѣтокъ душистой
Неувядаемой красой.
Здѣсь былъ вечернею зарёю
Могильный мраморъ положёнъ;
На утро камня нѣтъ, — и онъ
Ужѐ ли смертною рукою
На дальній берегъ унесёнъ?
И намъ гласитъ разсказъ восточной:

Когда сраженный злобой мочной,
Селимъ былъ шумною волной
Лишенъ святыни гробовой;
Тогда вблизи крутаго ската
На взморьѣ камень былъ найдёнъ, —
И этотъ камень наречёнъ:
Подушкой мёртваго пирата.
На нёмъ пловцы въ полночной тмѣ
Видаютъ голову въ чалмѣ;
А роза всё не увядаетъ,
Томится, снова разцвѣтаетъ;
Прекрасна и блѣдна подъ чистою росой,
Какъ щеки красоты при вѣсти роковой.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Межнунъ* и *Лейла*, Восточный Ромео и Юлія. Са́ди — нравоучительный Персидскій Поэтъ.

(2) У Турокъ бьютъ въ барабанъ при восхожденіи солнца, въ полдень и въ сумерьки.

(3) Это выраженіе находили страннымъ; я не стану ссылаться на «*того, кто не имѣетъ музыки въ душѣ,*» а только попрошу читателя припомнить, въ теченіе десяти секундъ, черты женщины, которую онъ почитаетъ прекраснѣйшею; ежели онъ и тогда совершенно не пойметъ того, что слабо выражено въ этомъ стихѣ: то я жалѣю о насъ обоихъ.

О соотношеніи и непосредственномъ сравненіи, происходящемъ отъ сего соотношенія *музыки съ живописью*, можно прочесть краснорѣчивый отрывокъ, въ книгѣ: *О Германіи*, твореніи, написанномъ женщиною, которой Геній превзошелъ дарованія женщинъ всѣхъ временъ (de l'Allemagne, vol. III, chap. 10). Не гораздо ли сильнѣе сія связь съ подлинникомъ, нежели съ копіею? съ красками природы, нежели съ красками искусства? Однимъ словомъ, это легче чувствовать, нежели описать; однако жъ я думаю, что будутъ люди, которые поймутъ сіе выраженіе, или по крайней мѣрѣ поняли бы, ежели бъ они видѣли лице, котораго говорящая гармонія внушила сію мысль: въ самомъ дѣлѣ, мысль сія произведена не воображеніемъ моимъ, но я нашелъ ее

въ моемъ воспоминаніи, этомъ зеркалѣ, которое печаль разбиваетъ, бросая на землю, но глядя на обломки, видитъ только умноженное отраженіе.

(4) Карасманъ-Оглу, или Кара-Османъ-Оглу, есть богатѣйшій помѣщикъ въ Турціи; онъ управляетъ городомъ Магнезіею; Тимарьетами называютъ тѣхъ, которые владѣютъ землею, въ родѣ Феодальнаго права, съ обязанностью служить; они служатъ какъ Спаги его, соотвѣтственно пространству участковъ ихъ, и приводятъ съ собою въ поле извѣстное число конныхъ воиновъ.

(5) Когда Паша̀ столь силёнъ, что можетъ противиться; то повелѣваетъ удавить посланнаго, возвѣщающаго ему смертную казнь; иногда такимъ образомъ умерщвляютъ пятерыхъ или шестерыхъ посланныхъ одного за другимъ, по приказанію возмутившагося Паши̇̀. Напротивъ того, ежели онъ слабъ или послушенъ; то онъ преклоняется, цѣлуетъ подпись Султа́на и съ подобострастіемъ позволяетъ себя удавить. Въ 1810 году выставлены были на вратахъ Сераля го́ловы многихъ Пашѐй, понесшихъ подобную участь, и между прочими голова Багдадскаго Паши̇̀, храбраго молодаго человѣка, отчаянно сопротивлявшагося, — но умерщвленнаго измѣною.

(6) Хлопая въ ладони, кличутъ слугъ. Турки не любятъ тратить слова̀, и не имѣютъ колокольчиковъ.

(7) Богачи въ Турціи имѣютъ чубуки съ мундштуками, а иногда и самыя трубки, украшенныя дорогими каменьями.

(8) Делгисы, удалые всадники, всегда бросающіеся въ первый огонь и начинающіе сраженіе.

(9) Турки, для упражненія въ искусствѣ рубить, саблею, употребляютъ свёрлокъ войлока; мало кто, кро-

мѣ Мусульманъ, въ состоянія перерубить его однимъ ударомъ: часто употребляютъ для подобнаго же испытанія самую жесткую чалму. Джиридъ есть игра тупыми копьями, которая очень пріятна для глазъ необыкновенною живостью.

(10) Олла, Алла-илъ-Аллагъ, восклицаніе, называемое Испанскими поэтами: Лейла. По настоящему выговаривается Оллахъ; молчаливые Турки довольно расточительны на сіе восклицаніе, особенно во время охоты, игры Джиридомъ, а всего болѣе въ сраженіяхъ. Ихъ живость въ битвахъ представляетъ разительную противоположность съ ихъ важностію въ комнатахъ, когда они курятъ трубку и перебираютъ зёрна комболойё.

(11) Много разсуждали о томъ, почитать ли весёлымъ или печальнымъ пѣніе сего любителя розъ; примѣчанія Фокса дали поводъ ко многимъ ученымъ спорамъ противъ мнѣнія Древнихъ о семъ предметѣ. Я не смѣю сдѣлать тутъ никакого рѣшительнаго заключенія, хотя готовъ раздѣлять заблужденія г. Фокса.

(12) Азраилъ, ангелъ смерти.

(13) Сокровища Султа́новъ, которые, по нелѣпому мнѣнію Турокъ, были до Адама. Смотри у d'Herbelot, слово: *Истакàръ*.

(14) Есть пословица, что Турки изъ Негропонта, Жиды изъ Салоники, и Греки изъ Аѳинъ хуже всѣхъ другихъ изъ ихъ почетнаго народа.

(15) Чекодаръ, служитель, предшествующій знатной особѣ.

(16) Много было споровъ о томъ, что выражаетъ эпитетъ: широкій Геллеспонтъ. При мнѣ спорили объ этомъ однажды на мѣстѣ; не предвидя скораго окончанія сего спора, я вздумалъ перепрыгнуть его между

тѣмъ, и вѣрно еще разъ переплыву, пока это рѣшатъ. Извѣстно, что споръ о семъ начинается съ временъ Троянскихъ: всё затрудненіе представляется въ словѣ, ἄπειρος. Можетъ быть, поэтъ имѣлъ такое жъ понятіе о разстояніи, какое кокетки имѣютъ о времени, и говоря о широкомъ, подразумѣваютъ не болѣе полмили; такимъ же образомъ кокетки, говоря *о вѣчной* ихъ привязанности, подразумѣваютъ не болѣе трехъ недѣль.

(17) Александръ Македонскій, прежде наступленія на Персію, почтилъ гробницу Ахилла и увѣнчалъ алтарь лаврами и проч. Въ послѣдствіи сдѣлалъ то же въ подражаніе ему, Каракалла. Полагаютъ, что Каракалла умертвилъ своего друга, по имени Фестуса, отравою, для того только, чтобы найти причину учредить новыя игры, подобно бывшимъ въ память Патрокла. Я видѣлъ стада овецъ, пасущихся на гробницахъ Есіетеса и Антилоха; гробница перваго въ срединѣ долины.

(18) Янтарь при треніи издаетъ слабый, но пріятный запахъ.

(19) На Востокѣ еще и теперь всѣ суевѣрные вѣрятъ могуществу талисмановъ, вырѣзанныхъ на драгоцѣнныхъ камняхъ, или помѣщенныхъ въ золотыхъ коробочкахъ. Талисманы составляются изъ нѣсколькихъ стиховъ Корана, и носятъ ихъ на шеѣ, или привязываютъ къ рукѣ, въ видѣ браслета. Стихи изъ Курзи (престолъ) во второй главѣ Корана составляютъ талисманы, имѣющіе наиболѣе силы; почему набожные Мусульмане и носятъ ихъ начертаніе на драгоцѣнныхъ камняхъ, какъ высочайшее изъ всѣхъ познаній.

(20) Чётки Мусульманъ называются комболойё. — Восточныя и въ особенности Персидскія рукописи украшены съ большою роскошью. Гречанки вообще не имѣ-

ютъ никакого просвѣщенія, но многія молодыя Мусульманки получаютъ хорошее воспитаніе, которое впрочемъ не доставило бы имъ блеску въ обществѣ Европейцевъ.

(21) Галіонджи, или галіондже, то есть, Турецкій матросъ; — на корабляхъ сего народа матросы суть Греки; а солдаты Мусульмане. Одежда галіонджи весьма красива. Я часто видалъ Капитана-Пашу въ сей одеждѣ, когда онъ хотѣлъ не быть узнаннымъ. — Сіи галіонджи обыкновенно ходятъ босыми ногами; описаніе обуви, которую я придалъ Селиму, сдѣлано съ обуви одного изъ бывшихъ прежде въ числѣ морскихъ разбойниковъ, у котораго я жилъ, близъ Гальмона, въ Морѣ; она составлена изъ чешуекъ, лежащихъ одна на другой, какъ на армадиллѣ.

(22) На лезвеѣ Турецкихъ сабель бываетъ начертано названіе завода, на которомъ онѣ сдѣланы, но чаще бываетъ начертано золотыми буквами нѣсколько стиховъ изъ Корана. Между восточными саблями, которыя имѣю я, есть одна, которой лезвее имѣетъ необыкновенный видъ. Оно очень широко, и съ остраго края представляетъ изгибы наподобіе волнъ или наподобіе пламени. — Я спрашивалъ у Албанца, который мнѣ продалъ сію саблю, какую выгоду можетъ принести такой видъ оружія? Онъ отвѣчалъ по-Италіянски, что не знаетъ того, но что Мусульмане думаютъ, что таковыя оружія наносятъ опаснѣйшія раны, — и предпочитаютъ ихъ по той причинѣ, что они жесточе. Я не удивлялся объясненной имъ причинѣ, но купилъ сію саблю по ея старинному наружному виду.

(23) Турки неосновательно думаютъ, будто преданія о Каинѣ, о ковчегѣ и всѣ повѣствованія Ветхаго Завѣ-

ша имъ столько же извѣстны, сколько и Евреямъ. Они даже тщеславятся знаніемъ самыхъ мелочныхъ обстоятельствъ изъ жизни Патріарховъ, съ большею подробностію, нежели означены оныя въ Св. Писаніи, и не довольствуясь повѣствованіями отъ Адама, перваго человѣка, имѣютъ ложныя жизнеописанія до временъ Адамовыхъ. Съ такою же неосновательностію почитаютъ они Соломона Царемъ Некромантіи, а своего Магомета осмѣливаются сравнивать съ Моисеемъ, истиннымъ Пророкомъ. Зюлейкою, по-Персидски, называется жена Пентефрія, и любовь ея къ Іосифу дала предметъ къ сочиненію одной изъ прекраснѣйшихъ восточныхъ Поэмъ. И такъ неудивительно, когда Мусульманинъ говоритъ о Каинѣ и Ноѣ.

(24) Пасванъ-Оглу̀, возмутившійся Паша̀ Виддинскій, который въ послѣдніе годы своей жизни поколебалъ могущество Оттоманской Порты.

(25) Яфа̀ръ, Паша̀ Аргирокастронскій, или Скутарскій (не могу вспомнить, котораго изъ сихъ двухъ городовъ), былъ отравленъ Албанскимъ Пашо́ю, Аліемъ, тѣмъ же самымъ образомъ, какъ я предполагалъ, что Абдала̀ сіе сдѣлалъ. Между тѣмъ, какъ я еще тамъ находился, Али Паша женился на дочери отравленнаго имъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ сего убійства, которое совершилось въ одной изъ Андріанопольскихъ или Софійскихъ бань. Ядъ былъ примѣшанъ въ чашку кофе, который всегда пьютъ прежде шербета, подаваемаго Восточнымъ жителямъ при выходѣ ихъ изъ бани.

(26) Грекъ Ламбро Канцани въ 1789 и 90 годахъ силился избавить отечество свое отъ Турецкаго владычества; но, бывъ оставленъ Россіею, не успѣлъ въ своемъ предпріятіи и сдѣлался морскимъ разбойникомъ, избравъ

театромъ нападеній своихъ Архипелагскіе острова. Говорятъ, что онъ еще живъ и поселился въ Петербургѣ. Ламбро и Рига занимаютъ безъ сомнѣнія первое мѣсто между защитниками независимости своего народа.

(27) Кочующая жизнь Арабовъ, Татаръ и Туркменцевъ описана всѣми путешественниками въ Левантѣ. Нельзя не сказать, чтобы они не находили въ ней особенной прелести. Одинъ молодой Французъ, отступившій отъ Христіанства, разсказывалъ Шатобріану, что всегда, когда онъ мчался на конѣ, въ степи — онъ испытывалъ неописанное чувство, приближавшее къ восторгу.

(28) Чалма высѣкается изъ камня на гробницахъ однихъ мужчинъ.

(29) Это надгробная пѣснь по усопшимъ женщинамъ въ Турціи. Тамошняя благопристойность не позволяетъ, чтобы невольница могла публично изъявлять свою горесть.

(30) «Я пришелъ въ мою отчизну и вскричалъ: гдѣ друзья моей юности? гдѣ они? — и эхо отвѣчало: *Гдѣ они? — Отрывокъ изъ Арабской рукописи.*

(31) Не нужно ѣхать на Востокъ, чтобъ найти людей, вѣрющихъ переселенію душъ въ птицъ. Исторія привиденія Лорда Литтльтона, Герцогиня Кендаль, которая увѣряла себя, что Георгъ I прилеталъ на ея окно въ видѣ ворона (см. Воспоминанія Орфорда), и многіе другіе примѣры доказываютъ, что сіе суевѣріе было не чуждо и Европѣ. Самый чрезвычайный примѣръ есть суевѣріе одной госпожи изъ Ворчестера, которая, вообразивъ, что ея покойная дочь приняла видъ пѣвчей птички, велѣла помѣстить на своемъ мѣстѣ, которое она имѣла въ соборной церкви, нѣсколько клѣтокъ съ

птицами сего рода. Сія дама была богата и украшала церковь своими приношеніями, почему и не воспротивились этому сумасбродству. Сей анекдотъ упоминается въ письмахъ Орфорда.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

PILSETAS 3. BIBLIOTEKA RIGA

Bayerische Staatsbibliothek München

2

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kozlov, Ivan I.,

Sobranie stichotvorenij Ivana Kozlova

Bd.: 1. - 268 S.

Sanktpeterburg 1833

P.o.rel. 8155 l-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10048131-5